

LE MESSENGER

ВЕСТНИК

**РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО
ДВИЖЕНИЯ**

178

ПАРИЖ — НЬЮ-ЙОРК — МОСКВА

№ 178

III-IV-1998

*

Редакционная коллегия:

Архиеп. Сильвестр, прот. Николай Озолин, С. Аверинцев,
А. Богословский, Ю. Кублановский, игум. Игнатий Крекшин,
о. Иларион Алфеев, Д. Поспеловский, Б. Любимов, К. Сигов,
Н. Струве.

Ответственный редактор : Н.А. Струве

ВЕСТНИК Р. Х. Д.

№ 178 : в 1999 году выйдет 2 выпуска

Условия подписки на 2 номера (с пересылкой) :

Франция	200 фр.
Другие страны (SEA MAIL)	230 фр.
— (AIR MAIL)	270 фр.

Цена отдельного номера: 100 фр. (без пересылки)

AGER »
U, Paris)

14.164

ения
«CA-Press»

eurs Réunis,
05 Paris, F.

CA-PRESS,
05 Paris, F.

две

ВЕСТНИК

РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

178

БИБЛИОТЕКА-ФОНД
«РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ»
МОСКВА, НИЖНЯЯ РАДИЩЕВСКАЯ 2
Изм. 14164

ПАРИЖ — НЬЮ-ЙОРК — МОСКВА

Copyright © Le Messenger. Paris 1998

COMMISSION PARITAIRE
№ d'inscription 620 16

От Редакции

К 80-ЛЕТИЮ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА

80-летия, за два века русской литературы, удостоились всего лишь три больших русских писателя: Лев Толстой, Иван Бунин, и вот в наши дни Александр Солженицын.

Накануне восьмидесятилетнего юбилея Толстого П.Б. Струве писал в частном письме своему другу М. Стаховичу: «Толстой — существо громадное и страшное, прожившее не одну, а несколько жизней и притом таких, которые странно и страшно прожить одному человеку...» Как естественно их переадресовать к юбиляру 1998 года, к которому они применимы в несоизмеримо большей мере! У Толстого различные фазы сопровождались географически-родовым постоянством: в Ясной Поляне, за исключением десяти лет странствий в молодости, он прожил с рождения и до рокового ухода всю свою длинную жизнь. У Солженицына, в наш страшный двадцатый век, одни разрывы: провинциальное детство на юге (Ростов-на-Дону), комсомольская юность в Москве, война от Орловщины до Восточной Пруссии, арест на фронте накануне победы, десять лет Гулага и ссылки (Казахстан), болезнь, приведшая к самому краю смерти, почти десятилетие писательства в безвестности (Рязань), вдруг российская и тут же всемирная слава, еще одно десятилетие гонений и противостояния, второй арест и высылка, целых двадцать лет изгнания, возвращение... Таких смен «странных и страшных» жизней, можно сказать с уверенностью, не знал ни один в мире писатель...

Толстой разрывался между различными призваниями, писателя, педагога, проповедника, но гармонично сочетать их ему не удалось. Солженицын как-то обмолвился, что еще с детства мечтал попеременно стать то писателем, то военачальником, то епископом... И эти три призвания поразительным образом соединились в его творчестве. Долгие годы писатель был в одно и то же время целеустремленным стратегом, борющимся один

на один с государством-молохом. Но если ему не мечом, а только словом удалось победить, и не меньше на Западе, чем в России, морок коммунизма, то это потому, что Провидение наделило его пророческим зрением и силой. В буквальном смысле на нем исполнился путь, воспетый Пушкиным: к концу прохождения через Гулаг, в смертельной болезни «как труп он лежал». Но «Бога глас к нему воззвал», восстановил его и дал силу «глаголом жечь сердца людей».

При такой судьбе смешно звучат навязчивые претензии, предъявляемые к Солженицыну, как к писателю, так и к человеку, — одними, по некоторой придавленности таким крупным явлением, другими по простодушной наивности: раз уж «пророк», то должен быть во всем безошибочен и непогрешим, да и всемогущ. Разумеется, в творчестве, насчитывающем уже более 20 томов, даже в художественных произведениях, не все равноценно; разумеется, не все мнения и оценки публициста безусловны; разумеется, писатель не призван мановением руки изменить экономическое и политическое положение страны, многотрудно выходящей из 70-летнего безумия. Но волею Провидения («своими руками я свою судьбу не мог бы построить») многострадальной России, в вознаграждение за все ее муки и унижения, в очищение от той лжи, которая ее столько лет опутывала, был послан великий писатель, великая совесть, чей чистый и сильный голос звучит и будет еще долго звучать по всей планете в сердцах людей. Мы можем и должны гордиться, что мы — его современники. Пожелаем ему, в дни его славного юбилея, бодрости и сил еще на многая и благая лета.

Никита Струве

Валерий ЛЕПАХИН

ЛЕСТВИЦА КАК ПОЛИФОНИЧНЫЙ СИМВОЛ ДУХОВНОЙ АСКЕТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

И сон виде (Иаков): и се, лествица оутверждена на земли, еяже глава досязаше до небесе, и Ангели Божии восхождаху и низхождаху по ней, Господь же оутверждашеся на ней...

(Быт. 28:12-13)

Лествица, виденная патриархом Иаковом в Вефиле, занимает заметное место в православном богословии, в каждодневном богослужении, в православной аскетике, подвижничестве и православной иконографии. Но кто или что есть эта лествица в более конкретном понимании? Православный символизм — всегда многозначен. Это мы видим еще у Климента Александрийского, а позже в развитой и законченной форме — у св. Дионисия Ареопагита. Символ лествицы также многозначен.¹

Прежде всего лествица — это Пресвятая Богородица. В богородичных канонах Октоиха, в канонах двенадцатых богородичных праздников, в кондаках, в стихирах, ирмосах Богородица часто воспевается как «высокая»,

¹ Мы имеем в виду онтологичный, синэргийный, реальный символизм в святоотеческом его понимании. Символ — не условное обозначение какой-либо вещи, явления или события, но антиномичное двуединое сращение обозначаемого и обозначающего, явления и сущности, видимого образа и невидимого первообраза. Такой символизм противостоит индивидуальному и произвольному символотворчеству символизма как литературного течения.

«небесная», «мысленная и одушевленная лествица»: «Иаковлю Тя доброту и божественную лествицу, от долу юже виде первее, простертую к высоте, вемы Чистая, низводящую свыше Бога воплощенна и земная паки возводящую» (богородичен 7-ой песни канона утрени в неделю мытаря и фарисея — 12, с.7 об. см. тж. 13, с.52; 8, с.81, 128; 12, с.208; 11, с.61, 119 и др.).² Богородица — лествица, соединившая в себе сходжение и восхождение, низведение и возведение. Богородица-лествица — путь Боговоплощения и Вознесения, открывающий для человека путь возвращения к Богу.

Гораздо реже лествица Иаковля символизирует Крест Христов. В богослужении Воздвижение Честнаго и Животворящаго Креста Господня лествица и Крест сопоставляются, поскольку с помощью их человек восходит на небеса (11, с.31). В каноне Кресту Господню прп. Григория Синаита поется: «Кресте, небесная лествице, святыни степенем наставниче, Христова высота и слава еси, Божий образ назнаменателен, миру невидимому же и видимому единочестне» (8, с.229). В этом тропаре ясно определяется символическая и онтологичная взаимосвязь лествицы и Креста: они, каждый по-своему, соединяют мир видимый и невидимый, они суть орудия снисхождения и восхождения, орудия нашего спасения.³

Очень редко, но лествица выступает и онтологичным символом третьего Лица Пресвятой Троицы. Святитель Ириней, епископ Лионский, пишет: «...Дух Святой, залог нетления, утверждение нашей веры и лествица для восхождения к Богу» (15, с.720). По Вознесении Господнем ко Отцу, лествица Его восшествия остается открытой для каждого человека. Вместе с тем Господь Иисус Христос посылает на землю исходящего от Отца

² Первая цифра в скобках указывает номер источника по списку использованной литературы в конце статьи, вторая — номер тома (если он есть), третья — страницу.

³ В каноне Страстям Христовым поется: «Виде Иаков лествицу утверждenu до небес: се есть крест Твой, имже возведи ум мой от нижних к горним обителем» (8, с.560).

Духа Святого (Ин, 15:26), и только с помощью Духа Святого, только пребывая в Духе Святом человек может, подражая Христу, совершить восхождение по этой лествице.

Так мы приходим к лествице как онтологичному символу духовной жизни христианина, символу подвижничества, аскезы. Священное Писание предлагает богословам и церковным песнетворцам много различных «готовых» символов, которые могли бы точно и наглядно выразить смысл и суть православного подвижничества, духовного восхождения ко Творцу. Например, — паломничество в Иерусалим и связанные с ним пятнадцать псалмов (песни восхождения). Духовную жизнь в ее вертикальном плане могли бы символизировать девять ангельских чинов или гора Господня Синай, на которой Моисей получил скрижали Завета и др. Таких известных символов духовного восхождения в Священном Писании можно найти много, и они в разное время использовались в богословии для описания, анализа или иллюстрации особенностей духовной жизни в Боге. Но ни один из них не стал настолько популярным, как лествица. Самая знаменитая лествица принадлежит прп. Иоанну, игумену Синайской горы; в произведении под тем же названием он в тридцати «Словах»-ступенях подробно описал восхождение человека на вершину добродетелей. Но различного рода лествицы в аскетической литературе мы встречаем и до прп. Иоанна Лествичника и после него. Чем же объяснить широкое использование именно символа лествицы, причем не только в аскетической литературе, в богословии вообще, но и в богослужебных песнопениях? Это объясняется, на наш взгляд, прежде всего тем, что лествица очень удачно, органично соединяет в себе много различных значений и идей, которые в своей совокупности позволяют дать полное, глубокое, адекватное, симфоничное и вместе с тем полифоничное описание духовного восхождения человеческой души к Богу, начинающегося с самоограничения и аскезы.

Особенно богата «лествицами» православная энциклопедия монашеской жизни «Добротолюбие». В ней

символ лестницы используется для систематизации и объяснения самых разных сторон духовной жизни человека. Назовем несколько таких лестниц.

— Лестница страстей; это нисхождение, ниспадение подвижника, например, самая известная и распространенная в православной аскетике, восьмиступенчатая: чревоугодие → блуд → сребролюбие → гнев → печаль → уныние → тщеславие → гордость (1, т.2, с.19, 164, 268, 365).

— Лестница добродетелей; это восхождение подвижника к Богу, возрастание во Христе. Лестницы добродетелей у разных Отцов отличаются большим своеобразием, чем лестницы страстей; приведем лишь одну, она принадлежит прп. Макарию Великому: простота → послушание → вера → надежда → служение → смирение → кротость → радость → любовь → молитва (1, т.1, с.159).

— Лестница внутри одной добродетели; она необходима Св. Отцам, чтобы показать, что постепенный характер носит не только совершенствование в совокупности добродетелей, но и обретение какой-либо одной добродетели. Прп. Никита Стифат называет четыре взаимосвязанных вида смирения: смирение внешнего вида → смиреннословие → смирение (через подвиг) → смиренномудрие (подаваемое Духом Святым). В Уставе прп. Венедикта Нурсийского перечисляется даже двенадцать иерархически связанных ступеней смирения (1, т.5, с.86; с.604-609).

— Лестница внутри страсти; она необходима, чтобы показать развитие страсти в человеке от начальных, «невинных», на первый взгляд, ее проявлений до полного покорения человека этой страстью. Например, прп. авва Исайя приводит такую лестницу ненависти: ропот на ближнего → завидование ему → уничтожение его → ненавидение (1, т.1, 237).

— Лестница деятельной (практической) и созерцательной (умозрительной) жизни. Эта лестница восходит к великопостному Канону прп. Андрея Критского; в четвертой песне говорится: «Лестница, юже виде древле великий в патриарсех, указание есть, душе моя, деятельнаго восхождения (πρακτικῆς ἐπιβάσεως), разумнаго

возшествия (υψωτικῆ ἀναβάσεως): аще хочещи убо деянием и разумом и зрением пожити, обновися» (12, с.301). Очень редко у Св. Отцов можно найти лестницу собственно деятельной жизни, чаще она, будучи приготовлением к Боговедению, незаметно переходит в лестницу созерцания, например, авва Филимон предлагает такую лестницу: подвиг → благочестие → духовная чистота → богословское созерцание. У прп. Григория Синаита находим следующую лестницу: пост → воздержание → бдение → терпение → мужество → безмолвие → молитва → молчание → плач → смирение (1, т.3, с.269; т.5, 169).

— Лестница Боговедения; она тесно связана с предыдущей лестницей, точнее, она представляет собой, как правило, верхнюю ее часть (созерцание и Боговедение у многих святописателей «Добротолюбия» часто совпадают). Прп. Никита Стифат из своего личного опыта созерцательной жизни выводит такую лестницу: смирение → любовь → умиление → ведение Бога → обретение премудрости Божией → узрение Божественных вещей → предузрение вещей человеческих → бесстрастие → соединение с Богом и соцарствие с Ним (1, т.5, с.89).

Попробуем раскрыть заложенное в видении апостола Иакова и в самом понятии «лестница» внутреннее, содержательное богатство, выявить совокупность идей, способствовавших тому, что именно лестница стала одним из наиболее «удобных» и популярных терминов для символического обозначения и описания духовной жизни. Какие же это идеи?

Идея движения, динамики. Св. Отцы «Добротолюбия», описывая духовную жизнь, подвижничество, употребляют для выражения ее особенностей несколько часто повторяющихся определений: шествие, путь, течение, путешествие, плавание, бег, возрастание. Причем нередко эти слова стоят рядом; они не противопоставлены, а дополняют друг друга, например, у прп. Феодора Студита (1, т.4, с.172, 210, 215, 234, 235, 342 и др.). Нетрудно заметить, что эти понятия объединяет идея движения, динамики. Она «задана» в Посланиях

св. апостолом Павлом. В Первом Послании к Коринфянам он призывает своих духовных чад: «Не знаете ли, что бегущие на ристалище бегут все, но один получает награду? Так бегите, чтобы получить. Все подвижники воздерживаются от всего: те для получения венца тленного, а мы — нетленного. И потому я бегу не так, как на неверное...» (1Кор.9:24-26). Итак, согласно апостолу Павлу, жизнь христианина образно можно уподобить бегу, в конце которого победителя ждет нетленный венец.

Св. апостол Павел определяет духовную жизнь во Христе также как «течение», в конце же течения подвижника, подвизающегося «подвигом добрым», ожидает «венец правды» (2Тим.4:7-8).

Понятия «шествие», «путешествие», «плавание» заключают в себе, кроме идеи движения, идею возможных опасностей, подстерегающих подвижника в «невидимой брани». В применении к духовной жизни Священным Писанием они не употребляются, в «Добротолюбии» же очень популярны (1, т.1, с.92; т.2, с.481, 486; т.3, с.174, 308, 312; т.4, 215, 235; т.5, с.226, 283 и др.).

Самым употребительным определением духовной жизни во Христе является понятие «пути» или «стеzi». В Ветхом Завете путь праведной жизни именуется «путем Господним», ибо на нем Сам Господь благословляет человека, благоустрояет его путь, направляет на верный путь уклоняющегося (Быт.24:21, 28:20; Вт.11:28, 31:29, 32:4; 2Цар.22:33; 3Цар.3:14 и др.). В этом отношении особенно выделяются псалмы 24, 36 и 118-ый, в которых можно найти настоящее «богословие пути», т.е. богословское обоснование понимания духовной жизни как пути Господня и пути к Господу. 24-ый псалом начинается с призыва, с молитвы к Богу: «Укажи мне, Господи, пути Твои», а затем дается краткое описание этих путей: Господь наставляет на них грешников, научает кротких, ведь «все пути Господни — милость и истина» (Псл. 36:5-34).

«Блаженны непорочные в пути, ходящие в законе Господнем», — так начинается самый длинный и один из самых употребительных в православном богослужении

псалмов, который раскрывает содержание понятия «пути Господня». Путь Господень это: путь откровений Его, путь Его повелений, он удален от пути лжи и есть путь истины, это путь заповедей Божиих, путь Его уставов, он животворит человека (Псл. 118:1, 14, 27, 29, 30, 32, 33, 37).

Но на первом месте в Священном Писании по числу употреблений слова «путь» стоят «Притчи Соломоновы», которые вводят понятие «путь мудрости» (иногда как синоним «путь разума») и противопоставление пути праведного и пути грешного как «пути жизни» и «пути к смерти» (см. Пр.2:19, 14:12, 16:25), причем, путь праведного, что важно для нашей темы, — *прям*, и это путь *вверх* (Пр.21:2, 23:19, 15:24), а путь грешника — *крив* (Пр. 2:15, 28:18).

Пророк Исаия более тридцати раз употребляет слово «путь» и этим понятием «ветхозаветный Евангелист» еще раз связывает два Завета. Его словами о приуготовлении пути Господу начинает свою проповедь Иоанн Креститель (см.: Ис.40:3, Мф.3:3, Мк.1:3, Лк.3:4). Путь Господень у пророка назван «святым» (Ис.35:8). Связывает Ветхий Завет с Новым и пророк Малахия. Его слова о приуготовлении пути пред Господом (Мал.3:1) Иисус Христос в своей проповеди относит к Иоанну Крестителю (Мф.11:10, Лк.7:27).

Полное богословское и практическое раскрытие значения понятия «пути» для понимания особенностей духовной жизни христианина мы находим лишь в Новом Завете. Подтверждая все сказанное о «пути Господнем» в Ветхом Завете, Новый Завет вносит в его понимание совершенно новое и важнейшее уточнение. Во-первых, Господь Иисус Христос уточняет учение о двух путях: узком, трудном и просторном, широком, легком (Мф.7:13-14). Во-вторых, — и это главное откровение Нового Завета о «пути», — Сам Господь Иисус Христос есть Путь (Ин.14:6). Все остальные пути — ложны и, в свете Откровения Христова, могут и должны быть оставлены. Отныне поиск пути становится излишним, вернее, он теряет горизонтальное измерение, переходит в вертикальный план, сосредотачивается в Богочеловеке

Христе. Прийти к Отцу можно только через Его Сына — Богочеловека (Ин.14:6). И здесь понятия «пути» и «лествицы» для обозначения духовной жизни в Боге, во Христе сближаются в наибольшей степени. Боговоплощение — это путь с небес к человеку, это снисхождение Божие по лестнице Иаковлей. Но снисхождение — не самоцель, оно предполагает восхождение. И только ради восхождения оно и было совершено. Богочеловек Иисус Христос воскрес и восшел, вознесся к Отцу, Он первым прошел путь, соединяющий земное и небесное (Кол.1:20), Он указал этот путь, Он Сам стал Путь. Видение лестницы небесной, бывшее патриарху Иакову, видение пророческое и прообразовательное, свершилось во Христе.

Идея органичного роста, возрастания в Боге. Апостолу Павлу принадлежит еще одно более органичное, менее линейное и внешнее (но не менее динамичное, чем «путь») определение духовной жизни. Христианин должен *духовно* стремиться прийти «в меру полного возраста Христова» (Еф.4:13); в процессе духовного роста его *тело* также «растет возрастом Божиим» (Кол.2:19). Так апостол Павел вводит понятие «духовного возраста». Человек представляет собой единое психосоматическое существо, и св. Апостол, говоря о возрасте, подчеркивает: возрастание духовное, в Духе, должно сопровождаться телесным «возрастанием», претворением тела в храм Святого Духа (1Кор.6:19). Духовное возрастание у апостола Павла иногда конкретизируется какой-либо добродетелью: можно возрасть в вере (2Кор.10:15; 1Фес.1:3), в любви (Флп.1:9), в познании Бога (Кол.1:10). Идею духовного возрастания как способа христианской жизни использовал в обоих своих Посланиях также св. апостол Петр: в первом он призывает возрасть во спасение, во втором — возрасть в благодати (1Петр, 2:2; 2Петр, 3:18).

Идея движения вверх, идея восхождения. Уже сама идея «пути», после того, как Богочеловек Иисус Христос открывает Себя как Путь, приводит к неизбежному выводу: этот Путь и путь человеческий лежат на вертикали, а не на горизонтали. Вниз этот путь прокладывает Сын Божий в своем нисхождении на

землю, этот путь «протаптывают» ангелы, восходящие и нисходящие для служения Сыну Человеческому (Ин.1:51), этот путь вверх указывает Богочеловек Иисус Христос, восшедший к Отцу Своему (Ин.20:17) и пребывающий одесную Бога (1Петр,3:22).

Идеи «пути», «шествия», «бега», «плавания» символизируют духовную жизнь в ее динамике, движении, но движение это горизонтально. Лестница выгодно отличается тем, что она сочетает в себе идею динамики и движения по вертикали. Вертикальный срез духовной жизни дает и «возрастание», но это понятие обозначает внутренний органический рост и ему явно не хватает внешней динамики. Лестница же, не умаляя значения внутреннего возрастания во Христе, хорошо выражает идею и внешнего подвига, деятельной жизни, восхождения к Богу путем исполнения Его заповедей, путем добродетели; она удачно сочетает их и дает более синтетичную картину монашеского и, шире, — христианского подвига.

Говоря о лестнице как о восхождении к Богу, нельзя не задать себе несколько вопросов: одна ли такая лестница существует для всех подвижников или у каждого должна быть своя? И где искать эту лестницу? Где ее начало, первая ступень? В «Добротолубии» мы находим ясный ответ на этот вопрос. Прп. Никифор Уединенник отвечает словами прп. Исаака Сирина: «Постарайся войти во внутреннюю сокровищницу свою, и узришь сокровищницу небесную. Ибо и то, и это одно суть; и одним входом видишь ты их обеих. Лестница в Царство оное внутрь тебя сокрыта, т.е. в душе твоей. Омой себя от греха и найдешь там степени восхождения, по коим можешь взойти в него» (1, т.5, с.177, тж.2, с.10). Такое понимание местонахождения лестницы опирается на слова Самого Господа: «Царствие Божие внутрь вас есть» (Лк.17:21), и если Царствие — внутрь, то и лестница в него — тоже внутри. Подробно это обосновывают прп. Иоанн Кассиан, а также прп. Филофей Синайский (1, т.2, с.89-90; т.3, с.290). Итак, лестница удачно, глубоко, может быть, даже идеально, способна символизировать

динамику духовной жизни в вертикальном плане: и как внешнего восхождения к Богу, и как внутреннего возрастания в Боге.

Многие подвижники предостерегают шествующих по лестнице духовной жизни от надежды на свои собственные силы, на свои труды и подвиги, которые могут стать даже источником гордости для подвижника. От этой гордыни своими делами, своей праведностью предостерегает Спаситель и притчей о мытаре и фарисее, и следующими словами: «...Егда сотворите вся повеленная вам, глаголите яко раби неключими есмы: яко, еже должны бехом сотворити, сотворихом» (Лк. 17: 10). Поэтому не собственно подвиги поднимают человека в его стремлении к Богу, они лишь свидетельствуют о желании человека быть с Богом, восхождение же происходит лишь по «благоснисхождению» Божию, как учит прп. Максим Исповедник (1, т.3, с.168).

Идея мерности, ступенчатости, постепенности. Идея ступенчатости уже непосредственно вводит в аскетику символ лестницы. Восхождение может быть непрерывным, ровным, как восхождение в гору. В «Добротолубии» Св. Отцы, довольно часто используя символ горы, предпочитают все же ему восхождение по лестнице. Прп. Феодор Студит в своих наставлениях монахам поучает: «...Как при восходе на лестницу нельзя вдруг шагнуть с первой ступени на последнюю, но, переступая по порядку с одной на другую, восходим наверх; так и в деле добродетели, мало-помалу преуспевая, достигаем высоты ея» (1, т.4, с.155, тж. с.266).

Эту мысль в разной форме высказывают другие святописатели «Добротолубия». Прп. Филофей Синайский в своем «Слове о трезвении» говорит: «...В мысленных подвижнических трудах есть некоторый Божественный чин и порядок действия» (1, т.3, с.289). Ту же мысль высказывает прп. Никита Стифат во второй «Сотнице естественных глав»: «По порядкам и ступеням любо-мудрой подвижнической жизни надлежит нам всяко простираться в передняя и восходить к высшему...» (1, т.5, с.320).

Ступенчатость восхождения, его мерность — одно из важнейших условий успешного завершения восхождения. Насколько опасно для подвижника разделение, настолько же опасно и губительно излишнее рвение в духовных подвигах — «ревность не по разуму». Держаться мерности призывают иноки Каллист и Игнатий, «спасительной» называет мерность прп. Феодор Студит (1, т.5, с.231, т.4, с.150), и они же объясняют причину ее спасительности. Во-первых, мерность может предохранить подвижника от духовных знаний, превышающих его меру, т.е. его настоящее духовное устройство, ибо преждевременное знание «надымает», ведет к гордыне (1Кор.8:1). Во-вторых, она должна предостеречь от принятия на себя слишком суровых непосильных подвигов (1, т.5, с.271). «Ибо какая польза, — говорит прп. Феодор Студит, — сначала быстро теши, потом совсем ослабеть и остановиться? Но лучше теши с расчетом и сдержанностью, имея в виду расстояние до конца течения (1, т.4, с.282). Сходную мысль высказывают прп. Антоний Великий, прпп. Варсонуфий и Иоанн (1, т.2, с.398, 399, 401, 402, 405 и др.). Лестница, бесспорно, символически наилучшим образом отвечает идее мерности, постепенности.⁴

Идея очередности, преемственности. Нельзя делать «прыжка» по лестнице духовной жизни еще и потому, что все ступени тесно взаимосвязаны друг с другом. Переход с нижней ступени на последующую

⁴ Интересно отметить у начитанного в святоотеческих писаниях Достоевского разговор Ставрогина с архиереем Тихоном (отдельная глава, оставшаяся в черновиках), где Тихон говорит, что «прыжка не надо делать», как того хочет Ставрогин (намереваясь принести публичное покаяние в своих грехах), а надо «восстановить человека в себе... долгой работой». — «А вдруг нельзя? (курсив Достоевского — В.Л.) — Нельзя. Из ангельского дело будет бесовское» (см.: 3, т.11, с.195). По контексту ясно, что «вдруг» — это и есть отрицание постепенности, это желание «запрыгнуть» с первой ступени сразу на высшую, а это не только опасно для духовного устройства подвижника, но и само дело из Божьего превращает в бесовское. Вспомним здесь и о. Сергия Булгакова, противопоставившего «героизм» и «подвижничество».

высшую предполагает усвоение опыта этой начальной ступени, преемственность — необходимое условие успешного продвижения по лестнице. Иноки Каллист и Игнатий и некоторые другие авторы «Добротолюбия» характер взаимосвязи между добродетелями обозначают символом цепи: «...Жизнь по Богу есть некая *златоиспещренная цепь*, в коей одна добродетель тесно сочетается с другою, и все сгармонировываются воедино: так как все они одно дело устроят, — именно то, что обожают человека, искренно в них живущего...» (1, т.5, с.224). Образ «золотой цепи» верно, наглядно передает тесную взаимосвязь между звеньями цепи, добродетелями в духовной жизни (ступенями лестницы); становится очевидным, что «прыжок» или «прыжки» обозначали бы отсутствие некоторых звеньев, а значит, разрыв цепи.

Символом золотой цепи в «Добротолюбии» обозначаются и поколения святых всех времен, «связуемые и соединяемые союзом Святого Духа» (1, т.5, с.39). Прп. Симеон Новый Богослов в «Деятельных и богословских главах» пишет: «...Святые, — которые являются из рода в род, от времени до времени, после святых, предшествовавших им, — посредством исполнения заповедей Божиих прилепляются к ним, — к тем прежним и, получая благодать Божию, осияются подобно им, — все же последовательно составляют, таким образом, некую *златую цепь*, каждый будучи особым звеном сей цепи, соединяющимся с предыдущим посредством веры, добрых дел и любви, — цепь, которая, утверждаясь в Боге, неудоборазрываема есть» (1, т.5, с.40). Восходя по лестнице, подвижник имеет рядом с собой две цепи: это и цепь добродетелей, которую ему необходимо последовательно пройти, это и цепь святых, которые прошли путем добродетелей, составив «живую цепь» угодников Божиих всех времен и народов. Они предлагают высокий духовный опыт своей жизни во Христе — как бы еще одну золотую цепь: цепь не теоретического, а «опытного богословия», которое описывает их непростой, но успешно свершенный путь в Царство Небесное. Поднимаясь по

лестнице, подвижник идет нелегким, «узким» путем, но им прошли Св. Отцы, и он может быть уверен, что восходит единственно верным путем.

Важный момент в идее преемственности подчеркивает прп. Исаак Сирий: «Добродетели одна другой преемственны, чтобы путь добродетелей не был трудным и тяжким, чтобы можно было преуспевать в них по порядку...» (1, т.2, с.521). Итак, преемственность — это и некоторое *облегчение* пути, пройденного Отцами.

Идея иерархичности. Ступени лестницы не просто тесно связаны друг с другом, но они расположены и взаимосвязаны иерархически. Идея иерархии в системе как добродетелей, так и страстей естественно вытекает уже из самого факта их тесной взаимосвязи. Если они порождают одна другую, то между ними, очевидно, существует соподчинение. В «Добротолюбии», по нашим подсчетам, имеется более 60-ти различных лестниц добродетелей. Все они в деталях отличаются друг от друга: у одних не совпадает первая ступень, у других — последняя, у третьих — разная очередность в середине лестницы, но все они имеют иерархическую структуру; есть начальные добродетели и есть высшие добродетели. Эту мысль в ясно выраженной форме мы находим, например, у прп. Григория Синаита: «Добродетели имеют между собою равенство в том отношении, что все воедино сводятся, к одному ведут концу и один все вместе лик добродетели полным делают. Но есть добродетели, большие других добродетелей, как объемлющие и совмещающие в себе очень многие, или даже и все добродетели...» (1, т.5, с.140-141). В качестве первой ступени находим в «Добротолюбии» обычно «страх Божий», например, у прп. Антония Великого и аввы Исаяи (1, т.1, с.95, 275), или «отречение от мира» у прп. Иоанна Лествичника и прп. Иоанна Кассиана (5, с.39; 1, т.2, с.10), или «покаяние» у прп. Исаака Сирина (1, т.2, с. 480), или «пост» у прп. Григория Синаита (1, т.5, с.169-170), или «молчание» у прп. Филофея Синайского (1, т.5, с.290) и т.д. Вообще, в начале лестниц мы находим больше разнообразия, а точнее своеобразия у Св. Отцов, чем на

ее вершине. Там, наверху, восседает «царица добродетелей», по выражению прп. Григория Синаита. Для прп. Иоанна Лествичника, аввы Исаяи, прп. Иоанна Кассиана, прп. Максима Исповедника и многих других — это любовь (5, с.250-251; т.1, с.341, т.2, с.105, т.3, с.199), но в качестве «царицы» могут выступать также «смирение», «чистая молитва», «бесстрастие». Но всегда в любой лестнице есть свой «иерарх», своя «царица», которые делают вертикальную структуру лестницы более наглядной.

Идея сочетания динамики и статики, движения и «стояния». Говоря о духовной жизни как движении, следует подчеркнуть абсолютный характер движения. Остановка подобна духовной смерти. В качестве предостережения об этом говорят почти все святописатели «Добротолюбия». Но вместе с тем мы находим у них и призывы к осмотрительности и осторожности в восхождении и даже дозволение кратких остановок в случае необходимости. В «Отечнике», в главе, посвященной прп. Антонию Великому, рассказывается следующее. «Ловец диких зверей пустыни пришел для ловли в гору аввы Антония. Увидев, что Авва утешает (угощает, разрешая строгость поста) братию, он соблазнился этим. Старец, желая успокоить его и показать, что нужно иногда предоставлять братии некоторое послабление, сказал ему: вложи стрелу в лук твой и натяни его. Охотник сделал это. Старец сказал: еще натяни. Охотник натянул лук ту же. Старец опять говорит ему: натяни еще более. Охотник отвечал: если сверх меры натянуть лук, то он переломится. На это авва Антоний сказал: так бывает и в деле Божиим. Если будешь сверх меры напрягать силы братии, то они скоро отпадут от дела Божия; необходимо по временам давать им послабление» (14, с.38-39).

Лестница удачно, если не идеально, способна символизировать это сочетание динамики и статики. Поднявшись на очередную ступень, подвижник имеет необходимость хотя бы ненадолго остановиться, прежде, чем продолжить восхождение. Ему нужно а) закрепиться,

утвердиться на этой ступени, б) осмотреться: нет ли какого упущения на уже пройденном пути, в) не угрожает ли что-нибудь справа или слева, наконец, г) кинуть взгляд вперед на то, что ему предстоит, рассчитать свои силы для подъема на следующую ступень. Конечно, в этом таится своя опасность: утверждение на достигнутой ступени не должно превратиться в остановку, осматривание — в рассеянность, трезвая оценка своих сил — в излишнюю осторожность, а некоторое послабление, «утешение» не должно лишить подвижника мужества, которое в «Добротолюбии» оценивается очень высоко (1, т.1, с.236).

Остановка опасна в том случае, если она означает довольство достигнутым, если она делается для того, чтобы пожинать плоды достигнутого. Тогда вступает в действие важнейшая, выявленная в опыте Св. Отцов закономерность духовной жизни: не замечая того, подвижник начинает медленно, но неуклонно двигаться назад, со временем же это «сползание» по лестнице ускоряется, так что остановиться становится все труднее; иногда же подвижник скатывается к основанию лестницы, к тому, с чего начал, моментально, т.е. попросту падает с нее. Здесь Св. Отцами выявлена другая важная закономерность: это падение опасно тем, что для повторного преодоления однажды уже пройденной части лестницы понадобится усилий и времени во много раз больше, чем при первом восхождении. Итак, остановка может быть необходима, но только как момент статики в динамике, ибо в духовной жизни движение абсолютно, а покой относителен.

В «Добротолюбии» мы находим и другой вид сочетания статики и динамики — более синтетичный. Прп. Феодор Студит призывает братию: «Молю вас, *стойте* бодренно на камне веры и непреткновенно шестуйте стезею добродетели...» (1, т.4, с.60). Итак, — «стойте» и «шестуйте»! Такова святоотеческая диалектика духовной жизни. Это «стояние» понимается в трех смыслах. Во-первых, необходимо «стоять» в какой-либо важнейшей добродетели, которая необходима на каждой ступени

лестницы. Так, вера полагается и на первой ступени как предпосылка восхождения к Богу, но она же находится вместе с надеждой и любовью на вершине лестницы как результат «возрастания в вере». По авве Исайе, во время восхождения необходимо «стоять в страхе Божиим» (1, т.1, с.262). Во-вторых, надо «стоять» в той добродетели, которую подвижник уже стяжал. Ради достижения другой добродетели нельзя упускать из вида, из-под контроля того, что уже достигнуто, нельзя давать себе послабления в одной добродетели во имя другой. В-третьих, как призывает авва Исайя, должно стоять «над сердцем своим» (1, т.1, с.266). Это «стояние над сердцем» Св. Отцы в «Добротолубии» называют по-разному: «внимание», «хранение», «трезвение», «блюдение» (1, т.2, с.113, 114; т.5, с.178, 333 и др.).

Нелегко стяжать добродетель, но не менее трудно сохранить ее, и, приумножая, совершенствоваться в ней. Для этого необходимы внимание, трезвение, хранение, которые и дают двуединство динамики и статики в духовной жизни. Здесь опять ступенчатая лестница, дающая возможность не только движения, но и стояния, символически наилучшим образом выражает эту сторону подвижничества.

Идея «узкого пути» и «тесных врат». Лестница сама по себе чисто конструктивно или, если речь идет об иконе, — графически, наглядно выражает также и идею «узкого пути», к шествию по которому призывает своих учеников Спаситель: «... Тесны врата и узок путь, вводя в живот вечный...» (Мф.7:14). Подвижник, восходящий по лестнице, ограничен и справа, и слева, он переступает ступени, опасаясь неверно поставить ногу; ему не только вниз, но, по слову прп. Феодора Студита, даже «ни направо, ни налево не должно уклоняться» (1, т.4, с.259). Но что значит «уклонение»? Прп. Максим Исповедник объясняет это так: уклоняться налево — значит впадать в поползновение на страсть, а уклоняться направо — впадать в тщеславие (1, т.3, с.174-175, ср. тж. т.4, с.343). Позже от этих двух опасностей предостерегал своих духовных чад прп. Амвросий Оптинский (2, с.141).

Причем, как явствует из всех святоотеческих писаний, «уклонение» подстерегает подвижника на всех ступенях, нет такой высоты, такого совершенства, которое дает возможность расслабиться и «уклониться». Многие, по свидетельству Отцов, уклонялись и на последних ступенях, уклонялись и падали уже почти достигнув «узких врат» в Царствие Небесное (1, т.4, с.343).

Идея «притрудности». Идея «узкого пути» и «тесных врат» хорошо сочетается, увязывается и дополняется идеей необходимости немалых усилий для «течения» по лестнице, идеей «притрудности» восхождения. И в этом случае подъем по лестнице хорошо иллюстрирует и символизирует слова Спасителя: «...Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его...» (Мф.11:12). Символ лестницы удачен и выразителен уже тем, что путь по ней никак не может быть широким, легким, просторным, как и предупреждает прп. Исаак Сирий: «Никто не восходил на небо, живя прохладно» (1, т.2, с.472).

Необходимость усилия, самопринуждения, притрудности вызвана несколькими причинами: а) телесный труд полезен для плоти, он помогает ей очиститься от страстей, б) он нужен для души, по слову прп. Максима Исповедника, «укрепляя» ее, в) он необходим для духа, делая его «бодрым», как учит об этом Спаситель: «...Дух бодр, плоть же немощна» (Мф.26:41), г) он выражает стремление подвижника подчинить свою волю воле Божией, наконец, д) подвижник через «болезненное преутруждение плоти» делается «соучастником в страдании» Господа Иисуса Христа, к Которому и ведет его лестница (1, т.3, с.180-181). Поэтому прп. Феодор Студит призывает своих подопечных и вместе с тем обещает им: «...Нудя себя и утесняя во всем, как вы себя утесняете, по причине тесноты и прискорбности пути вашего, перейдете вы от смерти в живот, от тления в нетление, от тьмы во свет, от рабства к всыновлению Богу, из юдоли плача в Царство Небесное пресветлое и всерадостное» (1, т.4, с.259).

Идея победы над страстями для стяжания добродетелей. Подвижник, стоя на определенной ступени, не только укрепляется в какой-либо добродетели, но одновременно попирает и противоположную ей страсть, ведь как добродетели связаны между собой, так и страсти взаимосвязаны, и не только между собой, но и со своими врагами добродетелями. Авва Дорофей наставляет: «Представь себе две лестницы, — одна возводит на небо, а другая низводит в ад, — ты же стоишь на земле посреди обеих лестниц. Не думай и не говори: как я могу взлететь от земли и очутиться вдруг на высоте неба, т.е. на верху лестницы. Ты только берегись спуститься вниз, делая худо; вверх же напрягайся подниматься понемногу, делая добро, какое встречается. Каждое дело будет шаг вверх. Так, поднимаясь с помощью Божиею с одной ступени на другую, достигнешь, наконец, и верха лестницы» (1, т.2, с.450). Итак, существуют две лестницы: одна ведет в ад, другая — в Царствие Небесное. Они как бы накладываются друг на друга. «Стояние» на одной ступени означает и пребывание в добродетели, и поправление какой-либо страсти; нисхождение по лестнице добродетелей означает вместе с тем усиление власти страстей над человеком; восхождение же — не только стяжание новой добродетели, но и встречу с новой страстью, которая именно на этой ступени особенно сильно будет бороться против подвижника. Любая ступень имеет два знака, как бы плюс и минус, победу и поражение, причем победа означает встречу с новым, еще более сильным противником. Равновесие здесь очень подвижно, даже хрупко: не успел утвердиться в одной добродетели и попать низшую страсть, «отбросив» ее вниз, как сверху на тебя надвигается новая, еще более опасная или сильная. И так до самой вершины лестницы, где подвижника ждет самая сильная и опасная страсть — гордость.

Идея содействия ангелов и сопротивления бесов. Лестница, которую видел патриарх Иаков, «жила» и действовала: он видел ангелов Божиих восходивших и нисходивших по ней (Быт.28:12). И Спаситель обещает

своим ученикам, что они увидят небо отверстым и ангелов Божиих, восходящих и нисходящих к Сыну Человеческому (Ин.1:51). Присутствие ангелов на лестнице духовного восхождения — это откровение священного Писания. Ангелы поддерживают подвижника в стяжании добродетелей, помогают в борьбе против страстей. Но в видениях, бывших Св. Отцам, вдоль лестницы «сновавали» и бесы, вспомним, например, видения прп. Антония Великого (1, т.1, с.92-94) и прп. Иоанна Кассиана (1, т.2, с.77, 74-76) или «лестницу мытарств», виденную преподобной Феодорой. Лестница мытарств особенно наглядно открывает человеку ту простую истину, что бесы еще в этой жизни начинают свою борьбу за душу человека, что они используют в своих целях любую оплошность человека, что они ничего не забывают. И сознательное или бессознательное соработничество с бесами в этой жизни неизмеримо усиливает их власть, их влияние на предсмертную участь человека. Прп. Макарий Великий пишет: «Когда душа человеческая выйдет из тела, тогда совершится при сем великое некое таинство. Ибо, если повинна она в грехах, то приходят толпы демонов и недобрые ангелы и темные силы, поемлют душу ту и берут в собственную область. И никто не должен удивляться сему, потому что, если душа в сей жизни, находясь в веке сем, им подчинялась и повиновалась и была их рабою, то тем паче удерживается ими и в их остается власти, когда отходит из мира» (1, т.1, с.196). Еще здесь, в этой жизни, в этой «невидимой брани» человек постоянно, непрерывно, даже ежеминутно делает выбор между добродетелью и страстью; стяжание добродетелей вызывает радость ангелов, а через это подвижник познает противоположное, т.е. плач и стенание бесов: «Кому сорадуются ангелы в делах его, тот познал, как сорадовались ему демоны, когда он делал дела их». Так пишет авва Исайя (1, т.1, с.275).

Во всех искушениях человек, по прп. Иоанну Карпафскому, слышит два языка: один — язык бесов, «нечистый и растлевающий разумение», призывающий на

страсть и грех, а другой — «язык ангелов, преобразующий ум из телесного в бестелесный, — язык, просветительный для приемлющей его души» (1, т.3, с.71). К какому языку прислушивается человек — зависит только от его воли. Между воздействием на человека ангела и беса есть принципиальная разница: «Враги... только посевают и возбуждают злое в нас, а не принуждают к нему». Сбросить человека с лестницы силой бесы не имеют власти. Это они могут сделать только «с помощью» самого человека. В то же время Бог через ангелов, как пишет прп. Иоанн Кассиан, не только «внушает добрые дела, но и покровительствует им и до конца доводит их» (1, т.2, с.74).

Присутствием ангелов и бесов на лестнице духовного восхождения очень удачно выражается суть «невидимой брани». Поскольку каждая ступень соответствует какой-либо добродетели и противоположной ей или «сплетенной» с ней страсти, а каждой страсти в свою очередь «прилежат известные духи» (демоны — В.Л.), то, естественно, на каждой ступеньке подвижник должен победить беса, олицетворяющего соответствующую страсть. Таким образом невидимая брань переходит из области нравственной, морально-психологической в онтологическую: победив в себе какую-либо страсть, человек не просто становится нравственно чище и выше как личность, но он наносит поражение мировому злу в лице «князя мира сего». Поражение бесов — это поражение их князя сатаны. Восхождение по лестнице — это не восхождение в пространстве (хотя образно, конечно, и по вертикали в пространстве), не восхождение в области личной нравственности (хотя моральное самосовершенствование имеет место), не мечтательное, иллюзорное приближение к Богу (мечтательность — одно из сильнейших искушений на этом пути, она ведет к прелести), но восхождение онтологическое, по лестнице онтологической, и победа подвижника тоже носит онтологический характер: в конечном итоге, это победа Сущего Добра над не-сущим злом.

Идея синергии. Как бы ни были велики труды человека, победа его возможна только с помощью Божи-

ей, подаваемой через ангелов или непосредственно. Патриарх Иаков видел восседающего на верху лестницы Господа. Но Господь не безразличный зритель восхождения человека, а Заступник и Помощник: «...Мы не одни, — пишет прп. Максим Исповедник, — потому что имеем святых ангелов помощниками себе в добром, паче же Самого Бога...» (1, т.3, с.201). И прп. Симеон Новый Богослов подтверждает: «Бог не попускает тем, которые усердно текут к Нему, совсем ниспасть (с лестницы), но, видя их изнемогающими, содействует им и помогает, простирая к ним свыше руку силы Своя и к Себе возводя, — содействует и явно и неявно, и ведомо и неведомо, — пока они, прошедше всю лестницу, к Нему Самому приблизятся...» (1, т.5, с.28). Без «попущения» Божия и бесы не могут начать борьбу против человека.

Итак, в начале невидимой брани — Бог; Он «попускает» человеку впасть в искушение (с двумя целями: для обучения духовной борьбе или как наказание за грехи). В середине борьбы — Бог; с одной стороны, Господь «обуздывает» врагов, иногда Сам «отражает» их нападения, с другой — «заступается», «содействует», «направляет», «поддерживает», помогает «устоять», «утверждает» и тем самым «уравнивает силы борющихся» (все термины, взятые в кавычки, — из трудов прп. Иоанна Кассиана: 1, т.2, с.76-77, 90-91). И в конце борьбы, как это было открыто патриарху Иакову, — Бог; здесь Он — Отец, приемлющий сына. Прп. Симеон Новый Богослов объясняет это «седение» Божие следующим образом: «...Бог восседит вверху ея (лестницы — В.Л.), ожидая наших посильных трудов и усилий не потому, чтобы Ему радостно было видеть нас трудящимися, но потому что, человеколюбив будучи, желает награду нам даровать, будто долг» (1, т.5, с.28).

И в начале, и в середине, и в конце невидимой брани невидимо действует Господь. В начале Он призывает человека, в середине содействует, в конце принимает и награждает. Без Бога подвижник не может ни начать, ни осилить, ни окончить свои труды. Синергия — взаимодействие Божией воли и воли человеческой, челове-

ских усилий и Божией помощи — неперенное условие успеха в борьбе против страстей. Поистине, *восхождение* по лестнице добродетелей следовало бы назвать *возведением* или, чтобы подчеркнуть синэргийность духовного подвига, — «возведением-восхождением», где первое бесспорно преобладает, но по Своему милосердию и человеколюбию Господь представляет дело так, как будто на первом месте стоят усилия человека. Лестница Иаковля — один из первых в Священном Пасании и один из более наглядных символов синэргии, — взаимодействия, со-действия, со-трудничества, со-работничества Бога и человека в деле спасения.

Идея видения конкретной цели. «Все науки и искусства, — пишет прп. Иоанн Кассиан, — имеют свою цель и свой конец... Конец нашей подвижнической жизни есть Царствие Божие, а цель — чистота сердца, без которой невозможно достигнуть того конца. К этой цели приковав взор наш, и должны мы направлять наивернейшее течение наше, как по прямой линии, и если хотя несколько помышление наше уклонится от нее, тотчас возвращаясь к созерцанию ея, исправлять его, как по норме какой» (1, т.2, с.9). Преподобный отец завершением и свершением подвижнической жизни в полном согласии с другими Отцами «Добротолубия» называет Царствие Божие, ведь лестница, виденная патриархом, верхним своим концом касалась неба. И Господь Иисус Христос обещал ученикам, что они будут видеть небо «отверстым». Итак, конец, свершение — Царствие Божие, а в качестве цели прп. Иоанн выдвигает «чистоту сердца». Очевидно, потому что это соответствует одной из заповедей блаженства: только «чистые сердцем» «Бога узрят» (Мф.5:8). Другие святописатели «Добротолубия» в качестве цели называют бесстрастие, любовь, чистую молитву. Как нам кажется, здесь нет никакого противоречия, ибо чистое сердце — это сердце, искоренившее в себе всякую страсть, т.е. бесстрастное, это сердце, полное любви к Богу и ближнему, это сердце, непрестанно молящееся (1Фесс.5:17).

Прп. Феодор Студит поучает: «...Как у восходящего на высоту, если он посмотрит вниз, происходит некоторое омрачение, так и у того, кто, восходя путем добродетели, прилепится вниманием к утехам земным, омрачается око душевное. Горé смотреть нам надлежит, потому что там глава наша — Христос Господь, там сокровище наше и жизнь вечная» (1, т.4, с.210). Как видим, для прп. Феодора видение конца, цели также есть важнейшее условие успешного восхождения по лестнице. Это постоянное видение вершины а) помогает держать направление, не уклоняясь ни вправо, ни влево (1, т.3, с.174; т.4, с.172), б) дает возможность делать сравнение с тем, что оставлено, от чего отреклись, чтобы не сожалеть о нем (1, т.4, с.210, 261), в) является источником новых сил в невидимой брани восхождения, именно в видении верха лестницы подвижник «заимствует силу себе» (1, т.3, с.103), г) видение конца, который есть Сам Господь Иисус Христос, очищает очи духовные, и подвижник, с одной стороны, преуспевает в трезвении, внимании, ибо лучше видит прилоги и приражения бесов, с другой — яснее, отчетливее, глубже видит цель и конец (1, т.2, с.9-10; т.4, с.210), наконец, д) оно дает предчувствие, предвосхищение блаженства и награды, умножает ревность в их стяжании (1, т.4, с.235). Так, знание и видение цели восхождения органически присуще лестнице и находится в полном согласии и с откровением, бывшим Иакову, и со словами Спасителя, и с духовным опытом Св. Отцов.

Как показывает этот краткий обзор «Добротолубия», символ лестницы способен обозначить и выразить самые разные стороны подвижничества, его внутреннее содержание и внешние формы, его направление, особенности и цели. В «Добротолубии» можно найти десятки различных лестниц, и все они заслуживают внимания и особого разговора.

1. Добротолюбие, т. 1-5, М., 1992.
2. Прп. Амвросий Оптинский. Собрание писем к мирским особам. Сергиев Посад, 1908.
3. Ф.М. Достоевский. Полное собрание сочинений в 30-ти томах. Л., 1972-1989.
4. Древние иноческие Уставы. М., 1892.
5. Прп. Иоанн, игумен Синайской горы. Лествица. Сергиев Посад, 1908.
6. Прп. Иоанн Кассиан Римлянин. Писания. М., 1892.
7. Прп. Исаак Сирий. Слова подвижнические. М., 1993.
8. Канонник. М., 1986.
9. Минея. Март, ч. 2. М., 1984.
10. Минея. Июль, ч. 1. М., 1988.
11. Минея Праздничная. М., 1993.
12. Триодъ Постная. М., 1992.
13. Октоих. М., 1962.
14. Отечник. Избранные изречения святых иноков и повести из жизни их, собранные епископом Игнатием (Брянчаниновым). С-Пб., 1891.
15. Ранние Отцы Церкви. Антология. Брюссель, 1988.

ОТКРОВЕНИЕ НОВОГО ЗАВЕТА И БОГОСЛУЖЕБНОЕ ПЕНИЕ *

До сих пор мы говорили только о музыке и только о тех факторах, которые формируют музыкальный процесс, совершенно сознательно оставляя за скобками все, связанное с богослужбным пением, а также все то, что связано с проблемой взаимоотношений богослужбного пения и музыки. Эта проблема достаточно подробно была уже рассмотрена в книгах «Пение, игра и молитва в древнерусской певческой системе» и «Древнерусское богослужбное пение в контексте мировой культуры», а потому сейчас, не вдаваясь в излишние подробности, мы коснемся лишь того аспекта этих взаимоотношений, который непосредственно связан с темой нашего исследования. Речь пойдет о проблеме взаимоотношений богослужбного пения и музыки как о частном проявлении более общей проблемы взаимоотношений новозаветного откровения и концепции космической корреляции, исповедуемой пифагорейцами и авторами «Люйши чуньцю». Упрощая задачу, для начала можно свести эту проблему к соотношению божественного откровения и естественного познания мира.

Конечно же каждая религия в глазах ее носителей является богооткровенной религией, ибо откровение представляет собой неотъемлемое условие всякой религии. Однако практически во всех религиях древности божественное откровение так или иначе опосредовано космосом, так или иначе являет себя через некие космические силы и начала. Либо боги мыслятся как

* Фрагмент из книги «Конец времени композиторов». В.И. Мартынов, композитор и музыковед, автор книг «Древнерусское богослужбное пение» (М., 1994), отрывок из которой напечатан в Вестнике РХД № 174, стр. 87, и «Пение, игра и молитва в древнерусской певческой системе» (М., 1997).

эманации космических сил, либо космос мыслится как божественная эманация — и в том и в другом случае область божественного не является абсолютно трансцендентной по отношению к космосу. Бог же, открывающий себя в откровении Нового Завета, есть не только абсолютно трансцендентный миру Бог, но Бог, в то же самое время находящийся в достаточно непростых отношениях с миром. «Царство Мое не от мира сего» (Ин. 18. 36) — эти слова, сказанные Христом в беседе с Пилатом и, ввиду их особой важности, повторенные тут же еще раз — «но ныне Царство Мое не отсюда» — означают, что мир, а стало быть и космос в том виде, в каком он находится, ныне не входит в состав Царства Божьего, но существует помимо него. В отличие от «космических» откровений других религий, откровение Нового Завета, минуя космические силы и космические начала, адресовано непосредственно самому человеку, о чем сказано: «Не придет Царствие Божие приметным образом; и не скажут: «вот, оно здесь», или: «вот там». Ибо вот, Царствие Божие внутри вас есть» (Лк. 17.21). Нахождение Царствия Божьего внутри человека означает, кроме всего прочего, то, что познание космоса и тем более корреляции с космосом не могут привести к истинному познанию Бога, и что путь миропознания и путь Богопознания практически не совместимы друг с другом.

Расхождение путей, один из которых ведет к единению с Богом, а другой к единению с космосом, дало знать о себе еще в глубокой древности, а именно тогда, когда Авраам вышел из Ура Халдейского. То, что Авраам покинул Ур, центр древнейшей шумерийской цивилизации, отнюдь не являлось случайностью, ибо именно шумерами были заложены основы синтетического учения о космосе, усвоенного впоследствии пифагорейцами и Платоном. Именно шумеро-вавилонской культуре очевидно принадлежит первенство в создании и оформлении астрономии, астрологии, математики, геометрии и музыки как математико-акустической системы. В недрах этой культуры зародилась и концепция космической гармонии и концепция космической корреляции, со-

гласно которой небесный порядок представлял собой архетипическую модель, служащую образцом для поддержания земного порядка. Астрология вскрывала механизм, при помощи которого небеса управляли землей, музыка служила мостом, соединяющим людей с богами, и все это приводило к обожествлению космоса и его отдельных проявлений. Именно это обожествление космоса, согласно церковному преданию, и заставило Авраама, почитаемого отцом всех верующих, покинуть город Ур. Чтобы оградить Авраама от соблазнов «космической мудрости», Господь обратился к нему со словами: «Пойди из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего, и иди в землю, которую я укажу тебе» (Быт. 12.1), ибо исповедание Единого Истинного Бога несовместимо с пребыванием в местах, в которых осуществляется поклонение обожествленному космосу, даже в том случае, если места эти являются родной землей и землей отцов.

Суть христианского отношения к обожествлению космоса и к пути единения с космосом была сформулирована святым апостолом Павлом в Послании к Римлянам следующим образом: «Ибо, что можно знать о Боге, явно для них, потому что Бог явил им. Ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы, так что они безответны. Но как они, познав Бога, не прославили Его, как Бога, и не возблагодарили, но осуетились в умствованиях своих и омрачилось несмысленное их сердце; называя себя мудрыми, обезумели, и славу нетленного Бога изменили в образ, подобный тленному человеку, и птицам, и четвероногим, и пресмыкающимся... Они заменили истину Божию ложью, и поклонялись, и служили твари вместо Творца, который благословен во веки, аминь» (Рим. 1.19-25). В этих словах, которые могут быть отнесены и к пифагорейцам, и к авторам «Льюши-чунью», утверждается, что о Боге можно узнать «естественным» путем через рассмотрение творений, однако такое познание неизбежно приводит не к прославлению Бога, но к обожествлению космоса, в результате чего космос как бы заслоняет Бога, присваивая себе божественные функции

и становясь самодовлеющим. Хотя невидимое Бога, «вечная сила Его и Божество от создания мира через рассматривание творений видимы», однако человек, даже увидевший все это естественным разумом, не может адекватно оценить увиденное и вместо прославления Бога замыкает свои усилия на космосе, что и квалифицируется апостолом Павлом как служение твари вместо Творца.

Переводя сказанное апостолом Павлом в практическую плоскость и определив естественное познание космоса как внешнюю науку, святитель Григорий Палама писал в своих Триадах: «Мы не мешали бы обучаться внешней науке желающим из тех, кто не избрал монашеской жизни, но всю жизнь заниматься ею никоим образом не советуем никому, а ожидать от нее каких-либо точных познаний о божественных предметах и вовсе запрещаем, потому что от нее нельзя научиться ничему надежному о Боге».¹ Таким образом, ни умение регулировать потоки иньяннй ци, ни знание пропорций, образуемых соотношением первоэлементов или взаимоотношениями небесных сфер, обеспечивающее корреляцию человеческого я с космосом, не может привести к реальному соприкосновению с божественной сущностью, хотя успешная ориентация в мире и максимально возможное укрепление позиций человека в космосе, даруемые знаниями и умениями такого рода, создают впечатление причастности к неким божественным тайнам. Вопреки этому впечатлению, «внешняя наука», о которой пишет Палама, способна обеспечить наличие лишь косвенного знания о Боге, ибо ее удел — «рассмотрение творений», представляющих собой видимые следы невидимого божественного присутствия, в то время как в Новозаветном откровении без посредства каких-либо следов или других косвенных указаний сам Бог таинственным образом раскрывает человеку свою сокровенную невидимую сущность, которую апостол Павел определяет как «невидимое Его». Вот

¹ Св. Григорий Палама. Триады в защиту священно-безмолвствующих. Москва, Канон, 1995, стр. 21.

почему ожидать от рассмотрения строения космоса и человека точных познаний о божественных предметах значит не только заниматься заведомо бесполезным делом, но и проявлять полное пренебрежение к божественному откровению, непосредственно обращенному к человеку, более того — это значит сознательно или не вполне осознанно отказываться от участия в деле божественной любви, или, как сказал об этом святой Иоанн Богослов: «Кто любит мир, в том нет любви Отчей». (1 Иоанн 2.15).

Однако из всего вышесказанного не следует заключать, что Новозаветное Откровение чревато отрицанием или тем более проклятием космоса. Космос теряет свою самодовлеющую и самодостаточность, но он обретает новое и небывалое смысловое измерение, более того — можно сказать, что космос обретает новое бытие в Церкви. Для того, чтобы осознать это, необходимо вернуться к первоначальному пониманию Церкви, почти что полностью забытому в наши дни. Церковь — это не только место для отправления богослужения, не только собрание верующих, и не только некий институт. Церковь — это изначальная парадигма мира, существующая у Бога еще до сотворения мира. Мир задуман Богом как Церковь, он являлся Церковью до грехопадения прародителей, и он снова будет Церковью по окончании времен после второго пришествия. Святой Иоанн Богослов, видевший обновленную вселенную в образе небесного Иерусалима, писал: «Храма же я не видел в нем; ибо Господь Бог Вседержитель — храм его, и Агнец» (Откр. 21.22). Наш мир — мир, искаженный грехопадением, более уже не является Церковью, почему Христос и сказал Пилату: «Царство Мое не от мира сего» и «Ныне Царство Мое не отсюда» (Ин. 18.36). Но Христос для того и воплотился, для того и пришел в мир, чтобы в мире, переставшем быть Церковью, положить начало Церкви, положить начало нашего спасения. С этого момента Церковь существует в мире как посольство Царства Божьего на земле, и с этого момента Церковь становится начатком воцерковления человека и космоса, приготавливая то

время, когда космос снова станет Церковью, Небесным Иерусалимом, увиденным Святым Иоанном Богословом.

В воцерковленном человеке, в человеке, ставшем «новой тварью во Христе», восстанавливается утраченное с грехопадением предназначение Адама, которое заключалось в том, чтобы быть «священником твари», т.е., чтобы освящать и приводить к Богу всю тварь. Бог поручил Адаму не только нарекать имена тварям, но также и наблюдать и ухаживать за Эдемом. Подобно Адаму, воцерковленный человек превращается в некоего садовника, призванного ухаживать за космосом, как за садом, в результате чего расцерковленный космос вновь должен стать воцерковленным. Таким образом, несмотря на то, что Новозаветное Откровение упраздняет саму идею корреляции человека и космоса, космос не оказывается в каком-то пренебрежительном забвении, но напротив — становится предметом рачительной заботы, а на человека возлагается особая ответственность за состояние космоса. Примерами такого ответственного отношения и такой рачительной заботы могут служить монастырские хозяйства Валаама и Соловков, в которых трудами и молитвами монахов суровая природа севера была преображена в райские сады. Подобные примеры «ухаживания за космосом» отнюдь не являются какими-то случайными исключениями, но напротив — представляют собой проявления наиболее глубоких особенностей православного мироощущения. Подтверждением этому может служить образ воцерковленного космоса, изображенный на иконе «О Тебе радуется», где вместе с ангелами и людьми в прославлении Богородицы принимают участие цветы и деревья, буквально передавая смысл слов задостойника «О Тебе радуется, Благодатная, всякая тварь».

Тот факт, что целью нового воцерковленного человека становится не корреляция с космосом, но единение с Богом, конечно же, лишает космос его прежней самодовлеющей и самодостаточности, но в то же время сообщает ему наполненность новым смыслом и новым значением. Теперь космос призван сорадоваться человеку

в его прославлении Бога, а также по мере возможности самому участвовать в этом прославлении своими проявлениями, как естественными, так и чудесными, примерами чего может служить пасхальная игра солнца или появление облака на горе Фавор на каждое празднование Преображения. То, что космос перестал быть самодовлеющим, а также то, что космос перестал являться предметом и целью корреляции, имеет самые серьезные последствия для музыки и музыкального звука. Подобно космосу, музыкальный звук перестает быть самодовлеющим, он как бы полностью утрачивает самостоятельное бытие и превращается в носителя молитвенного слова, обращенного к Богу. В отличие от самодостаточного и самодовлеющего музыкального звука, звуковой носитель молитвенного слова будет представлять собой артикуляционно-интонационную форму, существование которой полностью обусловлено словом и немислимо вне его. Последовательность молитвенных слов будет складываться в последовательность артикуляционно-интонационных форм, а последовательность этих форм будет образовывать артикуляционно-интонационную систему. Но ведь артикуляционно-интонационная система, образуемая некими интонационными квантами — это совсем не то же самое, что звуковысотная система, образуемая звуками, а поскольку музыка представляет собой именно звуковысотную систему, то артикуляционно-интонационная система должна быть определена не как музыка, но как что-то, отличное от музыки. Это «что-то отличное от музыки» мы будем определять как богослужбное пение или как богослужбно-певческую систему.

О различии между музыкой и богослужбным пением уже было вполне достаточно сказано в предыдущих книгах, где говорилось также и о различии между тоном и тонемой, однако до сих пор не обращалось еще достаточно внимания на связь тона с космосом и тонемы со словом. Для пифагорейцев и авторов «Льюши-чуньцю» бытие раскрывается как космос, а поскольку звук является строительной единицей космоса, то строение космоса в конечном итоге представляет собой некую звуковую

структуру, или, говоря по-другому, структуру, образуемую музыкальными тонами. В Новозаветном Откровении Бог являет себя через Слово, которое было у Бога и которое есть Бог, в силу чего для воцерковленного человека бытие должно раскрываться как артикуляция Божественного Слова, через которое все начало быть, что начало быть. Каждое же конкретное проявление того, что «начало быть», может быть рассмотрено как отдельная тонема, которая наряду со всеми прочими тонемами образует бытие или артикуляцию Божественного Слова. Здесь следует особо подчеркнуть коммуникационную функцию слова, т.е. то, что слово — это не только некая «смыслоструктура», но и некое обращение к определенному адресату. В этом смысле можно утверждать, что бытие создано Богом для человека, и что бытие — это обращение Бога к человеку, которое подразумевает и ответ человека Богу. Бытие — это диалог, который ведут между собой Бог и человек — именно об этом свидетельствует одна из самых таинственных книг Священного Писания «Песнь Песней» Соломона, где диалог Бога и человека представлен как диалог Жениха и Невесты, стремящихся к взаимному обладанию. Резюме этого диалога много позже было отлито в чеканную святоотеческую формулу: «Бог воочеловечился, чтобы человек обожился».

Обоженное естество человека становится началом обожения всей твари — всего космоса. Именно в этом смысле говорилось о том, что человек является священником по отношению к космосу, и что функция человека заключается в освящении или обожении космоса. И здесь следует четко различать понятия обоженного космоса и космоса обожествленного. Обожествленный космос — это самодовлеющий, самодостаточный космос пифагорейцев и авторов «Люйши-чуньцю», совершенное строение которого становится архетипической моделью, воспроизводимой человеческим естеством, стремящимся к совершенству. Обоженный космос — это космос Новозаветного Откровения, космос, сорадующийся человеку в его восхвалении Бога, космос, каждая часть которого есть

не что иное, как молитвенное слово, обращенное к Богу и прославляющее «невидимое Его, вечную силу Его и Божество». «Словесность» космоса есть одно из характернейших свойств новозаветной концепции космоса — об этом свидетельствует часто применяемое в богослужебных текстах выражение «словесные овцы», обозначающее богоспасаемое человечество или стадо Христово. Пасомые Богом-Словом, словесные овцы в процессе своего спасения приобщают к «словесности» и космос, в котором протекает процесс их спасения, в результате чего космос становится «словесным космосом» — молитвенным текстом, обращенным к Богу.

Акустическим аналогом обоженного «словесного» космоса может служить обоженный «словесный» мелодизм октоиха или системы осмогласия, где мелодическая структура складывается не из самодовлеющих музыкальных звуков-тонов, но возникает как сопутствующее слову его артикуляционно-интонационное оформление, образуемое интонационными квантами-тонемами. Все основополагающие виды богослужебно-певческих систем — будь то византийское осмогласие, григорианика или древнерусская система распевов — изначально были лишены понятий звука, тона или ступени. В устный период существования этих систем в них использовались специальные интонационные модели-назаны, которые, не прибегая к помощи конкретных звуков, выполняли роль ключа, открывающего путь к знанию правильного мелодического интонирования слова в каждом гласе или модусе. Богослужебно-певческие нотации изначально также не предназначались для фиксации точной звуковысотности и точных интервальных соотношений, отражая лишь направление мелодической интонации того или иного слова. Все это позволяет рассматривать слово как необходимое и единственно возможное условие существования богослужебного мелоса, как генератор звуковой субстанции богослужебного пения. Если генератором музыкального звука может служить струна, натянутая кожа, металлическая пластина, столб воздуха или какие-либо другие

предметы и объекты, наполняющие космос, то генератором богослужебно-певческого звучания может являться только молитвенное слово. Именно это имелось в виду, когда говорилось о связи тона с космосом и тонемы со словом. Таким образом, можно утверждать, что если музыка является результатом корреляции человека с космосом, то богослужебное пение представляет собой результат обоженности человеческого естества, которое, соприкасаясь с космосом, вовлекает и его в процесс обожения, превращая обожествленный космос древних учений в обоженный космос Нового Завета.

Само собой разумеется, что преображение космоса, осуществляющееся в результате Новозаветного Откровения, влечет за собой переосмысление пифагорейской концепции трех видов музыки. Следует особо подчеркнуть, что речь идет не об отрицании этой концепции в целом, но о наполнении ее новым смыслом. Соотношение *musica mundana*, *musica humana* и *musica instrumentalis* остается прежним, но содержание каждого из этих понятий подвергается коренному обновлению. Так, место *musica mundana* занимает ангельское пение. Как и пифагорейцы, христиане знают о высшем небесном «звучании мира», но для них эта «мировая музыка» является не следствием совершенного устройства космоса и пропорционального соотношения его частей, но представляет собой осознанный волевой акт высших духовных сил – бесплотных ангельских умов, прославляющих Бога. Естественный ум человека, предоставленный сам себе, не может распознать истинной духовной природы ангельского пения и принимает его за некое космическое явление — «гармонию сфер». Вот почему, хотя пифагорейцы и хранили знание о высшем мировом звучании, неслышимом человеческим ухом, однако догадаться о его подлинной сущности изначально не могли — ведь знание это достигается не естественным путем, но даруется сверхъестественным образом в откровении. Только Новозаветное Откровение могло раскрыть тайну этого звучания, и более того — сделать человека причастным к нему, что стало возможно только

после пришествия в мир Иисуса Христа, сказавшего по этому поводу: «Истинно, истинно говорю вам: отныне будете видеть небо отверстым и Ангелов Божиих, восходящих и нисходящих к Сыну Человеческому» (Ин. 1.51). Христос отверз духовное небо, обнажил небесные корни вещей и явлений, в результате чего то, что ранее воспринималось как *musica mundana*, стало отчетливо видеться как живая песнь, воспеваемая ангельскими чинами, служащими Сыну Человеческому.

Когда мы говорили о том, что Новозаветное Откровение делает человека причастным ангельскому пению, то имелось в виду не только то, что ангелы соединяются с людьми во время церковной службы и особенно во время совершения Евхаристического канона, но и то, что люди подражают ангельскому пению в процессе исполнения богослужебных песнопений. Однако, говоря о подражании, сразу же надо упомянуть о возможностях и границах этого подражания. Нужно помнить о том, что чем ближе к Богу находится то или иное явление, тем более подобным Ему оно является, стремясь, насколько это возможно, к Его простоте и единству. Ангелы находятся по отношению к Богу гораздо ближе людей, а потому ангельская природа гораздо более проста и едина, чем природа человека. Ангельское пение представляет собой простой и единый акт, практически непредставимый в сложном и множественном человеческом мире. Попытка воспроизведения ангельского пения в условиях человеческого мира неизбежно приводит к дроблению и усложнению его изначальной простоты. Это выражается в том, что единый и неделимый акт ангельского пения у людей разделяется как минимум на два различных акта: акт правильной организации жизни и акт правильной организации движений голоса. Эта двойственность находит максимально полное выражение в двойственном значении крюкового знамени древнерусской певческой системы. Согласно данным крюковых азбук XVI-XVII веков, одно и то же крюковое знамя обозначает одновременно и определенное аскетическое требование, предъявляемое к психическому состоянию человека и

указывает на определенное движение голоса, о чем более подробно можно прочитать в книге «Пение, игра и молитва в русской певческой системе».

Наличие двух уровней деятельности или двух единовременных актов, необходимых для воспроизведения небесного ангельского пения в земных условиях, было предчувствовано и предвосхищено пифагорейским учением, ибо в концепцию трех видов музыки помимо *musica mundana* входят также *musica humana* и *musica instrumentalis*. Так же, как и *musica mundana*, эти два понятия в Новозаветном Откровении обретают новое смысловое измерение. *Musica humana* преобразуется в особый порядок жизни, в православной традиции именуемый ангельским чином жизни, под которым по существу подразумевается монашеская жизнь, ибо каждое лицо, принявшее монашеский постриг, до сих пор почитается лицом, принявшим ангельский образ. *Musica instrumentalis* преобразуется в то, что в православной традиции именуется ангелогласным или ангелоподобным пением, т.е. в конкретный мелос богослужебно-певческой системы. Ангелогласное пение немыслимо вне ангельского чина жизни, ибо правильное или ангелоподобное движение голоса возникает только как следствие правильной ангелоподобной жизни, и потому ангелогласное пение и ангельский чин жизни составляют нерасторжимое единство, воссоздающее простое единство небесного ангельского пения земными средствами. Так древнее пифагорейское учение о трех видах музыки обретает совершенно новый смысл и превращается из отвлеченного философского умозрения в живую реальность общения людей и ангелов, соучаствующих в общем прославлении Бога, как это изображается в деисусном чине иконостаса, и как об этом поется в задостойнике «О Тебе радуется, Благодатная, всякая тварь, ангельский собор и человеческий род».

Теперь можно подвести некоторые итоги и в сжатой форме изложить суть взаимоотношений Новозаветного Откровения и древних концепций космической корреляции, представителями которых у нас выступает пифа-

горейское учение и учение, изложенное в «Люйшичунью». Наиболее фундаментальное различие между ними заключается в том, что в Новозаветном Откровении Сам Бог открывает себя человеку, в то время как в древних корреляционных учениях о Боге узнается косвенным образом через «рассмотрение творений». Так, Платон в «Тимее» неоднократно говорит о Боге-Творце, о «Демиурге», об «Устроителе», он говорит также о том, что Бог благ, и что Бог все устроил по своему подобию, однако все это Платон говорит не на основании непосредственного знания Бога, но на основании рассмотрения космоса, совершенство и калократийность которого неизбежно приводит к выводу о существовании Всеблагого Творца-Устроителя. Эта ситуация знания о Боге, при практическом незнании Бога, была подмечена святым апостолом Павлом во время пребывания его в Афинах, и именно тогда, когда он, обнаружив жертвенник с надписью «Неведомому Богу», обратился к афинянам со словами: «Сего-то, которого вы, не зная, чтите, я проповедую вам». (Деян. 17.23). И вот тот Бог, о котором прежде можно было судить только косвенным образом на основании изучения сотворенного Им, теперь Сам открыл себя человеку, даровав возможность видеть «невидимое Его, вечную силу Его и Божество». И если на жертвеннике в древних Афинах было написано «Неведомому Богу», то надпись, высеченная над папертью Успенского собора Троице-Сергиевой Лавры, гласит: «Ведомому Богу».

Явив Свою невидимую вечную силу и Божество в Новозаветном Откровении, Бог не только открыл человеку путь к познанию Себя, но упразднил причину, которая делала невозможным непосредственное знание Бога, и которая есть не что иное, как последствие грехопадения, ибо в результате грехопадения Адам утратил способность богообщения, а стало быть и возможность непосредственного знания Бога. Вочеловечение Иисуса Христа вернуло человеку изначальную красоту и достоинство, утраченное Адамом, и, обновив пораженное грехом естество, превратило человека в

«новую тварь», по слову апостола, сказавшего: «Кто во Христе, тот новая тварь; древнее прошло, теперь все новое» (2 Кор. 5.17). Здесь можно было бы совершить переход к разговору о том, что одним из непосредственных проявлений человека, ставшего «новой тварью во Христе», является «Новая песнь», предреченная пророком Давидом. Однако, прежде чем сделать это, необходимо более подробно уяснить содержание понятий «древнего» и «нового», употребляемых апостолом Павлом, а для этого нужно рассмотреть эти понятия под углом зрения функционального соотношения структуры и события, как это мы делали уже раньше, рассматривая принцип бриколажа и принцип композиции.

Выше уже неоднократно отмечалось, что практически все великие культуры древности, так же, как и все так называемые «примитивные» культуры современности, в конечном итоге базируются на концепции космической корреляции. Это значит, что для представителей всех этих культур обретение реальности, или, говоря по-другому, вкоренение в бытие достигается только путем воспроизведения некоей архетипической модели. В качестве такой архетипической модели может выступать некое действие бога, предка, культурного героя или какое-либо другое мифологическое событие, приобщающее к высшему космическому порядку или даже сообщающее порядок самому космосу. Только ритуальное воспроизведение такого события делает реальным каждого конкретного человека, приобщая его к бытию, и поэтому любое отклонение от этого воспроизведения, любое новшество воспринимается с позиций корреляционной концепции как утрата реальности, как отпадение от бытия. Во всем древнем мире и на востоке и на западе новое понималось не как нечто позитивное и даже не как нечто самостоятельное, но как проявление разрушения и утраты древней архетипической модели, другими словами, во всем древнем мире новое воспринималось как недостаток, а вернее, как недостаток точности при воспроизведении канонической модели. Именно так относились к появлению нового в Египте и в Спарте,

именно так относились к потоку изменений, приносящих новизну, Платон и Конфуций. Осознание неизбежности изменений, приводящих постепенно к ухудшению общего состояния мира, нашло отражение в концепции сменяющихся мировых эпох. На западе эти сменяющиеся друг друга эпохи именовались золотым, серебряным, медным и железным веком; на востоке сходная концепция мировых суток выглядела как последовательность, состоящая из Критаюги, Третаюги, Цвапараюги и Калиюги. Однако какие бы специфические обличия на востоке и западе эта концепция ни принимала бы, суть ее и там и тут сводилась к тому, что каждый переход от одной мировой эпохи к следующей должен неизбежно сопровождаться укорачиванием срока жизни людей, падением нравов, ослаблением природных сил и энергий, а также наращиванием деструктивных процессов в самих основаниях космоса. Здесь нельзя не отметить того удивительного сходства, которое существует между этой древней концепцией и современными инфляционными теориями в космологии, тем более, что в самое последнее время делаются попытки увязать инфляционные процессы, протекающие во вселенной, с инфляционными процессами, наблюдаемыми в истории. Кроме всего прочего, это свидетельствует еще и о том, что «древнее», о котором пишет апостол Павел, это не только некое хронологическое понятие, это не только некое прошлое, которое было, но это и определенное состояние, имеющее место там, где не произошло принятие Новозаветного Откровения, где еще не произошло принятия Христа.

Суть этого состояния можно свести к трем пунктам:

1) Каждое явление может быть рассмотрено как структура и как событие, 2) событие, взятое само по себе, играет негативную разрушительную роль по отношению к структуре, 3) преодоление разрушительной роли события достигается тем, что из всех событий следует допускать лишь те события, которые воспроизводят некую архетипическую модель, или, другими словами, структура и событие должны находиться в функцио-

нальном отношении цели и средства. Этот последний пункт является основополагающим для характеристики «древнего» как особого состояния. И именно на это функциональное различие структуры и события нам следует обратить особое внимание, ибо, с позиций православного учения, дробление явления на структуру и событие есть следствие грехопадения. В Раю Бог приводил всех сотворенных Им зверей и птиц к человеку, чтобы посмотреть, как человек назовет их, и человек давал имена каждой твари. В этом акте наименования практически отсутствовало функциональное различие структуры и события как цели и средства, ибо как структура, так и событие здесь являлись одновременно и средством, и целью. Созданная Богом структура являла себя в событии наименования ее человеком, но, с другой стороны, само событие наименования было тем, ради чего Бог создавал структуру, ради чего Он творил. Выше уже говорилось о том, что бытие есть диалог Бога с человеком. Что же касается райской полноты, целостности и простоты Бытия, то все это проявлялось в синтетическом единстве структуры и события, при котором событие было структурой, а структура являлась событием, ибо структура могла явить себя только в событии, а событие могло быть только явлением структуры.

Конец этому райскому состоянию единства структуры и события был положен актом грехопадения, ибо грехопадение представляет собой событие, за которым не стоит никакой структуры. Более того: грехопадение — это событие, разрушающее структуру божественного порядка. Именно с момента грехопадения событие, утратившее связь со структурой, приобрело свою разрушительную функцию по отношению к структуре, в результате чего мир изменился и стал совершенно не таким, каким являлся до грехопадения. Если мы взглянем на эту ситуацию с позиции книги епископа Василия (Родзянко) «Теория распада вселенной и вера отцов», то нужно будет признать, что Big Bang, или Большой Взрыв, вызванный грехопадением человека и произошедший в самый момент грехопадения, есть не что иное, как

разрыв синтетического единства структуры и события. Разрыв этого единства, представляющий суть Большого Взрыва, положил начало распаду Вселенной, т.е. положил начало тому миру, в котором мы живем, в котором постоянно нарастает дефицит порядка и в котором все явственнее ощущаются следствия энтропии или «старения космоса». Человек древности пытался противостоять этому старению путем совершения ритуала, т.е. путем совершения события, воспроизводящего некую архетипическую модель, однако даже самое неукоснительное исполнение ритуала не могло полностью остановить процесс старения космоса, но лишь на каком-то этапе с большей или меньшей результативностью притормаживало его. Осознание неотвратимости и необратимости деградации Вселенной вылилось в уже упоминаемую выше концепцию мировых периодов, каждый последующий из которых представляет собой некую усугубленную стадию деградации по сравнению с предыдущим. Все это вместе взятое — и осознание неизбежности старения космоса, и мужественное ритуальное противостояние деградации Вселенной — все это и составляет суть того, что апостол Павел определяет как «древнее», и в этом состоянии нет исхода, нет спасения, ибо ни во Вселенной, ни в человеке, совершившем грехопадение, нет ни возможностей, ни сил изменить ход вещей, predetermined актом грехопадения.

Положить конец «древнему», спасти человека и вселенную могло только событие прихода Спасителя в мир. С точки зрения нашей проблемы взаимоотношений структуры и события приход этот означает реабилитацию события как такового, а также новый синтез структуры и события. Чтобы облегчить дальнейшее рассуждение, позволим себе на какое-то время применить к Богу Слово понятие Метаструктура, подразумевая под этим то, что если весь сотворенный мир, все творение мы будем определять как некую структуру, то Слово, сотворившее мир, как раз и будет являться Метаструктурой. Думается, что употребить понятие Метаструктура нам позволяют также следующие слова Апокалипсиса:

«Я есть Альфа и Омега, начало и конец, говорит Господь, Который есть и был и грядет, Вседержитель» (Откр. 1. 8), ибо, будучи рассмотрены сквозь призму проблемы взаимоотношений структуры и события, они дают возможность истолковать слово Вседержитель именно как Метаструктуру, содержащую в себе структуру тварного мира. Здесь важно отметить, что с позиции вечной непреходящей Метаструктуры преходящая структура тварного мира должна рассматриваться как событие, имеющее начало и конец. И в то же самое время самым непостижимым образом вечная и непреходящая Метаструктура становится конкретным историческим событием в структуре тварного мира путем вочеловечения и воплощения в личности Иисуса Христа. Явив себя в конкретном историческом событии, Метаструктура реабилитировала сам принцип события, скомпрометированный актом грехопадения, причастив событие структуре и положив начало новому синтезу структуры и события, впервые осуществившемуся в личности Богочеловека.

С другой стороны крайне важно подчеркнуть, что в акте Боговочеловечения конкретным историческим событием становится не просто явление структуры, но явление Метаструктуры, а это значит, что речь должна идти не только о конкретном историческом событии, но и о Метасобытии, совершающемся вечно в структуре тварного мира, а также и за его пределами. Однако, если стремиться к большей ясности и точности, то следует заметить, что это вечно совершающееся, непреходящее событие осуществляется не столько в структуре тварного мира вообще, сколько в личности конкретного человека. Когда выше говорилось о том, что Откровение Нового Завета, минуя космические силы и начала, адресовано непосредственно самому человеку, то прежде всего в виду имелся тот сокровенный тайник личности, в котором божественное встречается с человеком и в котором осуществляется новый синтез структуры и события. Бог вочеловечился, чтобы человек обожился — эта святоотеческая формула означает, что событие вочеловечения Бога постоянно совершается в личности каждого челове-

ка, и человек, принявший это событие, человек, сделавшийся причастным этому событию, превращает свою личность в новую реальность, в обоженную личность, в новую тварь во Христе. Более подробное разъяснение этой формулы можно найти в «Толковании книги Песнь Песней» Михаила Пселла, где автор, обращаясь к душе как бы от лица Ангелов, призывает душу, как невесту, увидеть в себе подобие Божественного Жениха и всеми силами приближать тот момент, когда «Владыка всех, сущая Сама Истина, в Своем почивании, имеющем быть в тебе, явит тебя саму Своим подобием, дабы на основании сего ты познала себя саму; именно что ты — образ и подобие Его и Он пасет тебя и как бы некой печатью почивает в тебе, как в Своем собственном изображении».* Таким образом, Господь, изначально пребывающий в каждой душе, являет ей ее же саму Своим подобием, только на основании чего душа и может познать свой неповторимый индивидуальный лик, а поскольку лик каждой души неповторим, то рождается нескончаемое многообразие неповторимых ликов, явленных в Господе и прославляющих Его в Царствии Божьем, о чем Сам Господь сказал: «В доме Отца Моего обителей много. А если бы не так, Я сказал бы вам «Я иду приготовить место вам» (Ин. 14-2). Это нескончаемое многообразие неповторимых ликов, спасаемых от небытия и вводимых в Царствие Божие вечносовершающимся событием вочеловечения Бога Слова, и составляет суть непреходящей новизны, привнесенной в мир Откровением Нового Завета.

Явление в мир новой реальности — обоженной личности, новой твари во Христе, влечет за собой как следствие исполнение слов царя Давида, пророчествовавшего о наступлении того времени, когда будет воспета «Песнь новая», ибо богослужбное пение, практикуемое в Церкви на протяжении первого тысячелетия, и является этой самой «Песней новой». Одной из отличительных черт принципиальной новизны богослужбного пения явля-

* Михаил Пселл. Богословские произведения. Санкт-Петербург, 1988, стр. 142.

ется полный разрыв этого пения с древней идеей космической корреляции, и здесь надо заметить, что богослужбное пение отражает совсем не ту реальность, которую отражает музыка. Музыка является акустическим аналогом структуры космоса, упорядочивающей естество человека в процессе корреляции, богослужбное же пение является акустическим аналогом обоженной личности, вовлекающей в процесс обожения и окружающий ее космос. Если все музыкальные системы древности представляют собой развернутые космические и космогонические классификации, как это было показано в предыдущей главе, то богослужбно-певческая система самым категорическим образом порывает с какими бы то ни было апелляциями к космическим реалиям. Об этом красноречиво свидетельствует уже сам принцип октоиха — принцип восьми гласов, восьми модусов или восьми тонов, лежащий в основе как восточных, так и западных вариантов богослужбно-певческой системы, ибо число восемь в контексте христианской традиции олицетворяет собой выход за пределы тварного мира. Число восемь — это число вечности и будущего века, число таинственного восьмого дня, которому противостоит число семь, олицетворяющее полноту этого мира, представленную семью днями недели, семью видимыми цветами радуги, семью небесами, семью астрологическими планетами и выражаемую семью ступенями зигуратов и семью ступенями музыкального звукоряда. Характерно, что в Апокалипсисе, повествующем о последних днях мира, крайне часто встречается число семь: семь труб, семь фиалов, семь громов, семь светильников. Помимо всего прочего, эти семерки свидетельствуют об исчерпанности этого мира, а также о том, что мир этот стоит на самом пороге восьмого дня — дня вечности.

Поскольку число восемь олицетворяет выход за пределы тварного мира, то система восьми гласов или восьми модусов может рассматриваться как некое акустическое подобие Метаструктуры — Бога Слова, сотворившего этот мир. Сама идея октоиха является Альфой и Омегой, началом и концом всего явленного многообразия

богослужбного мелоса, ибо все это многообразие мелодических структур, образуемых в процессе пропевания конкретных богослужбных песнопений, изначально содержится в восьми интонационных моделях, составляющих круг октоиха, подобно тому, как все мыслимое многообразие форм сотворенного мира изначально содержится в Боге Слове.

Когда мы говорим о системе октоиха как о круге интонационных моделей, то следует обратить особое внимание на тот факт, что соотношение, возникающее между интонационной моделью определенного гласа или модуса и ее воспроизведением, значительно отличается от соотношения, возникающего между архетипической моделью и ее воспроизведением в музыкальных практиках, основанных на принципе бриколажа. Это связано с тем, что система октоиха отражает новую реальность, в которой порожденное грехопадением функциональное различие структуры и события уступило место их синтетическому единству. Вот почему интонационная модель гласа или модуса — это не только некая архетипическая структура, воспроизводимая в событии пропевания конкретного песнопения, но в то же самое время это и событие, поскольку само воспроизведение этой модели превращается в событие, являющее конкретную мелодическую структуру данного песнопения. С другой стороны, событие пропевания конкретного песнопения — это не только событие, воспроизводящее модель гласа или модель модуса, но в то же самое время это и конкретная неповторимая структура данного песнопения, являющая себя в событии воспроизведения модели модуса или гласа. Каждое конкретное песнопение — будь то стихира на востоке или антифон на западе — посвящено прославлению или определенного святого, или прославлению определенного события церковной жизни, но поскольку конечная цель жизни каждого святого, также как и конечная цель каждого события церковной жизни заключается в прославлении Бога, то можно говорить о некоем взаимобмене функций цели и средства, постоянно совершающемся между

структурой и событием в процессе пропевания мелодий октоиха. Бог прославляется в святых, которые своей жизнью прославляются в Боге — именно эта ситуация воспроизводится мелодическими средствами через соотношение последовательности моделей октоиха и последовательности песнопений, образующих конкретную службу.

Из всего вышесказанного можно заключить, что пение, основанное на системе октоиха, представляет собой мелодическую модель синергического процесса, т.е. такого процесса, который объединяет в себе действие духовной энергии человека с нетварной божественной энергией. И хотя учение о нетварных божественных энергиях было сформулировано святителем Григорием Паламой только в XIV веке, но фактически система октоиха, сформировавшаяся в VI-VIII веках, уже демонстрирует реализацию этого учения в певческой практике. Собственно говоря, этот синергизм, моделируемый системой октоиха, и есть то принципиально новое, что превращает богослужбное пение в предначертанную пророком Давидом «Песнь новую» и что отличает богослужбное пение от всех музыкальных систем, основанных на космической корреляции. Ведь как уже говорилось в предыдущей главе — Ци китайцев и гармония пифагорейцев, лежащие как в основе космологических, так и в основе музыкальных систем, представляют собой понятия, не выходящие за пределы тварного мира, а потому и человек, проникающийся этими явлениями, причащающийся им и соединяющийся с ними, остается в некоем энергетическом поле тварного мира и не имеет шанса выйти за его пределы. Воплощение же Бога Слова, приход Христа в мир открывает для человека возможность соединиться с нетварной божественной энергией и сделаться, по выражению апостола Петра, «причастником Божеского естества», что и приводит к синергии, — частным проявлением которой является богослужбное пение, основанное на системе октоиха.

Мать МАРИЯ (Скобцова)

ЖАТВА ДУХА (Новонайденные жития *)

Как авва Леонтий исцелял

Тот, кто жаждет небесного венца, чуждается земной славы. Так авва Леонтий таил от мира Господню благодать, которой он сподобился по великим подвигам. Но трудно в мирской тьме утаить яркий пламень, пламень, горящий в душе праведных. А потому, против воли его и желанья, далеко разносилась молва о его чудотворной силе и стекались к нему на берег морской жаждущие исцеления недугов, облегчения скорбей бесноватые, больные, калеки, убогие.

И была в Александрии одна женщина, страдающая раком. Вся грудь ее была покрыта огромной опухолью, и с каждым днем болезнь становилась сильнее, так что отказались лечить и самые искусные врачи.

Отчаявшись в исцелении человеческими силами, решила женщина та просить молитв аввы Леонтия, дабы он силой веры его подал ей исцеление от Господа.

Распросив людей, где имеет пребывание чудотворец, вышла она из города и направилась вдоль морского берега.

Отойдя немалый путь, увидела она старца, который разувшись ходит по мелкой воде, собирает дрова и скла-

* Первые два выпуска «Жатвы Духа» были изданы YMCA-Press в 1930 г. Три неизданных жития были напечатаны в Вестнике № 171, I-II-1995. С тех пор были найдены Е. Клепининой еще четыре жития, которые мы и предлагаем нашим читателям. Мать Мария предполагала составить третий и четвертый выпуск «Жатвы Духа» в следующем порядке:

I. Как авва Леонтий исцелял. Спиридон Тримифундский. Лев Каванский. Преподобная Марина.

II. Милостивый Филарет. Мартиниан, Зоя и Фотина. Видение Фивейского старца.

дывает их на берегу. И много дров уже собрал он, потому что было это после большой бури, когда прибой выбрасывает все на берег, что таила в себе пучина.

Старец этот, собирающий дрова, был сам авва Леонтий. Но женщина не знала его в лицо, а потому и приняла его за незначительного городского жителя, вышедшего на морской берег по нужде в дровах.

Он же не обратил на нее внимания и продолжал свою работу. Не зная, много ли ей еще осталось идти до кельи Леонтия, женщина спросила его об этом.

Тогда он, оставаясь в мелкой воде и держа на плечах охапку мокрых поленьев, спросил.

— Зачем тебе нужен этот обманщик?

Но женщина не придавала большого значения бранному слову и объяснила, что вот страдает она смертельной болезнью и надеется умолить авву помочь ей своими молитвами.

Вышел Леонтий из воды, кинул к стороне собранные дрова и подошел к женщине, имея лицо недовольное, рассерженное.

— Говорю тебе, Леонтий обманщик. Не может он исцелить тебя. Напрасно и идешь к нему с верой. Надо тебе возвращаться в город.

Но женщина не послушала его и твердо решила продолжать свой путь, чтобы разыскать старца.

Когда же она отошла на несколько шагов, авва Леонтий увидел, что никакими словами не уничтожит он ее надежды на исцеление, и крикнул ей вослед:

— Вернись сюда, и мало помедли со мной.

И подошел к ней, и спросил, где у нее болезнь.

Она сказала ему, что красная ползучая опухоль покрывает всю грудь и приблизилась к шее.

Леонтий помолчал немного, вознеся свою молитву к Богу, потом осенил грудь женщины крестным знаменем и сказал:

— Господь исцеляет тебя, — только Он один всемогущ. Леонтий же лично не может, — он обманщик. Вот, теперь ты здорова, иди же домой.

И сразу опухоль побледнела и начала опадать. Так на глазах женщины рассосалась она, и с великой радостью кинулась женщина благодарить старца. Он же опять вошел в воду, так что не могла она приблизиться, и на все слова благодарности говорил:

— Иди, иди, не мешай мне, — видишь, я занят делом.

Лишь вернувшись в город и рассказав многим о своем исцелении, женщина узнала, что получила она пользу от аввы Леонтия.

В другой раз привели к нему бесноватого, но он даже не вышел из своей кельи, несмотря на всю мольбу о помощи родителей больного. Но он отговаривался, что ничем помочь не может, а потому и выходить ему ни к чему. Когда же родители бесноватого не оставляли его и дальше в покое, то он сказал им:

— Я ничего не могу. Идите к авве Зенону, — это его молитвой поможет вам Господь.

И указал дорогу.

Авва Зенон вышел к бесноватому и, склонившись над ним, начал громко молить Бога о помощи.

И молитва эта стала теснить беса, так что тело больного потрясалось в великих судорогах, и хулил он Бога, и проклинал Его.

Когда же стало бесу невмоготу и начало быть явное Господне заступничество, то устами больного говорил бес:

— Не ради тебя, Зенон, покидаю я это тело. И не твоими молитвами гонит меня Господь. Вот слышу я, как в своей келье молится авва Леонтий, и как поносит он меня перед Богом, и как терзает меня своею силой, а потому нет у меня возможности противостоять и остаться здесь. Тебе же ответ не дал бы я.

И после этого появился около уст больного как бы дым, и исчез. И успокоилось сразу его тело. Бес покинул его. Так только из слов бесовских узнали все, кто был истинным виновником исцеления, потому что сам авва Леонтий не хотел земной славы и держал свой светильник под спудом.

Спиридон епископ Тримифундский

Есть святые, угодившие Богу не столько великими подвигами отшельническими, и не столько непрерывным горением духа, сколько незлобивой простотой своей и деятельным устроением стада Господнего.

К таким именно угодникам относится Спиридон, епископ Тримифундский.

Не обученный мирским наукам, и постигающий все величие Создателя только глубиной своего смирения и своей простоты, Спиридон не только в юности был пастухом коз на родном своем острове Кипре, а и достигнув высокого сана епископского, не оставлял этого привычного и любимого дела.

Впрочем, пася козьи стада, не забывал он своим попечением и врученную ему паству.

И многого дерзновения достиг он перед Господом своею великой простотой.

Среди великих и богомудрых отцов I Вселенского собора значится его имя. И участием в соборе принес он большую пользу православной Церкви, посрамив нечестивых ариан. Но даже эти его деяния могут иметь правильное постижение только тогда, когда вся его простая пастушеская жизнь будет понята.

В то время, когда был он уже епископом Тримифундским, наступил на остров Кипр великий неурожай, какой имел своим последствием голод. Голод же породил болезни, болезни же явились причиной мора. Особенно страдали от голода бедняки, не имеющие золота, чтобы приобрести даже самое необходимое. Богачи же, пользуясь великим бедствием, на несчастье народа строили свое благополучие и продавали припасы по дорогим ценам.

Особой жадностью отличался один житопродавец, имеющий гортань несытую сребролюбием и утробу лакомством ненаполнимую.

Из далеких стран на кораблях доставил он на Кипр огромное количество зерна и не продавал его никому иначе как на золото.

И пришел к нему однажды бедняк, прося уступить хоть одну меру зерна, но житопродавец выгнал его от себя.

Тогда бедняк обратился с жалобой к епископу Спиридону. И тот утешил его, сказав, что на следующее утро богатый будет сам просить бедняков брать у него зерно даже без всякой платы.

В ту ночь случился ливень, и потоки воды размыли житницы и амбары, и зерно вынесено было водой на улицу. Богач же в отчаянии призывал всех помочь ему сохранить хоть часть зерна и за это в награду взять все, что размыл ливень. И бедняк помогал ему и запасался размывтым зерном, так что хватило ему этих запасов до нового урожая.

Но житопродавец не был научен этим несчастьем и в следующий голодный год опять поступил так же немилосердно, отказавшись выдать одному земледельцу зерно без золота.

И опять обратился этот земледелец к еп. Спиридону. Еп. Спиридон принес ему много золота для залога, прося вернуть все, когда будет собран урожай.

Так получил земледелец зерно, необходимое для прокормления семьи его.

И в срок, собрав урожай, принес Спиридону свой долг.

Взяв золото, предложил Спиридон земледельцу посмотреть, каким богатством он пользовался. И повел его в свой виноградник.

Когда же золото было положено на землю, то оказалось оно множеством змей, которые по слову Спиридона расползлись по норам своим, под камни и в расселины скал.

Не только со скупостью человеческой так боролся Спиридон, но и многие другие пороки были им наказаны и посрамлены.

Так, купил у него купец сто коз, и, зная великую доверчивость епископа, заплатил только за девяносто девять. Когда же стал он отделять купленных коз от всего стада, то девяносто девять пошли к нему своею волею, а сотая коза, плату за которую он утаил, идти к

нему не захотела, и не мог он ни силою, ни хитростью залучить ее к себе. То видя, догадался Спиридон, что купец неправильно рассчитался с ним за покупку и устыдил его.

Купец, раскаясь в обмане, внес недостающие деньги, и тотчас же коза доброй волею пошла к нему.

И на всех делах Спиридона можно было видеть благоволение Господа. Так, в жатву, в пору самого сильного зноя, трудясь вместе с жнецами, Спиридон жары не чувствовал, потому что был его лоб чудесным образом окроплен прохладной росой. В самой суете мирской вела его десница Господня. И, будучи великим в незаметном, он и большие победы над врагом одерживал.

Была у него соседка по винограднику, именем Софрония, и имела она мужа язычника. Однажды, по соседскому обычаю, была с мужем в гостях у епископа. И в это время прибыл вестник от дальних стад, долженствовавший сообщить, что пастухи всех коз потеряли.

Но еще не успел вестник сказать об этом, как Спиридон сказал ему:

— Не огорчайся, брат. Стадо найдено уже пастухами в дальней пещере.

И действительно, в то же время пришел новый вестник, который сказал, что козы нашлись в дальней пещере.

То слыша, язычник воскликнул, что наверное Спиридон обладает силою Бога.

— Не Бог я, но слуга Единого Бога, — отвечал ему Спиридон, и тем понудил его признать великую силу Творца и Вседержителя. И так пришел язычник от малого дела того к познанию истинной веры.

Проявляясь всегда в малых делах, Спиридон даже перед прославленным своим спором с философом Перипатетиком на Никейском соборе, когда он сильно посрамил своею простотою ариан, — все же обозначил свое присутствие на соборе таким малым и ничтожным делом, которое не имело особого значения, но все же было чудесно.

Он ехал на собор верхом на белом коне, и слуга сопровождал его на коне вороном.

Замедлив в пути, они остановились ночевать в гостинице.

И проведали об этом ариане, и замыслили задержать в дороге Спиридона, дабы не мог он выступить против них на соборе.

С этой целью пробрались они в конюшню и отрубили обоим коням Спиридоновым головы.

То видя, прибежал слуга к епископу и стал жаловаться на злобу ариан, по которой лишились они коней. И поспешил Спиридон за слугою своим в конюшню и приказал ему:

— Скорее приставь отрубленные головы к туловищам и будут они живы.

Торопясь, в великом страхе, приставил слуга головы, но по причине темноты, а также и своего смятения, перепутал их. И приставил белому коню черную голову, а черному — белую.

Так и прибыл Спиридон в Никею, на белом коне, имеющем черную голову.

Но самое великое доказательство того, сколь силен был Спиридон перед Господом, надо видеть в участии его на Александрийском соборе епископов.

Был созван этот собор Александрийским патриархом, чтобы могли епископы совместными молитвами повергнуть в прах всех языческих идолов, находящихся в капищах. И действительно, по молитвам их многие идолы были повержены. И остался наконец лишь один, который противостоял всем молитвам собора.

В то время приблизился к берегу корабль, на котором плыл Спиридон, спеша принять участие в соборе.

И когда корабль вошел в гавань, главный идол зашатался и рухнул со своего подножия.

То видя, воскликнул патриарх:

— О, друзья, Спиридон Тримифундский приближается.

Празднование: 12/25 декабря.

В городе Катане, в стране Сицилийской, был епископом святой Лев-чудотворец, истинный отец сиротам и нищим, победитель бесовской силы и ухищрений, пастырь Божий. И жил в этой стране некий муж именем Илиодор, отпавший от христианской веры и предавшийся в руки дьявола. И был он научен дьяволом, господином своим, творить различные чудеса и волхования, которые вводили в великий соблазн и в страшное искушение всех жителей той страны.

Так, являл он неожиданно людскому мечтанию реку среди города, и люди разувались, чтобы перейти эту реку вброд, на самом же деле пребывали они среди сухой городской площади. Или претворял он комок земли в золото, и многие начинали спор о таком золоте, найдя его на своем пути, и спор этот кончался взаимным побоищем. Когда же кто овладевал мнимым золотом, то оно вновь превращалось в комок земли.

Еще смущал он покой отроковиц, и блуждали они по городу, как бы вкусившие пьяного вина, и произносили непотребные слова, так сильно огорчая и мучая своих родителей. И многие другие чудесные волхования совершал Илиодор, всегда стремясь внести раскол и соблазн в души христиан и глумясь над верой христианской и над правилами общежития.

Многие жаловались на него игумену той страны Лукию, так что был принужден Лукий схватить волхва и отправить на царский суд в Царьград.

Царь же Лев и сын его Константин Багрянородный, узнав о всех лукавых волшебствах Илиодора-волхва, повелели предать его смерти, но в то время, как был произнесен приговор этот, стал Илиодор невидим и очутился волшебством своим в Катане. И вторично схватил его игумен Лукий и заковал в тяжелые цепи, и на корабле доставил в Царьград. Со многими трудностями был он приведен к месту казни. Когда же палач заманулся и потом опустил меч, то оказалось, что ударил он по пустому воздуху, потому что исчез Илиодор с места

казни и вновь очутился в Катане. И начал он более прежнего глумиться над людьми и над верой.

Наконец до того дошла дерзость его, что во время службы церковной, когда епископ Лев со пресвитерами и с диаконами, окруженный многочисленным народом, возносил Бескровную Жертву Богу, вошел Илиодор в храм, как добрый христианин, и занялся тайным волхованием.

Тотчас же одни из молящихся стали, как кони, топтать ногами, другие замычали, как быки, или стали бляеть по-овечьему. Некоторые не могли удержаться от громкого смеха, а некоторые впали в гнев и стали произносить различные хульные слова.

Тогда Илиодор громко похвалился, что вот сейчас, по силе его волшебства, сам епископ и пресвитеры, и диаконы, оставив службу Господню, начнут плясать и петь, как скоморохи на торжищах.

И праведным гневом наполнилось сердце епископа Льва. Коленопреклоненно опустился он перед престолом, прося Господней помощи против нечестивого волхования, потом вышел из алтаря и приблизился к Илиодору.

Омофором своим связал он волшебника и вывел на площадь.

Там повелел он всем гражданам принести много дров и хворосту и сложить великий костер. Когда же пламя высоко поднялось к небу, с молитвой взошел Лев на костер, и заставил связанного Илиодора следовать за собою.

И было пламя раздуваемо ветром, трещали дрова, сыпались искры, черный дым высоко разносился над домами. Такой жар распространял костер, что не могли люди к нему приблизиться.

Святой же Лев стоял посреди этого огненного моря, как бы окропленный росой Духа Святого.

И так пребывал он долгое время, пока не только все дрова обратились в пепел, но и тело Илиодора-волхва не стало черным углем.

Тогда он вернулся невредимым в храм и продолжал службу Господню, благодаря Владыку, что помог Он ему посрамить нечестивое волхование и показать всем живущим, сколь Божественный Промысел сильнее, чем все суетные премудрости волшебства.

День св. преподобного Льва, епископа Катанского, 20 февраля по старому стилю, по новому — 5-го марта.

Милостивый Филарет

В городе Амнии, в стране Пафлагонской, жил Филарет, всем известный как великим богатством своим, так и милосердием. Воистину богатства его были достоянием нищих и странных, и все впавшие в бедность могли получить от него помощь.

Дом Филарета был как полная чаша, огромные стада паслись на его пастбищах, виноградники приносили большой доход, множество рабов и рабынь служили ему. В полном довольстве пребывала семья Филарета — жена его Феозва, сын Иоанн и две дочери — Истетия и Еванфия.

И случилось в то время великое бедствие в стране Пафлагонской. Несметные полчища исмаильтян покорили страну. Богатства людские предали огню, угнали скот, пленили рабов, разорили всех жителей Пафлагонии.

Когда же ушли исмаильтяне, оказался Филарет нищим, потому что ни рабов, ни рабынь не осталось у него, и скот был весь угнан. А виноградники и пастбища продал он, чтобы помочь другим разоренным.

Так осталось у Филарета лишь небольшое поле да пара волов, да корова с теленком, да конь один и еще немного ульев с пчелами. И самому ему приходилось пахать поле и собирать урожай, чтобы было чем кормить жену и детей. Но он не печалился, помня слова Апостола: «Кто не работает, тот не ест».

Итак, имел он сейчас, проводя дни в тяжелом труде, гораздо более права на хлеб свой, чем раньше, когда на него работали рабы и рабыни.

Однажды пахал он на двух своих волах. И пахал недалеко от него сосед.

Вдруг один вол соседа, укушенный ядовитым насекомым, зашатался и упал.

Не надеясь получить помощи от обедневшего Филарета, сосед все же пришел к нему, чтобы услышать по крайней мере слова утешения. И тем сильнее он был озадачен, что падший вол принадлежал не ему, а был взят на работы у одного имущего.

Выслушав его жалобу, Филарет отпряг одного из своих волов и просил принять его в дар. Обрадованный сосед согласился на эту милость и вернулся на свое поле с волком Филарета. Филарет же, не имея чем пахать, погнал единственного вола, оставшегося ему, домой, сам же нес ярмо с отданного вола.

И увидя это, Феозва, жена его, очень разгневалась и стала пытаться, где другой вол. Филарет же, не желая видеть еще большего гнева, сказал, что лихие люди угнали его вола.

Тогда послала Феозва сына своего Иоанна искать этих лихих людей.

И вскоре увидел Иоанн, что сосед-земледелец пашет на их воле.

И с большим гневом приступил Иоанн к земледельцу, желая получить от него вола. Но тот успокоил его, сказав, что сам Филарет, по великому милосердию своему, подарил ему вола. Узнав об этом, воскликнула Феозва:

— Увы мне и детям моим. Имею я мужа немилостивого и дети отца беспощадного. Как можем мы жить далее?

Через некоторый срок пришел другой сосед к Филарету и стал жаловаться, что корова его пала и нету у него более средств питать своих детей.

Филарет просил взять его корову.

Когда же сосед согласился и увел корову с собою, то теленок ее, оставшийся один, стал жалобно мычать, и по мычанью этому догадалась Феозва, что вновь лишил

Филарет детей своих последнего достояния. Тогда она воскликнула:

— Злой человек, даже скота бессловесного не может он пожалеть. Смотри, как мычит оставленный теленок, разлученный с матерью.

— Истину ты говоришь, — ответил Филарет. — Итак, догони соседа, взявшего корову.

С радостью кинулась Феозва за соседом. Тот же опечалился, помыслив, что раздумал Филарет отдать ему последнее достояние, и с печалью вернулся.

— Брат, — сказал ему Филарет, — вот не может жена моя слышать, как мычит теленок, разлученный с матерью. И правильно говорит она, что жестокое это дело разлучать их. А потому возьми с собой и теленка.

Так в течение немногого времени раздал Филарет все, что имел, и стал самым нищим бедняком во всей стране Пафлагонской.

К тому же посетил эту страну великий голод, даже и у богатых недоставало хлеба, а бедным приходилось питаться лебедою и кореньями диких растений.

Но даже и лебеду вареную часто отдавал Филарет голодным и кореньями делился с ними.

Не в силах терпеть такого милосердия, Феозва разгневалась до конца на мужа своего и ожесточила против него всех своих детей. Тогда стали они и обедать отдельно, и жизнь у них вся была обособлена.

Но, зная, что он поступил, как праведник, Филарет этим гневом не тревожился и говорил часто:

— Желанное вам богатство есть у меня в сокровищнице и его не так трудно найти. То же богатство, которое я хочу приобрести, дается лишь большими усилиями.

А слыша эти слова, жена и дети приступили к нему, прося более не таить своего сокровища, потому что они и так погибают от голода.

В то время царствовала в Цареграде благочестивая царица Ирина с сыном своим Константином. И пришло время царю жениться, тогда послала Ирина верных слуг по всему государству, дабы привезли они на смотрины

в царский дворец всех прекрасных, добрых и мудрых девушек, каких только они найдут в стране.

И, объезжая все города и села, даже до самых ничтожных, прибыли царские слуги в город Амнию и увидели там прекрасный и богатый дом Филарета.

Но когда они захотели пойти к нему, граждане Амнии сказали им, что только вид богатый имеет дом Филарета, а на самом деле нет во всем городе большего бедняка, чем хозяин этого дома.

Слуги же царские все же решили пойти к Филарету. Он принял их приветливо, и были они удивлены благочестием дома его, несмотря на великую бедность хозяина. А еще более были они удивлены красотой, благонаравием и мудростью внучки Филаретовой, дочери Иоанна, отроковицы Марии.

Тогда сказали они Филарету, какая цель их путешествия, и просили отпустить с ними Марию.

Прибыв вместе с другими девушками в Царьград на смотрины, Мария и там поразила всех, как красотой лица, так и великим благонаравием, проистекающим от душевной мудрой кротости.

И была она избрана в невесты царю Константину. И стал Филарет дедом царицы, и получил от царя богатые подарки, так что умножилось достояние его по сравнению с тем, что имел он раньше.

Феозва же и дети ее говорили, что воистину он был прав, когда обещал им невиданное еще сокровище, якобы утаенное до времени от них, и были они преисполнены гордости и похвальбы от всего того благополучия, которое выпало им на долю, потому что стали теперь близкими родственниками царю, владельцами несметных богатств.

Лишь один Филарет не придавал столь великого значения случившемуся, и только одно утешение извлек он для себя из новых своих сокровищ — это возможность вновь щедрой рукой помогать неимущим.

Спустя же некоторое время почувствовал он приближение смертного часа, и даже заказал себе заранее гроб в женском монастыре близ Цареграда.

Прежде же, чем удалиться туда на покой, сказал жене своей Феозве:

— Хочу я устроить великий пир и пригласить к себе всех вельмож и всех приближенных царских.

Феозва же с радостью согласилась.

И устроили они великий пир, закололи множество баранов, напекли хлебов, налили кувшины различными винами. Но не вельмож и приближенных земного царя пригласил к себе Филарет, а иных вельмож собрал он со всей страны: нищих и убогих, нагих, слепых, калечных — и им, истинным вельможам Единого Царя и приближенным Единого Владыки, предложил возлечь за пиршественный стол, и угощал их всеми яствами, и наливал им все вина и всячески ухаживал за ними так, что отошли они от него очень сытые и довольные.

Тогда поняла Феозва, о каком царе мыслил все время Филарет.

Сам же он переселился в монастырь и вскоре скончался. И было около гроба его много чудес. Бесноватый один, много лет пользовавшийся милостию покойного, был силою Господней освобожден от беса, и громко прославлял своего благодетеля Филарета, и многие слепцы прозрели.

И хоронили его все нищие и убогие, говоря, что вот оставил их отец сиротами. И сам царь и царица тоже шли за гробом его.

Спустя же некоторое время было одному мужу видение. Видел он огненную реку, текущую у его ног, и, подняв взор свой, заметил он, что по другую сторону реки высится лазурная гора, исполненная неизреченной красотой и приятностию. И на этой горе стоит престол, на престоле же восседает Филарет, и окружен он множеством нищих, убогих, имеющих лица, воскрыленные духом.

Увидев все это, протянул муж тот руки свои к Филарету и захотелось ему разделить с ним радость лазурной горы.

Тогда и Филарет его заметил и сказал:

— Иди ко мне.

Но муж тот убоился огненной реки и спросил:

— Как могу я пересечь этот огонь?

— Нету сюда иного пути, — отвечивал ему Филарет, — как только единственно путь через огонь попадающий. Итак, кто хочет достичь блаженства, должен не мирскими сокровищами и приятностями занимать дух свой, а весь отдаться трудному и огненному деланию. И после этого муж тот очнулся и поведал другим, в каком блаженстве на горе той лазурной пребывает милостивый Филарет.

1/14 декабря празднование св. Филарета.

Жорж БЕРНАНОС

К 50-летию со дня кончины (1888 - 1949)

14 ПИСЕМ К АМОРОЗО ЛИМА

(Перевод, вступительная заметка и примечания
Никиты Струве)

Пророческий голос

В этом году отмечается 50-летие со дня смерти крупнейшего французского писателя-католика Жоржа Бернаноса. Хотя основные его произведения: Под солнцем Сатаны (1928), Дневник сельского священника (1936), Беседа Кармелиток (1948) и др. теперь уже переведены на русский язык, Бернанос еще в России по-настоящему не прочитан. Его яркая публицистика и вовсе неизвестна. Исследователь греховных бездн в человеке, от которых спасти может только благодать Божья, Бернанос, наделенный острым религиозным чувством, подвергал жесткому обличению клерикализм и консерватизм католической Церкви в лице ее сановников и столичного духовенства, фарисейство и непроницаемость евангельскому духу католической буржуазии... Тяжело пережил Бернанос слишком осторожное отношение Ватикана к гитлеризму, и еще тяжелее поражение Франции в 1940 году. Находясь с 1938 года в Бразилии, где он основал сельскохозяйственное предприятие в надежде денежно не зависеть от литературных трудов, Бернанос немедленно стал на сторону Де Голля и включился в пропаганду идеи сопротивления.

Публикуемые ниже письма принадлежат к самым значительным в его эпистолярном наследии. Обращен-

ные к бразильскому профессору философии и писателю Аморозо Лима, они, несмотря на особые обстоятельства тех лет, ставят вопросы, которые не потеряли своей остроты и в наши дни и имеют общехристианское значение: противопоставление Живого Бога, явленного в Евангелии, всем закостенелым формам или выражениям христианства. В них — успокоенность в слепом подчинении авторитету и в аккуратном исполнении правил, а прямая, свободная ответственность каждого члена Церкви непосредственно перед Богом дерзновение и риск.

Бернаносу было дано подлинное общение с Богом. В мистическом предчувствии своей кончины, незадолго до роковой болезни, Бернанос писал, в виде небольшого драматического произведения, одно из самых возвышенных мировых произведений о таинстве смерти (Беседа кармелиток).

1.

Понедельник, 26.9.38

Милостивый государь,

Мне надо Вам написать то, что по всей вероятности я не сумел бы Вам сказать с глазу на глаз. Мне надо это Вам написать, потому, я верю, мы станем друзьями, в том смысле, в каком я понимаю это слово «дружба», а она — одно из наших земных призваний.

Прежде чем с Вами познакомиться, я вас сильно остерегался, так как друзья Жака (Маритена)¹ далеко не всегда мои друзья. Наша первая встреча не рассеяла моего недоверия. Когда же намеряны Вы мне рассказывали о погибшем вашем друге,² сначала я Вас слушал молча, а когда поднял глаза, то мне показалось, что я Вас увидел в первый раз.

¹ Известный философ-томист, своим рациональным подходом к вере чуждый Бернаносу.

² Речь идет о Дж. Фигерейдо, которого называли иногда «бразилианским Леоном Блуа». Аморозо Лима рассказал Бернаносу о его трагической смерти: он утонул 36 лет на глазах у сына.

Я знаю, что Вы намного лучше меня. Говорю это не из скромности, упаси Боже, но чтобы между нами не возникло недоразумения. Я не был бы тем, что есть, если бы не знал цены и источника светящейся тихости. Я ничего не могу Вам принести, чего бы Вы уже не имели; мне сдается, когда мы рядом, что я представитель или, если угодно, посредник не тех, в ком Вы нуждаетесь, но тех, кто нуждается в Вас. Все это прояснится со временем, или независимо от него, или вовсе не прояснится, не все ли равно? Уж очень самонадеянно в этом мире полагать, что можно идти к Господу Богу иначе, как ощущую.

Ваш друг,

Ж. Бернанос

Я хотел бы, чтобы это письмо осталось между нами.

2.

Среда (конец 1938)

Дорогой друг,

Я принимаю Ваше доверие, как все то ценное, что мне было дано, — с несколько болезненным удивлением и со смутным чувством, что не я законный получатель, что тут ошибка в адресе. Достоин ли я этого доверия, я не знаю, и смиряюсь с этим незнанием, так как я уже давно отказался от познания самого себя, по крайней мере в том смысле, в каком это понимают Мудрецы века сего. Не достаточно ли того, что другие находят во мне то, что Господь Бог вдохновил их во мне искать, то, что Он сам вкладывает в нас, хотя бы на одно мгновение. Можно ли желать производить инвентарь в кладовой, от которой ключей мы не имеем, и в которую Провидение кладет все, что ему угодно.

Я Вам как-то говорил о той тихости, которую Вы излучаете. Она без всякой пресности, смею Вас в этом

уверить. Мне кажется, Вы должны ее принять такой, какая она есть, — как благодать, как дар. «Я являюсь не тем, я являюсь не сем...» Стоит ли знать, чем Вы не являетесь? Повторяю, только те во всем мире, кто в нас нуждается, могли бы сказать, что мы есмы, ибо они знают, чего им не хватает и что они находят в нас. Зачем о себе говорить, когда можно себя давать? И мы так часто себя даем, сами того не зная! Когда я вас видел в субботу с Вашей маленькой племянницей, я не думал ни об академике, ни о председателе дел милосердия, еще меньше о ректоре или о промышленнике — словом, о тех противоречиях, которые Вас мучают. Вы были живым передо мной, и я Вами укреплялся.

Ваш друг,

Ж. Бернанос

3.

Дорогой друг,

Я все откладывал Вам писать, и укоряю себя, что Вас забросил. Что поделаешь? Я слишком Вас уважаю, чтобы говорить с Вами о чем попало, а то, что я хотел бы Вам сказать, так глубоко меня затрагивает, что я себя чувствую все менее и менее способным это выразить. Может быть, с моей стороны это крайне наивная иллюзия претендовать на объяснение или комментарий собственных книг? Я и мои книги — одно, а о себе никогда не говоришь с пользой. Говорить о себе — почти всегда ловушка дьявола.

Мне кажется, Вы ошибаетесь, когда думаете, что я способен требовать или даже только желать от других того, что Вы называете моей бунтарской резкостью. Если я впадаю в резкость, то скорее, чтобы избавить других от нее. Но обратно, я считаю, что они должны проявлять ко мне братскую сострадательность. Когда высказываешь не только то, что думаешь, но все, что думаешь, то познаешь очень горькое чувство внутреннего одиночества.

Те, кто умеет уберечь часть той истины, которой обладают, могут затем в тайне ею питаться. Другие же, все отдавшие, чувствуют себя опустошенными.

Разумеется, я знаю чрезвычайную жесткость очень многих христиан. Я уже давно покончил с этими гробами. От них, конечно, я ничего не жду.

Я был очень тронут всем, что Вы для меня сделали за последнее время. Не придавайте слишком большого значения моим маленьким огорчениям в Васурсе. Тут решительно нет ничего трагического. То, чем я обязан дружбе, мне всегда кажется достаточным богатством, к тому же лично мне комфорт совершенно не нужен. Увы, мне представляется невозможным найти здесь полезные занятия моему сыну и моему племяннику. Но какой уютный дом и какой очаровательный городок!

Дружественно Ваш,

Ж. Бернанос

4.

(Пирапора, начало января 1940)

Милостивый государь,

Вот уже сколько месяцев я все откладывал Вам писать, и чувствую себя виноватым в этом перед Вами, этот долг меня тяготит. Мы не так часто с Вами беседовали, но довлеет одного искреннего разговора на глубине, чтобы я чувствовал себя достаточно затронутым, и уже не относился бы к Вам, как к очередной встрече, которая по прихоти может завязаться или развязаться.

Желаю, во-первых, Вам, по нашему обычаю, счастливого нового года.

Я много думал о Вас последнее время. Я не хотел бы быть в чем-либо виноватым перед Вами. Я себя проэкзаменовал на этот счет как можно суровее. Я действительно не забыл ни собственное старое письмо, ни Ваш ответ, который меня сильно тронул, когда я его полу-

чил, но все же он меня оставил в сомнении, есть ли нам чем делиться. Эти вещи имеют для меня огромное значение, так как я не хотел бы строить свою жизнь, следуя условностям, пусть респектабельным. То, что другие ждут от нас, это то, что Бог от нас ожидает. Я знаю, что мне никогда не удастся сообразовать полностью свою жизнь с этим царским правилом. Но я действительно думаю, что только это существенно, все остальное лишь благочестие и слова.

Я хотел бы, чтобы у Вас не оставалось слишком плохого впечатления о нашем кратком общении, всегда несколько грозном... Может быть этого не было видно, но я сделал большое усилие, чтобы стать действительно Вашим другом. Естественно, Вы об этом никогда не знали. Память о Вашем погибшем друге была между нами. Я ее больше не чувствую. И тем не менее это существо, которого я не знал, мне остается непонятным образом дорого и близко. Расставаясь с Вами, мне кажется, я от него не отдалился.

Мне предстоит сожалеть об этой неудаче: я не сумел с Вами сойтись. Вы у себя, в вашей стране, замечательно окружены. Я был одинок, точнее на краю одиночества, я полагал себя одиноким, хотя знал, что, по существу, я на этом не задержусь, что я пойду вперед, иначе для чего было пересекать океан? Но Вы, Вы этого не знали. Это многое объясняет, и позволило нам избежать болезненных недоразумений.

Мы с Вами непримиримы, дорогой Друг, как могут быть непримиримы два христианина, то есть, мы можем умириться только в Боге. Так было с самой нашей ранней молодости, я это чувствую. Как Мориак, как многие другие, Вы принадлежите к тем тревожным душам, утонченным тревогой, которые нашли гавань в некоторой, несколько, боюсь, интеллектуальной, форме послушания и дисциплины, при сознании, что они по природе им не свойственны. Я же никогда не был тревожной душой, и вопреки тому, что думают какие-то несчастные священники, я чувствую себя, со всей своей грубой природой, грубо приспособленным к послушанию и ди-

сциплине, они мне не приносят нисколько ни упоения (или успокоения) преодоленной трудности, добровольно принятого унижения. Я чувствую себя в Церкви как у себя дома, я не боюсь потерять в одно мгновение плод того усилия, которое я сделал, чтобы в нее войти, поскольку я в ней родился. От этого я может быть несправедлив по отношению к людям, чувствующим себя менее грубо уверенными, чем я, и которые вотще стараются мне доказать, что дом прекрасен, попы замечательны, женские монастыри исполнены благоволения и любви, святоши полны рыцарского духа, что избрание Его Святейшества папы Пия XII огорчило Муссолини, а кардиналы, верные политике Пия XI, не были объегорены (итальянское слово я запомнил). Мне достаточно знать, если это так по всей видимости и по человеческой логике, что такова воля Божья, Он знает, что делает, Он не предлагает нам выколоть себе глаза, чтобы не видеть, как не предлагает нам себя оскопить, чтобы не нарушать шестой заповеди.

Быть может все это уже не стоит Вам писать, все это, для Вас, как и для меня, прошлое. Вам, конечно, скажут, что я держусь своего мнения из гордыни. Разве есть гордость в том, чтобы видеть то, что очевидно? Ведь очевидно, например, что Католическое Дело¹ было крупным папским замыслом, с огромной перспективой. Не менее очевидно, что это вселенское сотрудничество мирян и священства, порождающее новый дух, показалось бы возмутительным и революционным недалеким добрым попам 1880 года. Сегодняшние не смеют бороться с ним открыто, но они его не осуществляют. Рано или поздно, они превратят Католическое Дело в Дело Клерикальное, в федерацию старых «приходских» или епархиальных обществ, в самом традиционно-клерикальном духе. Новое только в том, что они приподымают присущую этим обществам посредственность, — благодаря прести-

¹ Action Catholique. Движение, созданное в 1904 г. с целью «привлечь мирян соединением всех живых сил поставить снова Иисуса Христа в центре семейной, школьной и общественной жизни».

жу таких интеллектуалов, как Вы, которые говорят или пишут, чем Католическое Дело должно быть, — в то время как оно безнаказанно продолжает быть тем, что оно есть, под наблюдением хитрых политиканствующих священников. Мы ожидали от него возрождения Христианства, всемирного христианского мнения, ставшего достаточно мощным, чтобы дать возможность Папству порвать с жалкими сговорами, которые их авторы даже не защищают, оправдывая их только необходимостью; все эти комбинации и выверты делаются с каждым днем более опасными, так как пресса и радио резко выволакивают их из тьмы на яркое солнце, для чего они, разумеется, не были предназначены. С этой точки зрения Клерикальное Дело стало действительно необходимым. Надо сформировать огромную католическую массу, способную обеспечить своей инерцией, т.е. слепой покорностью, авторитеты, которые со временем могут подточить ошибки и промахи: их твердо решили все еще делать, не столько из хитрости, между прочим, сколько из лени менять что-либо. В области экзегезы эта клерикальная леность дала нам кризис модернизма, скоро мы увидим, что это даст в области политики. Для Католического Дела, как, впрочем, для всякого католика, остается, как кажется, только одна законная деятельность — без всякого риска впасть в эксцесс: это апология церковных властей, их методов, безумное превознесение их малейших успехов, сокрытие их неудач даже ценой постыдной лжи. Это Дело так высоко о себе мнит, что оно оправдывает самые фантастичные трактовки самой доктрины, настолько, что директор журнала *Эспри*, Эммануэль Мунье, к примеру, недавно писал: *Мы изменили бы нашей функции христиан, если бы стали отождествлять ватиканскую дипломатию с служением Веры, и если бы из несчастной покорности, являющейся трусливой пассивностью в гораздо большей мере, чем глубоким чувством Церкви, мы считали себя обязанными без разбора подписываться под актами всех нунциатур и всех ватиканских бюро. Я знаю, что эта полная пассивность отвечает тому понятию, которое некоторые имеют о роли мирян в Церкви. Но я не*

мене знаю, что оно противоречит основному учению и глубинной жизни католической Церкви.

Когда давно я высказал свое мнение о Латеранском соглашении,² мое недоверие к нему возвели в погрешность против веры, или близко к этому. М.Ф. Кошен (а семья Кошенов не может прослыть за антиклерикальную) недавно сообщил, со всем авторитетом, присущим личному другу покойного Папы, что «в последних беседах Пия XI с миланскими близкими друзьями» Папа признавал, тем самым являя редкий пример христианской скромности, что «отдает себе отчет в «иллюзиях и разочарованиях» первых лет своего первосвятительского служения»... Угодливая лесть губит царей, разве не может она погубить первосвятителей?

Вы мне ответите, что эта наивная вера дает мир простым душам, но доколе? По какому праву Вы позволяете им уверяться в том, что Церковь движется только чудесами, что она никогда не топчется на месте, никогда не катится назад? Для того ли, чтобы однажды, если по несчастью Ватикан откроется какому-нибудь дурню или негодяю, эти люди потеряли веру, считая себя обманутыми Господом Богом? В послушании, говорите Вы им, нет риска. В этом есть ложь через умолчание. Следовало бы сказать: «Повиноваться в вопросах свободных, за неимением возможности составить себе мнение, риска нет». Эта формула *нет риска*, к тому же, возмутительно противоевангельская.

Нет, нет, дорогой друг, не бывает благочестивой лжи! Когда клир, вероятно из лучших намерений, ибо клерикальный дух не изменился, напичкал вставками наши священные писания с целью приспособить их любой ценой к их апологетической системе, он не подозревал, что открытие этих вставок, через пятнадцать веков, приведет Церковь на край пропасти и погубит миллионы душ.

Я не стараюсь Вас убедить, милостивый государь, я говорю с Вами так откровенно лишь затем, чтобы удо-

² Установило конкордат между Ватиканом и итальянским правительством в начале 30-х годов.

влетворить далеких друзей: они не хотят верить, что мне здесь нечего делать, кроме как облегчить свою совесть раз и навсегда. Вы имеете право мне возразить, что, раз я не принадлежу к Католическому Делу, меня все это не касается. В свою очередь я возражу, опять-таки раз и навсегда, что вы предаете, кто из хитрости, кто из трусости, идею, очевидным образом вдохновенную Святым Духом, что вы все очень дорого заплатите за это предательство по отношению к Святому Духу. Это вероятно рассмешит Вашего духовного отца! Но Вы, Тристан де Атаиаде,³ вы же знаете, что Последний Суд не будет похож ни на один из ваших конгрессов, что на нем простецы получают слово. Богу известно, да, действительно, Богу известно, что я не считаю себя достойным произносить там обвинительные речи. Но если меня призовут свидетельствовать, я буду свидетельствовать по совести и по тому ощущению скандала, которое мне было дано.

Простите мне это длинное письмо. Забудьте его. Не заботьтесь слишком обо мне. Я нашел в Бразилии то, что искал. Сейчас я стараюсь в своем «дневнике» как можно достойнее говорить об одиночестве душ, исполненных доброй волей,⁴ и было бы своего рода иронией со стороны Господа Бога одарить меня в то же время друзьями и сочувствием. Католические круги мне дали то, что они могут дать тому, кто им не льстит, — ровно ничего. Им естественно нечего сказать писателю, который, после *Пог солнцем Сатаны*, как и после *Дневника сельского священника*, дважды пожертвовал материальными благами очень большого успеха тому, что он считал своим долгом, который дважды по своей воле потерял огромное количество читателей, которое, при некоторых уступках, могло бы принести славу и богатство. Отсюда я унесу с собой только грязные ругательства (о них, к тому же, я знаю понаслышке) малоизвестной газеты из Белло Горизонте, на которые, очевидно, нечего было отвечать, раз Вы на них ничего не ответили.

³ Литературный псевдоним Аморозо Лима.

⁴ Изданный под названием «Униженные дети» (*Les enfants humilés*).

Отсылаю Вас к благодати Божьей, дорогой друг. Или лучше, как я когда-то писал Шарлю Моррасу (примирившись с ним через Франко),⁵ к тихой милости Божьей!

Ваш друг,

Ж. Бернанос

5.

Пирапора, (2.2.40)

Мой дорогой Лима,

В моей жизни мало что бывает преднамеренного, за исключением греха, когда мне доводится его совершать. Я Вам написал вдруг, движением души. И в этом движении души не было ничего слишком лестного для моего самолюбия, в нем, увы, ничего не было от вдохновения. Я очень страдаю, страдаю от многих вещей, которые меня задевают у лучших людей больше, чем их самые благородные способности. Я их чувствую физически, они меня разрывают. Мне трудно их принять. Я стараюсь их забыть, я думаю, что это желание во что бы то ни стало их избежать не раз привело меня к краю пропасти, как выражаются Ваши благочестивцы из Католического Дела. Но в конце концов я изнемогаю, я кричу. Что какие-то люди укрепились тем, что было всего лишь криком боли и бессилия, который уже нельзя было сдерживать, вроде крика старого осла, которого бьют, в этом я вижу тихое чудо тихой божественной иронии. Эта мысль в свою очередь подбадривает меня, так как она позволяет мне глубоко почувствовать, что Господь Бог нам ничего не должен, я хочу сказать, что я это чувствую, что я имею почти физическое ощущение, что я чужой

⁵ Бернанос начал свою публицистическую деятельность под эгидой правого националиста Ш. Морраса, затем от него отошел. Став на сторону Франко, с ним примирился. (Однако Бернанос очень тяжело пережил репрессии, которые последовали за победой Франко, особенно что их оправдывала католическая Церковь).

тому, что я даю. «Я позволил, чтобы вы страдали от этих вещей, мог бы мне сказать Господь Бог, именно потому, что я знал, что вы не способны страдать от них не жалуясь, и я сделал из вашей жалобы то, что мне было угодно. Я все же не стану вас вознаграждать за то, что вы жаловались.» Эта мысль мне тоже тихо приятна: я настолько безоружен в его руках, что Он не может не рассмеяться. (Надеюсь, это слово Вас не шокирует. Наш Божественный судья тоже один из нас, один из наших.)

Я невольно Вам говорю все эти вещи. Они, разумеется, истинны не только по отношению ко мне. Я верю в действительность дел в той мере, в какой Церковь приказывает мне верить, ни больше ни меньше. Гадостное духовное торгашество иезуитов — что дашь, то и получишь — внушает мне непреодолимое отвращение. Оно источник всех тех бед, от которых начинает страдать христианство, и они вряд ли меньше или хуже, чем те, которым вот уже четыре века добрые отцы хотят пособить.

Да, я невольно говорю Вам все эти вещи, как раз тогда, когда, по-вашему, я выхожу из моей роли. Моей воли почти не было в том письме, которое я Вам написал, я чувствую, что ее будет много в этом письме и в последующих. Если бы я Вам ответил сегодня уклончиво, Вы были бы вполне убеждены, что я очень уверенный в себе человек, тип вроде Блуа,¹ или даже хам. Но в один прекрасный день, так или иначе, крик мой дошел бы до Вашего сердца и мысли, хотя бы Вы уже давно забыли его автора и отреклись от него. Это Бог воспользовался бы мной, и ни Вы, ни я об этом не узнали бы. Ну, что ж!

Я не чувствую себя способным оставить то письмо, что Вы мне написали, без настоящего ответа. Я чувствую себя подлым по отношению к тому мнению, которое Вы составите себе обо мне, подлым по отношению к Вашему ожиданию и доверию. Но раз уж я прихожу к Вам с пустыми руками, возможно, что Он вложит в них то, что

¹ Леон Блуа, выдающийся писатель-католик (1846-1917), страстный обличитель недуховности современного ему общества. В свое время был высоко оценен Н. Бердяевым и И. Эренбургом.

Вы желали бы в них найти. Возможно, что и я найду в Ваших то, чего не искал и чего Вы не вкладывали. О, если бы эта встреча слепых могла бы заставить улыбнуться и нашего доброго Бога!

Ваш друг,

Ж. Бернанос

Я присоединяюсь от всего сердца к Вашему горю, о котором Вы меня извещаете. Вы не можете не знать, что Вы пишете по-французски прекрасно...

6.

Пирапора, 1-го марта 1940

Дорогой мой Лима,

Если я не отвечаю на письма, то это по лени, а не по гениальности. Ах, уж очень у вас литературное обо мне представление! И о моем одиночестве тоже... Где это Вы взяли, к тому же, что одиночество отдаляет от людей и мешает их понимать? По-христиански, и даже по-человечески, я думал бы скорее обратное. В тишине и одиночестве обретаешь самого себя, обретаешь правду самого себя, а через эту правду и подходишь к правде других. Ежедневное общение с людьми, при наилучших намерениях, только показывает нам их слабости, мании, и смешные стороны, легкомыслие. Нас оно утверждает в отвратной манере интеллектуалов снисходительно покровительствовать, что многие священники-интриганы, кишащие в обществах милосердия, бессовестно прикидываясь, выдают за любовь. Оно учит нас не столько приносить пользу людям, сколько пользоваться ими. А кто намерен пользоваться людьми, пусть в целях самых нравственных, идет на огромный риск. Я не хочу сказать, что нужно отказываться от этого риска, только не следует идти на него опрометчиво, обманчиво полагая,

что Провидению предстоит исправлять наши оплошности, и что, в конце концов, мы заработаем себе награду, пусть за счет несчастных, на которых мы испробовали наши рецепты и которые послужили нам кроликами. Нельзя играть с людьми, за каждого из которых умер Христос. Нельзя безнаказанно играть людьми, как и Богом.

Правда, есть другое одиночество, чем то, о котором я говорю, тот вид одиночества, отъединенности, что идет от гордости и презрения. Искренне я не думаю, что это и есть мое одиночество, оно не позволило бы мне написать ни *Дневник сельского священника*, ни *Рагость*, как Вы думаете? Оставьте это предположение некоторым из Ваших бразилианских священников, пользующихся злачными приходами в столицах и предоставляющих сельскую бедноту иностранным миссионерам.

Нет, мой друг, Вы напрасно пишете, что Вам «нечего мне сказать, чего я уже не знал бы». Вам много есть, что сказать, — мне ли или кому-либо другому, более достойному услышать многое, что Вы сами себе никогда не говорили, но что из Вас порой излучается.

Ваше письмо, к тому же, меня не обманывает. Я прекрасно чувствую, что Вы заперлись, или что Вас заперли. Ничто мне более не чуждо, ничто мне так не противно, как нескромное любопытство к внутренней жизни. Поэтому не бойтесь покончить с этой перепиской, если Вам это кажется лучше. Но знайте, что она для меня не игра, не случай обогатить папку с наблюдениями. У меня нет папок. Не будем впадать в щекочущую болтовню. Если правда, что вы желаете оглупеть, то этого паскалевского вызова надо честно придерживаться. Ибо, в конце концов, Вы вождь, учитель, духовный руководитель. Не следует ввергать или задерживать в двусмысленной обеспеченности оглупения тех, кто от Вас зависит, если Вы сохраняете за собой возможность, при случае, по Вашей прихоти, из него выйти. Ибо, позвольте мне вам напомнить, оглупение для человека Вашего рода, Вашей культуры может быть таким же увлекательным переживанием, как для миллиардера черный хлеб бездомных. Не следует шутить с черным хлебом бездомных, которые с

удовольствием испробовали бы гусиной печенки и лучших бургундских вин.

В Вашем письме одно место меня огорчило, не за меня, а за Вас. Как мог я в шутовском тоне говорить о моем приближении к пропасти, если бы дело касалось ереси? Я хотел просто сказать, что иногда я соблазнялся желанием, оставив попов в любезной им посредственности, писать романы в мориаковском духе, которые приносили бы мне деньги, а затем начать гулять, как любой бывший ученик иезуитов... Меня поражает, что Вы так невинно погрешили таким дерзким суждением, в то время как Вы никогда не посмели бы считать меня способным не уплатить по счету моего портного. Возможно, Вы дали прочесть Ваше (или мое) письмо Вашим друзьям, сообщив им Вашу необоснованную гипотезу. В таком случае я обязан Вас дружески попросить их разувериться.

Все-таки довольно чудно, что, прочтя мои книги, Вы могли вообразить, что я способен спорить с богословами об учении Св. Отцов или о соборных решениях. Нет, мой бедный друг, злоупотребляют Вашим добровольным умственным самоограничением те, кто хочет Вас убедить, что если мне противно слушать, как осуждают мерзости русских в Финской войне, по тому же принципу, по которому оправдывали испанские репрессии, во имя все той же фарисейско-клерикальной традиции, наградившей нас инквизицией, то это следствие моей духовной гордыни.

Повиниться или оправдаться перед Богом Римский Первосвященник мог бы словами: «Господи, это шло на пользу моей политике, нашим политическим интересам, и нисколько не возмущало наших благочестивцев. Католическое общественное мнение поддерживало нас на этом пути».

Простите, что я это все говорю вам не без горечи... Я в эти дни борюсь с той грустью и с тем беспокойством, которые меня снедают. Сейчас разразилась такая Божья гроза, что ой-ой-ой. Сколько радости в мире, какое буйство радости, какая бешеная радость! Истинно, прыгают

горы, как козы! Мне кажется, я постепенно научился смиренно смотреть на эту радость. Она сделана не для меня, она меня не знает, но я ее знаю и люблю.

Как здорово, когда говоришь себе, что потерянное в этой бездне всемирной радости человеческое страдание продолжает говорить с Господом Богом своим тихим голосом — тихое человеческое Страдание, такое разумное, такое долготерпеливое, всегда внимательное к тому, чтобы доделать свое дело до конца, до простого пришествия славы, до первого Утра.

Ваш старый друг,

Ж. Бернанос

7.

Пирапора, 13 марта 40

Дорогой друг,

Я получил 13-го Ваше письмо от 6-го, и эта глупая задержка почты не позволила даже мне ответить Вам на Белло Хоризонте.

Что поделать! звук Вашего письма своей простотой меня глубоко тронул, так же взволновал, как некогда в уютном домике Петрополиса. И, как некогда, это волнение трудно объяснить или обосновать. Как если бы я проснулся после долгого разговора с Вами во сне, не запомнив ни одного слова из нашей воображаемой беседы.

Я всегда сожалел, что не ответил на Ваше первое письмо, и до сих пор не знаю, хорошо ли я сделал или плохо, что оставил его без ответа. Я никогда не хотел казаться Вам «симпатичным», как часто говорят у вас, но в чуждом мне смысле. Я всегда предпочитал рискнуть Вас лучше шокировать, уязвить, чем встретить Вас не там, где нам предназначил встречу Бог. Я прошел, или мне так казалось, через противоречивые чувства по отношению к Вам, но Вы никогда мне не были безразличны.

Одним словом, многое меня в Бразилии разочаровало. Но теперь я знаю, что единственное настоящее разочарование могло бы мне придти только от Вас. Не сердитесь на условное наклонение. Подумайте лучше о том, что Вас хранит, конечно — не от такого рода разочарований, не от того, что в них раздражающего, подумайте о Ваших занятиях, о Ваших связях, о том, что может Вас ежедневно отвлекать от самого себя, от этой страдающей части Вас самих. К примеру, разумеется, Вы любите Вашу страну. Но эта страна еще в детстве, ее ответственность еще детская, все ее ошибки можно еще исправить. В то время как моя страна в настоящее время поставила на карту свою жизнь и свою душу, свою жизнь и то, что в тысячу раз ценнее жизни, свое призвание, свое вечное спасение. Поймите, что избранный мною род существования дает мне против страдания только то оружие, которое я могу найти в себе, т.е. в той силе, в той храбрости, в той ясности, которые соблаговолил мне оставить Бог.

И я тоже, мой друг, поставил на карту мое призвание и мою жизнь. Вы скажете, что в отношении меня это слишком высокие слова, но настоящие высокие слова похожи на настоящих высоких господ, они всюду к месту. Наши призвания есть то, что они есть: они есть, вот и все, они нам были даны. Я не думаю, что мы могли бы быть от них легко освобождены, не легче, чем монах от своих обетов. О, эти слова заставили бы улыбнуться какого-нибудь бравого хитроумного иезуита, отполированного общением со светскими людьми, как старая трубка табаком. Для него, я полагаю, писатель — «талантливая личность» в области литературы, некто получавший первые призы за сочинения в школе, сказавший себе, что его «прекрасное перо» обеспечит ему «блестящую карьеру», доступ в хорошее общество, «благополучие», а позже, кто знает? по горячим молитвам христианской супруги, и место во Французской Академии. Я другого мнения. Я не сам себя сделал писателем, я стал им очень поздно и не очень охотно. Я полагаю также, что успех меня не опьянил, голова моя от него не

закружилась. Опьянить чем? Я всегда жил в своей стране, как живу теперь, Вы это видите, в Вашей: я не похож на человека, который старается пробиться. Словом, мне кажется, я исполнил свое призвание, оно не было для меня источником почестей и материальных благ, я относился к нему не как к любовнице, а как к почитаемой подруге, с которой Бог меня соединил. Мы должны спастись вместе, не неделанием, не через воздержание, но исполнив себя до конца, один через другого, Вы понимаете? Делать то, что не призван делать, будь это в душеспасительных целях (по крайней мере, если не отдал свою свободу духовным отцам, в рамках монашеской жизни), так же отвратительно и бесчеловечно, как жениться без любви, чтобы посредством еженедельной брачной гимнастики избежать соблазнов против шестой заповеди. Это гнусная фальсификация фарисеями-реалистами евангельского самоотречения. Прибавлю, если я сам себе разыгрывал бы комедию некоей простоты, я был бы лжецом, я делал бы вид, что не умею ни читать, ни писать, чтобы не быть судимым в том, что прочел и написал, я обманывал бы Бога. Надо, чтобы мое призвание, мой труд и моя жизнь составляли бы одно, чтобы я все это приподнял до Него. Благочестивые упражнения одни меня не спасут. О, верьте, я ими не пренебрегаю! Я каждодневно молюсь по четкам, как любая благочестивая баба, читаю мессу, за невозможностью на ней присутствовать, никогда не ложусь, не прочитав повечерия. Но не считаю этого достаточным. Я знаю, менее опасно было бы быть настоящим плотником, как любимый наш св. Иосиф. Но христианская жизнь, мой друг, всегда огромный риск, а не душеспасительный сговор. Вот во что я верю.

Я позволил себе написать Вам такое длинное письмо. Я думаю, Вы меня очень плохо знаете.

Благодарю Вас еще раз по-братски за Ваше сочувствие. Молитесь за меня.

Ж. Бернанос

Палацио Отель
Ул. Афонсо Пенна - Белло Хоризонте
(конец июня 1940)

Мой дорогой друг,

Мне не удалось Вас встретить в Рио, но я, вероятно, скоро там снова буду — *si D'ioz quizer*.

Ваше письмо пришло в Пирапора через несколько дней после моего отъезда в Белло Хоризонте. Мои дети переслали его сюда, где оно дождалось моего возвращения из Рио. Я нашел его в гостинице.

Благодарю Вас за Ваше сочувствие. Благодарю Вас, во-первых, и от всей души, что быстро откликнулись и так благородно. Надо крепко держаться, дорогой друг. Боюсь, это только начало наших разочарований. Богу будет угодно, чтобы все нас покинуло, чтобы мы находили опору только в Нем, т.е. в сознании Добра и Зла, справедливости и несправедливости, которое Он вложил в нас. Католики постепенно разучились пользоваться своею совестью, или пользуются ею только для того, чтобы боязливо разрешить, большей частью в своих же интересах, второстепенные проблемы частного поведения. Свобода, которую Церковь нам предоставляет, — положительное добро, положительное право: наш долг использовать ее для Его славы, а не зарывать ее, как талант, о котором говорится в Евангелии. Пусть в этом есть риск. Но слепое послушание, вне монашеского призвания, тоже не без риска. Риск во всем. Надо смиренно принять этот риск. Крепость души нам для этого и дана.

От всего сердца,

Ж. Бернанос

Гранде Отель, Барбасена, 21.8.40

Дорогой друг,

Я не знаю, говорил ли Вергилио Мелло Франко о моем проекте. Я думаю, Вы теперь с ним ознакомились.

Мне претит лично говорить по Би-Би-Си. Тяжело французу не мочь обращаться к своей стране иначе, как через иностранное посредство. Тем не менее, я на это соглашусь.

До того, я подумал, не передать ли по Би-Би-Си кое-что из той кампании, которую я веду в южноамериканской прессе. Я не строю себе иллюзий, увы, насчет значения тех услуг, которые я могу оказать, но для пропаганды было бы желательно, чтобы эта кампания была оценена выше ее реального значения. *Надо, чтобы наши верные грузы не чувствовали бы себя там одинокими.*

Разумеется, я не могу это осуществить сам. Я подумал о Вас. Сначала оповестили бы слушателей — я думаю прежде всего о французских католиках — о моей кампании в прессе, затем прибавили бы, что «известнейший католический писатель Тристан де Атаиаде ее тоже ценит». Далее шел бы Ваш краткий комментарий.

Я знаю, какую подлинность дало бы Ваше имя комментарию: ибо это было бы мнением свидетеля. Но, если Вы считаете невозможным, чтобы Ваше имя было упомянуто, можно было бы Вас обозначить так: известнейший католический бразильский писатель.

Я был бы счастлив таким сближением наших двух имен и нашей мысли, ибо наши мысли едины в этом предмете, как и во многих других.

Ваш друг,

Ж. Бернанос

P.S. Я вполне отдаю себе отчет в серьезности и в цене той услуги, о которой я Вас так непосредственно прошу. Во всяком случае, спасибо.

Ж.Б.

10.

Бабасена, 19 октября 1940.

Дорогой, драгоценный друг,

Я буду в Рио в понедельник и вторник. В среду, быть может. Пишу Вам об этом сегодня же в надежде, что Вы мне назначите свидание. Мне мало есть, что Вам сказать. Боже мой, если я хотел бы говорить о себе и о своих заботах, до чего мрачна была бы беседа! Но мне будет приятно пожать Вам руку. Я очень нуждаюсь сейчас в дружбе, и если я позволяю себе это сказать, то это значит, что я действительно в ней нуждаюсь!

Все рушится, все капитулирует. Но один, по крайней мере, и в этом мы уверены, устоит Господь Бог.

Ваш несчастный друг,

Ж. Бернанос

11.

Круз дас Алмас, 13.12.40

Мой драгоценный друг,

Я всегда ужасно смущен, когда мне надо благодарить за такие статьи, как Ваши, — правда, это мне редко выпадает... Я благодарю Вас не за то, что Вы сделали, но за то, что Вы сделали это с таким благородством. Благодарю, что Вы удостоили честию то, что я люблю. Для меня большая радость видеть Вас таким, каким я Вас увидел с первого же взгляда — а он единственный стоящий — в Петрополисе, у Вашей сестры, вот уже тому два года. О, друг мой, мы защищаем одно дело, мы идем навстречу одним испытаниям, и будем ли мы искать одиночества или нет, оно все равно к нам придет... Я не знаю, осталось ли у Вас то же впечатление, что у меня, от последней речи Гитлера? я вдруг подумал, что диавол

отказался слишком стараться для сволочи, что он постепенно стал находить нужные слова, те, что могут запасть глубоко в душу, в разочарованные души, возмущенные нашей жуткой посредственностью. Он осуждает то, что мы не посмели осудить, он говорит за нас, он крадет наши слова из наших же уст, он пытается нас обесчестить, делая вид, что верит, что мы солидарны с тем беспорядком, который он сам создал. При такой степени путаницы нам остается ему противопоставить только детскую веру, долготерпение бедняка, все, чего нам так не хватает, но что Господь Бог нам даст.

Ваш старый друг,

Ж. Бернанос

12.

25 декабря 1940

(Мое письмо уйдет только сегодня, у нас больше нет связи между Барбасеной и Рио из-за дождей).

Мой драгоценный друг, с Рождеством Христовым! Веселого Вам праздника для Вас и всех Ваших, особенно, после Вас, для Вашей прелестной дочки (а я называю ее прелестной по свидетельству лиц, которым я верю, а не из учтивости). Вопреки прямому смыслу посвященного ей небольшого отрывка, пусть она не ждет смерти старого писателя, чтобы за него молиться... Он сейчас в этом особенно нуждается.

Я думаю о Рождестве униженной Франции, у ее пустого и холодного очага... Она могла бы вчера вечером поставить около него для младенца Христа два миллиона сапог убитых на прошлой войне.

Я надеюсь Вас скоро увидеть. Простите мне столь короткое письмо. Сегодня вечером я тяжел как вол, глуп как осел, но все же стою под дождем у дверей этих чудесных яслей.

Обнимаю Вас,

Ж. Бернанос

Круз дас Алмас, 16.6.42

Дорогой друг,

Ваше последнее письмо меня тронуло, как трогают всегда меня Ваши письма. Мне иногда сдается, что мы предназначены когда-то соединиться в глубокой и братской дружбе, но в последний момент это всегда срывается. Совершенно верно, что я Вас никогда не встречаю в те моменты, когда мне хочется или даже нужно Вас видеть. Например тогда, когда я чувствую себя способным Вам дать понять — разумеется, при помощи большого количества жестов... — в пять минут, что я ничего не имею общего с Мориаком, что «вопрос Мориака» меня отделяет от многих гораздо более, чем сам «вопрос Жида». Пускай! Я стараюсь утешиться тем, что говорю себе, что если мы не становимся близкими, то это, вероятно, потому, что мы взаимно были бы друг другу более вредны, чем полезны, что мы, каждый по-своему, правы и не правы в вещах второстепенных, в которых расходимся, и что Господь Бог знает, что делает.

Я почти все одобряю в Вашей книжке, но я настолько мало философ, что я должен переводить ее на свой язык, что вероятно искажает в некоторой мере Вашу мысль.

Я вчера написал в *Нотисиа* письмо, которое главный редактор вероятно напечатает, оно Вам докажет, что я твердо намерен уточнить мое скромное отношение к проявлениям типа бразилианских интеллектуалов. Их документ полон ошибочных ясных мыслей и верных идей, но столь бесформенных и грубо точеных наподобие идолов Ботокудосов... Но позвольте мне сказать, что Ваше отношение к грубому оппортунизму клерикалов и к их разным последовательным и исподтишка противоречивым позициям лишает Вас всякого морального веса в глазах очень многих людей доброй воли. Нельзя осуждать в других те двусмысленности, что терпишь у своих.

Я очень тронут и польщен симпатией Его Преосвященства.

Ваш старый друг,

Ж. Бернанос

Если бы Вы могли приехать и побыть со мной хотя бы два денька! Через две или три недели я смогу принять друга и даже нескольких, так как расширил свой дом. Вы должны были бы этим воспользоваться...

Круз дас Алмас, (декабрь 1942)

Что за паршивая бумага! Простите!

Мой дорогой друг,

Я с любовью думаю о Вас в эти последние дни года. Думайте также, перед Богом, о Вашем старом друге. Возможно, я виноват перед Вами, как и перед многими другими, но не обижайтесь на меня. Я говорю и пишу, как живу, то есть изо дня в день, с тем же отстранением от вчера, как и от сегодня. Не из добродетели, увы! Но потому, что я очень страдаю — от многих вещей, — а к сожалению я не способен переносить более чем одно страдание зараз.

Эти последние дни года приносят мне тем не менее новую надежду. Мне кажется, что сознания не будут вечно терпеть давление, и что их взрыв разрушит вмиг все, что Синагога и дух Синагоги пытались восстановить. Я вижу себя вернувшимся к годам юности, когда я подстерегал весну через грустное окно школы над закоптелыми стенами...

Ваш старый друг,

Ж. Бернанос

**К 75-летию основания Русского Студенческого
Христианского Движения**

**I СЪЕЗД РСХД ВО ФРАНЦИИ
(Аржерон, июль 1925 г.)**

Доклад о. Сергия Булгакова и прения по нему

Все вещи в мире можно и должно видеть на своем месте, где они предстоят нам в своем истинном значении и соотношениях; только тогда они прекрасны и красивы: безобразные развалины — когда они освещены заходящим солнцем или осеребрены луной — и кажутся прекрасными и являют собою не мираж, не иллюзию, но подлинную истину о заключающейся в них красоте. Каждая точка есть для всего мироздания, ибо Бог ни одну точку мира не уничтожил, но почтил каждую из них печатью вселенскости. И себя мы также должны увидеть в истине о себе, на своем месте — единственном, неповторимом и вечном: ибо каждому из нас Бог дал это место в мире. Поэтому, прочь малодушие и сомнения: что мы делаем ничтожное дело, что мы бессильны, что где-то другие люди живут по-настоящему. Эти мысли кощунственны и богохульны, ибо всем нам Бог дал жизнь, на всех нас Он возложил обязанности, перед каждым из нас открыл великие возможности. И ничем мы не меньше, кроме веры только, тех первохристианских общин, о которых мы знаем как о золотом веке Христианства. Перечтите эти интимные тексты Посланий: «Приветствуют вас церковь в Вавилоне и Марк, сын мой», «приветствуют вас Тимофей и Луций, Иасон и Сосипатр», «приветствуют вас все братья, и дети сестры твоей избранной», «приветствуют тебя друзья; приветствуй друзей поименно», «приветствуйте друг друга лобзанием святым»... Разве не имеем и мы также семьи о Господе? Разве не приветствуют нас наши братья? Разве не целуют нас домашние церкви наши — и Пражская, и Парижская? Ведь и в первые века Христианства это

были маленькие общинки, составленные из маленьких, а часто иногда ничтожных людей. Но их мы видим в истине — и потому они значительны для нас. И так же должны мы увидеть в истине и себя — для того, чтобы жить в ней, для того, чтобы сохранить себя, утвердить, укрепить и пребывать в истине и силе.

Перед нами ставят вопрос: что нам делать? Это старый вопрос русской интеллигенции. Его ставил еще Чернышевский, но самая постановка была у него неправильной; ибо она разумела при этом — что делать мне лично, чтобы спасти мир? Другими словами — я считался уже спасенным, мир спасают спасенные, которые только ищут для этого внешних средств. А средствами этими представлялись политические партии, из которых каждая предлагала свои лекарства для спасения больного... И если мы здесь сейчас снова повторяем вопрос: «что делать», то смысл его должен быть совершенно иным. Но вопрос этот причиняет боль. Ибо ответить на него конкретно: что делать в Страсбурге, Монтаржи, Марселе — я не могу. Не могу, потому что не знаю, но и не хочу знать, что делать всем, ибо каждый должен сам творчески найти свой путь, творчески создать и понести свою задачу. Это и есть подвижничество, которое так отличается от того внешнего героизма, который проповедовался русским интеллигентским сознанием.* Ибо поле наше — наше внутреннее я; работа наша — в создании самих себя, а через себя и других и весь мир. Ждать в выполнении этой задачи какого-либо окончательного успеха — немислимо; на этом пути нет конечных достижений; а в отношении окончательного оцерковления себя и жизни — мы можем переживать только радостную безнадежность: радостную, потому что путь вперед открывается здесь только тем, кто не стоит на месте, но постоянно стремится дальше... Странно и даже совестно говорить об этой задаче, которая одинаково стоит перед каждым из нас: созидания самого себя. У каждого из нас

* См. об этом статью о. С. Булгакова «Героизм и подвижничество» в сборнике *Вехи*, перепечатанную в «Двух градах» (Москва, изд. Путь, 1912).

для этого имеется целый мир — его собственная душа, которая отдана ему в его бесконтрольную свободу и которая для Бога дороже целой вселенной. Тот, перед кем открываются религиозные глубины бытия, хорошо знает, что тут нас встречают целые миры, через которые необходимо пройти. Но слова: «работать над собой» звучат прописно. И однако это единственный ответ, который можно дать на вопрос: «что делать». На этом пути нет и не может быть неодолимых препятствий; жить в Боге, нудить Царствие Божие может всякий и во всех условиях — и у станков, и в каменоломнях. Древние историки Плиний и Страбон рассказывают нам о тех ужасных условиях, в которых работали христиане-рабы первых веков. Они жили хуже, чем вы — в Монтаржи, в Страсбурге, в Ницце, и однако жили радостно, ибо каждый из них сознавал: «я не один, но Отец со мною». Поэтому мы должны напомнить себе эту пропись и осуществлять ее. В душе каждого из нас есть своя сокровенная келья, в которой он должен молиться и работать над собой. Каждый христианин в этом смысле инок, ибо, удаляясь в эту свою келью, он видит в ней жизнь иную, нежели мир. И это иночество объединяет нас в некий общий монастырь, членами которого являются наши домашние местные церкви: Парижская, Ниццкая, Страсбургская — и затем наша общая — во Франции и в Европе... Вы сами знаете, как трогательно, как значительно строительство этих местных церквей, даже в тех формах, в которых мы можем это делать. Наши более благополучные предки строили каменные храмы, наши богатеи вешали тысячепудовые колокола. И оборачиваясь назад — в сердце растет святая тревога: так мало, мизерно и бедно кажется все то, что делаем мы. Но это неверно: ибо даже стороннее объективное наблюдение открывает в нашей работе две стороны: ее внешнюю мизерность и ее внутреннюю значительность: о последней свидетельствует то, что, оборачиваясь к истории, мы находим себя, свой идеал и прототип не в старой русской церкви, не в миродержавном католичестве, а в первохристианстве и только в первохристианстве. Нам дано строить нашу домашнюю

церковь, и за этот великий дар и великую заботу — из сердца может рваться только благодарение, которое есть радость и молитва.

Поэтому нечего смущаться небольшими масштабами нашей работы. Срастание наших домашних братств уже рождает в нас мощь христианского мироощущения; но и до этого — надо помнить, что каждая точка мироздания есть центр вселенной; что все есть во всем. И что поэтому иноки, люди, уходящие в себя и инакие миру, в себе находят весь мир, ибо в их сердце звенит вся вселенная. Однако этот труд не отрицает и внешнего делания, не отрицает всей значительности работы национальной и государственной. И не потому, чтобы мы были духовно растрепанной Марфой, которая хочет все составить и соединить внешними «и», но потому, что в подлинном Христианстве вообще нет отъединения и отрыва от тех покровов, которые связывают нас на земле — и среди них первым долгом от нашей родины. Однако и сейчас многие продолжают бесплодное интеллигентское дело спасти Россию внешними мерами, забывая, что есть только один способ спасти ее — в себе и через себя. Но ведь наши домашние церкви еще до своего сращения здесь на земле — связаны в единую Церковь, русское Православие, которое в свою очередь есть часть Православия вселенского. Поэтому единственно правильная верность своей родине — это жизнь в церкви. Здесь возникает опасный и тонкий соблазн наших дней: соблазн подмены религии национализмом, затемняющим чистоту церковного сознания. Это — старая ошибка, высказанная уже давно в формуле: самодержавие, православие и народность. Ибо, как можно соединить небо с землей, как можно сравнивать и ставить на одну доску Православие и народность? — Православная вселенская Церковь не дана в монопольное пользование ни одному народу, даже русскому. Но это не значит, что следует тушить в себе тот живой родник любви к родине, который бьет в церковных людях. Надо только помнить, что Церковь больше и первее родины, и что сама родина дорога, близка и свята для нас — поскольку она

церковна. Трагедия эмиграции заключается в том, что она забывает Россию. А ложное и горделивое сознание эмигрантов, что они суть единственные носители света, призванные в будущем просветить и Россию, и что следовательно — там, за рубежом — страна неверных — глубоко фальшиво, нецерковно и неправославно. Это сознание надо аскетически преодолеть во имя той подлинной любви к родине, которая утверждает, что и здесь, на чужбине — мы в России, что Россия в нас, что Россия есть только скиния, в которой живет святая Православная Церковь, живет иногда под зраком раба, но иногда и победно.

Я вспоминаю одного из самых верных и прекрасных патриотов — покойного Павла Ивановича Новгородцева. Я работал с ним при его жизни и был у его смертного одра: и ни разу я не слышал от него ни одного слова, ни одной жалобы на то, что он умирает вне России; потому что он чувствовал себя в России, потому что он хотел жить в ней и с ней и духовно все ориентировался на Россию, конечно, не на Россию опричников и скomoroxов, но на Россию Св. Патриарха Тихона и всех зримых и незримых мучеников. Его образ да послужит нам примером истинной любви и подлинного служения Церкви и родине!

К внешнему деланию не должно быть равнодушия и небрежения, ибо Сам Господь устроил так, что дух наш живет воплощением в теле. И апостол Павел производил денежные сборы по Церквам. Конечно, можно спорить и рассуждать о том, как и чем производить эти сборы; но сборы самых Церквей в Церквах нужны — уже для того, чтобы и во внешнем делании мы оставались церковными и не овнешнивались до политических партий. Ибо необходимо настолько укрепить себя в духе, чтобы при появлении какого-либо манящего призрака у нас не закружилась голова и мы сумели бы сохранить свою христианскую настроенность. А это возможно только при всесторонней работе над собой, в которой противопоставлять реальное духовному нечестиво и неверно. Сейчас мы несем на себе ярмо «в рассеянии сущих»; но

в нашей духовной жизни это тоже имеет свой смысл и свое значение: лет двадцать тому назад, мы, вероятно, осматривали бы этот замок-музей, в котором каждый уголок несет на себе печать прекрасной культуры старой Франции, с восхищением, может быть с самооплеванием — и во всяком случае с чувством плененности и связанности этим материальным и духовным богатством. Ведь это все элементы, из которых слагалось наше западничество. Но противоположное ему настроение тоже не было бы преодолением проблемы; ибо мысль о том, что все, что чуждо нам, опасно, соблазнительно и враждебно, говорит о том же рабстве, только взятом с другой стороны. Но теперь мы его действительно преодолели; ибо мы посмотрели на всю эту красоту с добрым чувством и спокойно вернулись к своим очередным делам. Мы встретились с Европой на равной почве, ибо мы уже не смущаемся перед нею, чувствуя свое достоинство, — и это чувство приобретено нами за последние годы. Оба наши направления — западничество и славянофильство — рождались из ложного и недолжного пафоса расстояния между православной Россией и Европой. Но теперь мы знаем, что есть почва, на которой мы можем встретиться, как равные, — как разные ветви одного и того же христианского дерева. И здесь, за границей, мы обрели такую свободу и вместе с тем такие связи, которые нам трудно сейчас даже понять и оценить. Но то же самое происходит и в России. Ибо в нашем сознании сейчас звучат струны не только русского, но и общеевропейского христианского сердца. Правда, почва эта трудна, путь по ней полон препятствий, но мы не можем и не смеем забыть, что эта земля в течение целого тысячелетия жила и дышала общей церковью и что это единство как-то чувствуется и сознается нами теперь в нашей братской любви с христианами Запада. Православие же мы можем мыслить только как вселенское: и подвиг его обращен первым долгом на себя самого, затем на родину и, наконец, — на всех людей, среди которых мы живем, на весь мир. Здесь вскрывается внутренняя связь между тем убожеством, какое мы собою являем, и

тем величием, к которому мы грядем. Ибо высшая предельная цель наша есть задача вселенского оцерковления. Но это совсем не внешнее миссионерство, не навязывание своего вероисповедания другим; ибо нет другой воли к распространению Православия, кроме радостного приглашения духовно с нами жить, с нами молиться и дышать с нами одним воздухом. Православие привлекает к себе своей внутренней красотой, которая светится во всех, кто стремится быть ему причастным. Поэтому и нашим слабым силам могут быть вверены вселенские задачи. Но для этого необходимо не самопревознесение тех сил, которых у нас нет, но подлинное христианское подвижничество, находящее себе место в целой жизни труда и молитвы.

...

С.М. Зернова: Я бы хотела задать о Сергии еще один вопрос. Мы потеряли царский путь ровного, спокойного благочестия, которым жили наши предки. Теперь люди или совершенно засыпают, или пламенно горят. Но мы не хотим духовного умирания, и поэтому является вопрос: вправе ли мы, возможно ли сейчас искать не страдания только, но и мирной благочестивой жизни, радостной и спокойной работы?

О. Сергей: Нельзя ничего возразить против пути спокойной и благочестивой жизни, но мы ее вероятно не увидим: ибо такова историческая година. И поэтому не верно мечтать о ней; прежнего быта восстановить нельзя, а всякая такая попытка неизбежно превращается в эстетическую и бытовую стилизацию. Да и вообще быт легко может стать подушкой для духовной энергии... С религиозной точки зрения наша жизнь сейчас легка: ибо трагедия открыто предстоит нашему взору; антиномичность дана нам как единственно возможная форма изживания событий. И поэтому мы чувствуем себя оторванными от многого того, что раньше пленяло наш ум и волю: мы любимся сейчас всеми этими прекрасными вещами Людовика XIII и Людовика XIV, но мы уже не можем принять их в себя: любовь к ним мы уже пережили. Сердце наше раз навсегда пронзено

стрелой сладчайшего Иисуса — стрелой сладкой, но и мучительной. Поэтому не нужно смущаться жаждой мученичества: не следует любоваться и культивировать этого чувства, не следует даже говорить о нем, но нельзя и отвергать. Здесь мы встречаем то чувство жертвенности, которое всегда было живо в русской душе. И именно жертвенность дала неуываемую духовную красоту и белому движению, поскольку оно действительно было белым. Теперь же рамки этой жертвенности должны быть раздвинуты: воодушевление должно охватить и тех, кто идет не с мечом, но с крестом — идет *per pedes apostolorum* — в качестве белых крестоносцев, проповедующих Христову любовь.

М.А. Каллаш: В России сейчас так сильны апокалиптические чаяния, что всякая внешняя и активная церковная деятельность и в особенности борьба считаются ненужными и даже греховными. Все мысли направлены к тому, что Россия может спастись только милостью Божией и молитвами св. угодников. Поэтому там возможен только один путь — внутреннего церковного делания, молитвы и объединения во Христе. А здесь это считают обычной русской пассивностью и возмущаются ею, как никчемностью забытых людей. Тогда как на самом деле именно здесь нет той религиозной твердости, без которой не может прожить христианин в России. Как же отнестись к этому явлению, и в частности, как ответить на вопрос о близком одичании последних времен?

О. Сергей: На этот вопрос нельзя ответить от ума; ибо ответ на него поневоле явится религиозным судом. Однако я не уклонюсь от него и отвечу в той мере, в какой может ответить грешный человек. Ожидание скорого конца у первохристиан являет одновременно и силу их веры, и слабость их ведения. В этой вере они не были неправы, 1) потому что она была единственно возможным творческим ответом на задачу, возложенную на них Богом, и 2) потому, что христианин всегда должен ожидать конца. Однако прав был и Св. Константин, строя Царство и заботясь о внешнем благоденствии Церкви.

Здесь нет альтернативы: правы и те и другие; обе точки зрения и обе духовные установки вполне правильны и законны. Об уместности же той или другой отвечает опыт: когда мне пришлось жить в состоянии духовного анабиоза, то я принимал это, но не мог считать это полнотой. Ибо смерть, как непосредственная, так и растянутая, никогда не может быть принимаема за жизнь. Но если там подобная установка была правильной (установка не непротивления, но собирания всех духовных сил внутрь, при отрезанности от всяких внешних связей), то привезти и осуществлять ее здесь было бы ложью. Но кроме этой внутренней установки есть в Советской России и прямое рабство. И я вынес на себе это клеймо раба, которое несет на себе вся Россия, начиная с Патриарха, клеймо, им мученически на себя принятое и достойное всяческого благоговения, но не могущее быть нормой для нас — живущих здесь на свободе. Чувство «последних времен» может быть проявлением религиозно сгущенной жизни, но может быть и просто приспособлением к обстановке. До войны я тоже испытывал это эсхатологическое настроение, ибо мир тогда распадался на две твердыни — европейскую культуру и российскую государственность — жившие обе антихристианскими устремлениями. Но после войны, когда обе эти твердыни рухнули, а история продолжается и ставит нам новые задачи — я вижу, что если уж задаваться вопросом о конце мира, то правильнее говорить о «предпоследних временах». Вообще в чрезмерном эсхатологизме могут таиться элементы болезненного испуга, который может привести к фальшивому религиозному чувству. Чувство «последней трубы» есть вообще самое трудное задание, может быть более трудное, чем страх и ожидание личной смерти. И преклоняясь и духовно лобызая современную русскую апокалиптику, я все же стремлюсь лично быть свободным от нее.

А.В. Каргашев: От героизма надо отличать героичанье, стремление к которому ложно и нечестиво. Но мы живем сейчас в героическую эпоху и должны быть героями и вольно и невольно. Но на теле истории —

подобное положение — есть болезнь. А норма — это «блаженственное и мирное житие». И неверно называть его мещанством; оно таково только тогда, когда в нем засыпают. Но нормально мирное благочестие, благоденствие и мирное житие и есть то, к чему мы должны стремиться и чего должны желать.

О. Сергей: Трагедия нашего времени может быть и послана нам за грехи; но все же и потрясения относятся к религиозным судьбам, а не к патологии. Такие эпохи, как наша, не суть просто наказания; они имеют такое же право на существование, как и мирная жизнь имеет свое значение и смысл в общем плане исторических свершений. Но, конечно, времена трагедии не могут продолжаться вечно. И может быть нам суждено встретить улыбкой прощания новую эпоху, в которой наша трагедия найдет свое разрешение, и наши дети снова обретут мирную жизнь.

ДВА ПИСЬМА МАТЕРИ МАРИИ ОТЦУ СЕРГИЮ БУЛГАКОВУ

(Публикация Т. Емельяновой)

Мать Марию (1891-1945) и о. Сергия Булгакова (1871-1944) связывали в эмиграции большая дружба и деятельное сотрудничество: участие в съездах РСХД, в собраниях Религиозно-Философской академии, в «Православном Деле». «Руководитель, друг, отец...» — писала мать Мария в стихотворении, посвященном о. Сергию:

Когда вернусь, куда? Бог весть.
О, многолюдная трущоба.
Лишь здесь, где горечь, боль и злоба,
Мне надо знать — ты в мире есть...

Съезд Движения в Бюсси (1937)

Слева направо: о. Мефодий Кульман (впоследствии епископ),
Андрей Морозов (секретарь РСХД во Франции),
о. Виктор Юрьев, митр. Евлогий, мать Мария.

Отец Сергий часто служил в церкви на улице Лурмель, основанной м. Марией при общении для русских эмигрантов, для всякого одинокого, несчастного, «шатающегося», так и прозвал о. Сергий этот приют «Шаталова пустынь». Богословские прозрения о. Сергия нашли многообразный отклик в жизни и творениях м. Марии, в ее религиозно-философских статьях, в мистериях, в иконописи и шитье. К своему духовному отцу она неоднократно обращается в записных книжках. Вряд ли переписка между ними была очень обширна, поскольку они жили в одном городе и часто общались. В личном архиве о. Сергия, хранящемся в библиотеке Сергиевского подворья, сохранились лишь эти два письма.

1.

16.07.38 г.

Дорогой отец Сергий!

Мне хочется написать Вам о том, как дальше развивались наши дела с отцом Киприаном¹ и как все разрешилось. Вчера вечером Владыка окончательно подтвердил, что он остается у нас. Но решение это достигнуто после целого ряда колебаний и настоящих мук. Эти дни были буквально совершенно изнурительны. В четверг утром, он пришел ко мне сказать, что окончательно решил уходить. Причины все те же: абсолютная неприемлемость для него Православного дела,² — при одном упоминании о нем он вздрагивает, как от прикосновения к электрическому току, — полный личный разрыв с нами, нежелание заниматься ничем, кроме книжек, и еще, и еще без конца. Он, мол, знает, что это его пастырский грех, говорит с проекцией на страшный суд, на котором ответит за такое малодушное решение, он, уходя от нас, должен понимать, что это его смерть, как священника, но тем не менее, сил нет оставаться, терпения нет и т.д. Он знает, что у нас ему нет места, и в Подворье нет места, и на всем Божьем свете нет места. Все это, и еще многое другое, было сказано так, что я уже не могла сомневаться, что просто передо мной человек в припад-

ке острой неврастении. Мне было очень мучительно от какой-то беспомощной жалости. Не буду Вам передавать того, что я говорила. Руководствовалась я главным образом этим чувством жалости. Но все же, все время настаивала, что ни в чем не хочу его убеждать, ни на чем не хочу настаивать, что принимаю любое его решение, поскольку оно свободно. Единственно, что для меня неприемлемо, — это если Владыка прикажет ему оставаться у нас. На это он заявил, что Святитель должен крикнуть на нас и приказать, — тогда все будет просто. Как бы то ни было, мы решили опять-таки ни на чем не останавливаться, а ждать разговоров с Владыкой. В тот же вечер я отправилась на Дарю, два часа рассказывала Владыке все подробности этих дней, старалась быть как можно более объективной и ни на чем не настаивала. Вчера утром отец Киприан пришел ко мне спрашивать о разговоре с Владыкой. За это время у него был отец Михаил³ и просто нашумел за истерику. Отец Киприан уже как будто забыл о своем вчерашнем решении и был опять в полной неопределенности. Он начал мне ставить условия: никакой работы в Православном деле, отказ от преподавания в четверговой школе, право свободного выбора друзей и еще какая-то ерунда. Я даже не слушала особенно, а на все соглашалась. Сказала только, что мне и моим друзьям не хотелось бы по-прежнему быть отлученными от церкви, и что я считаю необходимым, если он останется, то хоть изредка иметь с ним серьезный разговор. Я ему сказала, наконец, что для меня вопрос ясен: если из всякой моей невнятицы, из самого факта, что я пробилась к нему через бойкот, недоброжелательство и злобу, из всех моих подспудных мотивов, — до него ничего не дошло, — то он должен уходить. Если же дошло хоть что-нибудь, пусть в самом непонятном виде, как отзвук какой-то, — то он должен оставаться, потому что говорила я о самом главном, а остальное только как некоторый гардероб человеческой души, который и не так уж важен. Во всяком случае, решение должно быть свободным, и я заранее принимаю любое решение. Трудно в письме передать и эти наши разго-

воры, и вообще атмосферу вчерашнего дня. В какой-то промежуток ко мне забежал еще отец Михаил, — он умолял считаться с тем, что отец Киприан находится в состоянии острого неврастенического припадка и ни на какие его слова нельзя обращать внимания. Вечером он отправился к Владыке. Я ждала его возвращения до одиннадцати. Наконец он пришел, совершенно замученный, прямо упал в кресло и сказал трагическим голосом, что очевидно он остается у нас, но это ему нестерпимо тяжело. Я пыталась его утешить в этом горе. Теперь мы оба мечтаем два месяца отдыхать друг от друга.

Легко мне или тяжело, — я сама не знаю. Знаю, что я с невероятным упорством и напряжением шла эти 20 дней и против собственной воли, и против воли отца Киприана. И совершенно убеждена, что так было нужно. Во всяком случае сейчас как-то дьявол посрамлен. Надолго ли? Думаю, что отец Михаил прав, — и помимо всего прочего мы имеем дело с разливанным морем неврастении.

Конечно, я понимаю, что, идя на все эти разговоры, я раз и навсегда отказалась от возможности сожалеть и раскаиваться в том, что получилось. Я и не сожалею. Но задумываться приходится: как налаживать эту нашу будущую совместную жизнь, учитывая и неврастению, и какую-то одержимость, и неприязнь ко мне, и трудности работы, и неизбежное непонимание всего происшедшего со стороны моих друзей и сотрудников? Думаю, что в личных наших отношениях по его возвращении буду устанавливать некий душевно-лазаретный режим. В смысле работы трогать не буду. А там, что Бог даст.⁴

Вот и вся наша повесть. Хочу надеяться, что дальше будет и легче, и лучше. Написала Вам, и немного от души отлегло.

Ваша монахиня Мария.

17.09.1939 г.

Дорогой отец Сергей,

с большим сомнением берусь я писать Вам это письмо: с одной стороны знаю, что все Ваши близкие не хотят Вас волновать,¹ с другой стороны ставлю себя на Ваше место, и знаю, что не простила бы никому, если бы от меня скрыли какую-нибудь беду, происходящую с моим другом. Кроме того, имею формальное поручение, которое должна Вам передать. Знаете ли Вы, что Василий Васильевич Зеньковский арестован?² Он сидит сейчас в тюрьме Санте, числится за военной властью, и до сих пор никому не удалось добиться свидания с ним, — даже отцу Михаилу, который вообще допускается к русским арестованным. Наверное все это недоразумение, которое выяснится, когда власти разберутся в его деле. Сейчас оно еще не дошло до прокурора, — так много арестованных, что поэтому происходят всякие путаницы и задержки. Во всяком случае, нам удалось установить, где он, и отец Михаил передал ему 200 франков. Кроме того я просила адвоката, бывшего депутата и Министра Лафона³ взяться за его дело. Тот написал Вас. Вас. письмо. Сегодня я получила от В.В. письмо, в котором он пишет, что ответил Лафону, просит денег, просит, чтобы мы ему исхлопотали разрешение на посещение священника со Святыми Дарами, и пишет несколько слов о себе. Он, видимо, очень подавлен. Письмо его производит очень тяжелое впечатление. Он просит, чтобы я написала Вам, так как он «испытывает крайнюю потребность в Ваших молитвах». При чтении письма я даже расплакалась, — до того он там одинок и подавлен. Считаю, что я не имею права не передать Вам его просьбы. В ответ на его письмо я немедленно написала Лафону, чтобы он хлопотал о переводе его в тюремную больницу и о разрешении отцу Михаилу причастить его. Пьянов⁴ послал ему деньги. Вообще, мы будем делать все, что в наших силах, во-первых, чтоб облегчить его пребывание в тюрь-

ме, во-вторых, чтобы добиться скорейшей его реабилитации и выхода на свободу.

Больше сейчас ни о чем писать не хочется.

Я буду рада, если мы сможем ему помочь.

Ваша монахиня Мария.

КОММЕНТАРИИ

Письмо 1.

¹ Керн Константин Эдуардович (1899-1960), активный участник кружка РСХД в Сербии, в 1927 г. принял монашество с именем Киприана, преподавал в семинарии г. Битоля, был начальником Русской миссии в Иерусалиме, затем с 1937 г. профессором по литургике и патристике в Св. Сергиевском Богословском Институте. Крупный ученый, автор многих богословских книг и статей.

В 1936 г. был назначен настоятелем в Лурмельский приход, охарактеризованный митроп. Евлогием как «необычный, особенный, и скажу, очень трудный» (см.: Вестник РХД, № 168, стр. 88). Мать Мария, настаивавшая на значении «внешрамной литургии», расходилась с другими монахинями, во главе с матерью Евдокией, искавшими более созерцательного образа жизни. Назначение о. Киприана эти трудности только усугубило:

Над потолком моим шаги уже три года,

Три года в доме веет немота.

Не может быть решенья и исхода,

Одно решенье — ветер, пустота.

В мае 1938 г. мать Евдокия и мать Бландина покинули общезжитие и основали общину в Муазене-ле-Гран (с 1947 г. переместившуюся в Бюсси-ан-От, где существует и поныне). О. Киприан оставался на Лурмель еще несколько месяцев, особенно мучительных для обеих сторон. К этому времени и относится письмо матери Марии.

² Обособившись от Русского Студенческого Христианского Движения, но отнюдь не порывая с ним, мать Мария создала свое объединение «Православное Дело» как «союз православного движения в миру». Среди основателей были Н.А. Бердяев, о. Сергей Булгаков, Г.П. Федотов, К.В. Мочульский, почетным председателем был избран митр. Евлогий.

³ Судя по всему, о. Михаил Чертков (1878-1945), бывший земский деятель, казначей «Православного Дела», тюремный и больничный священник.

⁴ В итоге о. Киприан оставил лурмельский приход. На его место 14 сентября 1939 г. был назначен «согласно прошению» священник Дмитрий Клепинин, с которым у м. Марии установились замечательные отношения взаимного уважения и понимания. Они прошли совместный крестный путь вплоть до мученической кончины в немецких концлагерях.

Письмо 2.

¹ Весной о. Сергей тяжело заболел: раком горла: «Сегодня глянула мне в лицо смерть»... так начинается дневниковая запись от 6 марта 1939 г.

² В начале войны, в сентябре 1939 г., В.В. Зеньковский, среди многих других эмигрантов, был без всякого повода арестован французскими властями. После сорока дней сидения в одиночке в парижской тюрьме Санте (откуда он написал письмо матери Марии), он был переведен в лагерь на юг Франции. После занятия Франции немцами освобожден. Во время заключения, продлившегося 14 месяцев, принял решение стать священником.

ПИСЬМО ПРОТ. С. БУЛГАКОВА С.Б. ПИЛЕНКО ¹

1/14.X.1939

Дорогая Софья Борисовна!

Сердечно благодарю Вас за приветствие ко дню преп. Сергия. Я его провел хорошо и благодатно, насколько мне вообще теперь дано в жизни. Главное мое утешение в том, что я мог сослужить в Божественной литургии с о. Евфимием. Мой ужасный хрип, который заменяет мне теперь голос и, конечно, терзает уши присутствующих (впрочем немногих), легче переносим в сослужении или с дьяконом, которого здесь нет. Впрочем, иногда я дерзаю служить и один, впрочем дверем затворенным. Думаю, что Вам будет утешительно узнать и о следующем. Вчера я служил в первый раз после болезни панихиду (конечно, уродливо, потому что петь я уж никак не могу). По инициативе м. Евдокии, которая обратилась с этим ко мне, панихида была отслужена по Гаяне в день ее именин. Были большинство здесь обитающих, и было как-то особенно хорошо, несмотря на дикое служение.

Сегодня Ваш праздник,² в котором и я некогда принимал участие. Имел письмо от Вашего теперешнего настоятеля о. Димитрия,³ моего бывшего ученика и духовного сына, которого я люблю. На это письмо напишу ответ в ближайшее время, передайте ему мой привет и Тамаре Ф.⁴ Ел. Ив.⁵ была здесь у меня на именинах.

Да благословит Вас Господь. С любовью Ваш прот. С. Б.

КОММЕНТАРИИ

¹ Письмо написано из скита в Муазене, где о. Сергей отдыхал после операции на горле. Возглавляла общину мать Евдокия (Мещерякова), настоятелем был о. Евфимий Вейдт, до монашества

инженер. Выстроил собственными руками небольшую церковь, которую по его приглашению расписал о. Григорий Круг.

- ² Церковь на улице Лурмель была посвящена Покрову.
- ³ Отец Димитрий Клепинин, как и мать Мария, погибший в немецком концлагере.
- ⁴ Тамара Федоровна (урожд. Баймакова), жена о. Димитрия.
- ⁵ Елена Ивановна, жена о. Сергия Булгакова.

Прот. Василий ЗЕНЬКОВСКИЙ

МОЕ УЧАСТИЕ В РСХД *

Всебалканский православный съезд.

На Пасху 1926 г. я поехал в Болгарию на всебалканский (православный по существу) съезд, идея и подготовка которого принадлежала всецело А.И. Никитину (как и все большие мысли в жизни Движения принадлежали ему). По дороге в Софию я остановился в Белграде и посетил митрополита Антония, который был официально приглашен принять участие в съезде, но за болезненностью не мог приехать, *хотя и очень хотел этого*.

Митрополит Антоний всегда был сторонником сближения русской Церкви с ближневосточными православными Церквями — поэтому план всеправославного (в пределах Балкан) съезда нашел в нем самый горячий отклик. Он почти патетически говорил со мной об этом, преподал благословение съезду и просил передать его привет.

Со мной ехал в Софию Г. Морозов и Кульман; от Белграда был Гога Троянов (впоследствии прот. Игорь). Мне пришлось быть председателем этого съезда, который во многих отношениях нельзя не признать замечательным. Это была в сущности *первая* попытка собрать православных людей из разных поместных Церквей. Надо иметь в виду, что, кроме собрания православных богословов (I-й общеправославный богословский съезд в Афинах в декабре 1936 г.), ни одного общеправославного собрания тогда не удавалось осуществить — хотя идея всепра-

* Первые главы этой написанной в 1942 г. работы напечатаны в Вестнике РХД № 168 (II-III-1993), посвященном, в основной своей части, 70-летию Движения, и в № 177 (II-III-1997). Нижеследующие главы печатаются с некоторыми сокращениями за счет устаревших подробностей.

вославного Синода или просто Совещания ощущалась всюду с чрезвычайной остротой. Но то, что так и не удалось старшим, все же удалось молодежи. Брешь была пробита — надеюсь, навсегда. Хотя сразу же стали вырастать и препятствия (как всегда, вплоть до наших дней — со стороны греков), но того, что началось весной 1926 г., этого уже не задуть. Всякий раз, когда встречаются представители православной молодежи — это живое чувство единства и неразрушимой уже близости остается в силе, растет и крепнет...

На съезде было очень много народа, начиная прежде всего с самих болгар. Не помню точно, но кажется приезжал на один день митрополит Стефан, кажется был (тогда епископ) Паисий, о. Ст. Панков, был замечательный по вдохновенности и яркости священник Тулешков, было много болгарской и русской в Болгарии молодежи. Из Румынии приехало довольно много молодежи во главе с о. Попеску; из молодежи выделился горячий и истинно церковный человек (бывший в последующие годы секретарем румынской секции Федерации, пока она не закрылась) — Sterian. Во главе всей делегации стоял бесцветный, но лично очень достойный человек, Маринеско (секретарь румынской УМСА). Из Греции прибыли секретарь студенческой фракции греческой УМСА Митилинеос и член студ. фр. Коцонис. Из Югославии, кроме русских, были два сербских студента. Был из Женевы Henriod, который и подготовил вместе с Никитиным весь съезд — я был председателем. Как первый съезд православной молодежи, съезд можно признать вполне удавшимся, во всяком случае, он оправдал и общие духовные надежды (в смысле смягчения тяжких отношений между балканскими народами — в лице их молодежи), но он также возбудил интерес представителей православных народов друг к другу. Собственно говоря, этот интерес и сейчас еще очень слаб, поместные наши Церкви страдают чрезвычайным развитием партикуляризма и провинциализма, они живут своей изолированной жизнью и идея всеправославного единства остается просто идеей, бес-

спорно правильной, но реально не осуществляемой в церковном сознании. У нас, у русских, эта слабость реального сознания всеправославного единства выражалась (да и ныне выражается) в том, что мы считаем лишь себя «истинно» православными, а греков и других лишь в той мере православными, в какой они приближаются к нам. На первом съезде в Б. Костенец это проявлялось достаточно, но преимущественно у греков и румын — у обоих это сознание, что только они «истинно» православные, было очень сильно. Потому-то и важно было начать собрание представителей разных православных Церквей — позже я лично пришел к убеждению, что только как Православие *в целом*, а вовсе не как русская Церковь, мы и можем дать что-либо христианскому Западу. Странно только оказалось положение русских на съезде. Хотя председателем съезда был русский (я ведь был на съезде как представитель всего Русского Движения), хотя все дело было подготовлено Никитиным, хотя и секретарем Болгарского Движения, но все же русским человеком, — но, цепляясь за формальный момент, что русские не есть «балканцы» (хотя мы все были представителями русской эмиграции, а русской эмиграции на Балканах очень много), в состав комитета, избранного в конце съезда, русские не были избраны. Это было проведено преимущественно греками — против других, но все же проведено — и, конечно, оставило у нас, русских, тем более тяжелое впечатление, что по существу весь съезд был осуществлен благодаря русским (Никитину). Для меня было ясно, что наша роль отныне состоит в том, чтобы работать для общеправославного объединения *в унижении и бесправии* и все же работать, *ибо без нас ничего в этой области не будет сделано*, что жизнь впоследствии и подтвердила. Никитин, благодаря которому вообще только и удался съезд, получил от съезда приглашение прибыть на второй, общеправославный съезд молодежи, но без каких-либо прав в участии в организационной работе. По приглашению румын съезд должен был состояться в 1928 году в Румынии (осенью).

Приглашение в Центр И. А. Лаговского.

На этом же съезде в Б. Костенец был окончательно решен вопрос о моей поездке в Америку на один год. Переговоры со мной об этом вел Кульман уже давно. Я даже начал с зимы усиленно заниматься английским языком, но меня крайне смущал вопрос о том, как будет жить Движение без меня. По плану Кульмана, я должен провести год в Америке (формально для изучения постановки религиозного воспитания в Америке). Он сам тоже имел отпуск на 1 год с той же целью (для чего им был намечен для него и для меня Yale University в New Haven, в двух часах езды от Нью-Йорка). Но с нами же должен был ехать и Липеровский (для организации религиозной работы среди русских кругов молодежи в Америке), а также и С.С. Шидловская, которая должна была поступить в Teachers College. Меня смущало то, что в качестве деятеля центра должен был остаться один Коля Зернов, совершенно неопытный, очень неосторожный и слишком порывистый. Мне пришла идея, в качестве некоторого дополнения к нему, пригласить в состав центра И.А. Лаговского (в это время уже превосходно себя зарекомендовавшего в качестве председателя Пражского объединения кружков). И. А. я хорошо знал как студента Педагогического Института; в последний год, уже окончив Институт, он был даже предназначен к оставлению для подготовки к профессорскому званию (что не осуществилось только благодаря отсутствию денег в Педагогическом Институте, который весной 1926 года был вообще закрыт). Зимой 1925-26 года он работал в педагогическом бюро в Праге, с специальной задачей изучать школьное дело в Сов. России, в чем он обнаружил все свои дарования: он превосходно изучал весь материал, каким мы могли в Праге располагать, и не менее превосходно умел излагать, что изучил. Если к этому добавить его очень солидные богословские знания (он окончил Киевскую Духовную Академию), его искреннюю и просвещенную любовь к церковным службам, его умение вести хор, в чем обнаружился его большой орга-

низационный дар, наконец, его небольшой, но очень яркий опыт руководства (самым большим в это время) Пражским Движением — то лучшей кандидатуры для приглашения в центр придумать было нельзя. Оставался вопрос о средствах, но и он разрешился благополучно, т.к. Липеровский, который должен был пробыть в Америке 6 мес., где ему шло особое содержание, мог предоставить 1/2 его годового жалованья, т.е. 75 £ на содержание Лаговского, что его обеспечивало в течение 9 мес. по 8 £, т.е. тогда, кажется, около 900 фр. в месяц; сверх того, мы надеялись, что центр кое-что дабавит к этому содержанию.

План этот был легко осуществим. Мы с Кульманом отложили окончательные решения до моих личных переговоров с Лаговским в Праге (куда я должен был вернуться из Болгарии); Лаговский с радостью согласился переехать летом в сентябре в Париж, и вопрос о моей поездке был решен окончательно в положительном смысле.

Столкновение с «карловцами».

Я забыл упомянуть еще об очень важном заседании Бюро центра в Праге (февраль 1926 г.).

На это заседание прибыли делегаты из Софии, из Белграда, из Парижа, были пражане. На нем было постановлено очередной общий съезд организовать под Парижем. На нем уже впервые (устаами Граббе, ныне управляющего делами Карловацкого Синода) была высказана мысль о желательности теснейшей связи Движения с церковной властью. Подмена идеи церковности Движения планом административного подчинения его церковной власти, т.е. непонимание, неприятие и простое отвержение свободы мирянской активности в Церкви, есть одна из характерных черт той фатальной линии в русском церковном сознании, которое представлено преимущественно карловацкими кругами и близкими им по настроению людьми «евлогианских» кругов.

Зимой 1926 г. Белград, раньше не интересовавшийся Движением, стал, благодаря самим же движенцам (во главе с роковым для Белградского Движения П.С. Лопухиным), очень косо смотреть на связи Движения с протестантскими кругами и особенно с УМСА. Осуждение всякой связи с УМСА (если не ошибаюсь, осенью 1927 г.) в Карловацком Синоде было подготовлено этими толками, впервые сказавшимися после того, как Л.А. Зандел дал (в начале 1925 г. в журнале Движения «Духовный мир студенчества») реферат моего доклада на 2-ом Пше-рове. Съезд в Хопово, при всем личном благоприятном отношении митр. Антония к Движению, не остановил мудрований Лопухина и других. Когда Граббе выставил на заседании бюро Движения пожелания «более тесной связи Движения с церковной властью» (он внес это от имени Белградского кружка, в котором уже не принимали участия ни Коля Зернов, ни Афанасьев), то это встретило в заседании бюро единогласный отпор. Бюро ответило на предложение Граббе резолюцией, в которой точно определило, что Движение ищет *духовного* руководства со стороны архипастырей и пастырей. Это был в сущности очень важный, я готов сказать, поворотный момент в развитии *церковности* Движения. Можно было бы понять эту церковность именно в смысле административного подчинения церковной власти — и как я был счастлив, что кроме карловчан в Движении никто не защищал этого. Я понимаю хорошо все живые и даже трагические трудности, которые могут встретиться в церковном обществе при принятии режима свободы в церковной активности — но все больше я сознаю всю существенную значительность того, чтобы творческие Движения внутри Церкви крепко «держались свободы» по завету апостола Павла Галатам.

Борьба с интерконфессиональным методом.

После съезда в Б. Костенец я много ездил, и тут впервые у меня начались приступы сердечной болезни. В июне 1926 г. я должен был, по настоятельному совету

врача, отправиться на лечение в курорт (Франценсбад), в силу чего я не мог попасть на съезды Движения ни во Францию (чего мне очень хотелось, ввиду того, что положение французского Движения становилось, вне всякого сомнения, центральным), ни в Германии. Не поехал я и на съезд Комитета Федерации, состоявшийся в Nibord Strond (Дания) в августе месяце. Я знал, что на этом съезде М.Л. Бреше и Марцинковский поставят ребром вопрос о необходимости соблюдать принцип интерконфессионализма в кружках, связанных с Федерацией, но я не боялся своего отсутствия, ибо туда ехал Г.Г. Кульман (бывший в это время, так сказать, «plus royaliste que le roi») и Коля Зернов. Действительно, Кульману удалось провести чрезвычайно важную резолюцию на съезде в Nibord Strond, именно, принципиальное допущение *конфессиональных* групп в составе национальных Движений. Эта брешь, в сущности, уже была разрушением всего прежнего принципиального обоснования Федерации и была фактически первым и очень ярким и знаменательным выражением экуменического начала (предполагающего, а не устраняющего *церковные* различия). В этом смысле и Бреше, и Марцинковский были правы, когда доказывали, что своей резолюцией Федерация сходит с того пути, на котором она стояла со времени своего возникновения, — но линия христианских движений во всем мире шла в сторону экуменизма, и Федерация оказалась просто более чуткой и гибкой, чем другие международные христианские организации. Должно сказать, что нашим делегатам (Кульману и Зернову) удалось склонить на свою сторону очень много молодежи из числа протестантских стран, но особенно существенную поддержку оказали англикане. На Nibord Strond было много представителей течения High Church, и наши делегаты почувствовали такую исключительную и глубокую близость к ним, что у Коли Зернова возникла мысль, давшая впоследствии исключительные плоды, — о желательности *англо-русских* съездов в духе русских съездов, т.е. в непрерывном (каждодневном, но попеременном) служении литургии.

Nibord Strond, положивший начало экуменическому процессу в составе Федерации, был настоящим откровением о возможности действительного, а не чисто платонического сближения, хотя бы только таких наиболее близких церковных «групп», как православие и англиканство (High Church).

Я перехожу теперь к двум последним съездам, которые имели место до моего отъезда в Америку, — общему съезду в Бьервилле (под Парижем) и выезд всего местного Движения в предместье Парижа (кажется, Бельвю) для установления плана работы в 1926-1927 году.

Глава VI. Съезд в Бьервилле.

От съезда в Бьервилле остался в Движении очень удачный и хорошо составленный памфлет в стихах (сочиненный Ю.П. Степановым). Эта «позма» очень живо и интересно передает разные черты съезда.

Он был многочисленным. На съезде все время присутствовал о.С. Булгаков, приезжал на один день митр. Евлогий, о.А. Калашников и еще кое-кто из духовенства, приезжал Н.А. Бердяев, С.С. (ныне еп. Кассиан) Безобразов. Из Софии был Никитин и еще двое (забыл кто), из Белграда «сам» Лопухин, Маня Зернова, из Эстонии кто-то, из Праги очень много. Лаговский (уже одновременно переезжавший в Париж), Кубарев, Степанов, Лаури; из Берлина, если не ошибаюсь, Федоровский и, конечно, Пьянов, много парижан. Замок, в котором мы разместились, был не очень удобен, но помещителен. Центр Движения (Липеровский — уже диакон, Коля Зернов, Г.Г. Кульман, К.М. Перешнева и я) был весь налицо.

На съезде было два существенных момента — доклад С.С. Безобразова об изучении Евангелия в духе Православия и доклад Бердяева, против которого начались ожесточенные нападки белградцев. Не помню самой темы доклада Бердяева — а о споре вокруг него скажу дальше.

С.С. Безобразов был приглашен центром для доклада как профессор богословского института по Новому Завету. От прежнего простого отталкивания от изучения Нового Завета в кружках в рамках *интерконфессионального* метода, от одной критики его мы здесь делали важный шаг к установлению своего положительного в духе православия отношения к изучению Нового Завета. Слова митр. Антония на съезде в Хопово о православной нашей любви к слову Божию особенно побуждали нас поставить эту тему. С другой стороны, в памяти многих был прекрасный семинар, который вел о.С. Булгаков (в 1923 г.) на тему: «Учение о Царстве Божием в Новом Завете». Безобразов прекрасно справился со своей задачей; его доклад вызвал оживленную беседу, и съезд *настойчиво рекомендовал* кружкам Движения изучать слово Божие. Для правильного подхода к нему рекомендовалось брать толкования св. Отцов (св. Иоанна Златоуста и др.). Позже Ю.П. Степанов, принявший очень горячо тезисы Бьервильского съезда, составил конспективную сводку выписок из св. Отцов, нужных для правильного понимания Нового Завета. Я чрезвычайно жалею, что его материал (перешедший, кажется, в вестник о.Л. Липеровского) не был напечатан, хотя бы на ротаторе. Жалею и о том, что пожелания Бьервильского съезда пустили слишком слабый росток в Движении. Изучение Евангелия и Посланий есть база догматического сознания, а если последнее слабо, то по существу миссионерское задание Движения никогда не может дать настоящих плодов. Чем дальше жило Движение — и до сегодняшнего дня, — тем ярче вставала крайняя его отсталость в этом отношении, часто полное невежество в области изучения св. Писания...

Что касается борьбы, шедшей между белградцами и остальными местными Движениями, борьбы, которая уже предвещала разрыв Движения с Белградским кружком, то эта борьба не была случайной. С отъездом Зерновых из Белграда, с отходом (из-за окончания Университета) Н.Н. Афанасьева, Керна (впосл. арх. Киприана), главную роль в Белграде стал играть умный, ловкий, но

по существу невежественный и нехороший человек, П.С. Лопухин (ныне секретарь Карловацкого Епарх. Управления в Париже), а также Ю.П. Граббе (секретарь Карловацкого Синода).

Лопухин созрел, думается мне, в той среде затхлой, лишенной всякой искренней идейности, но технически умеющей владеть силой управления, которая просто держалась за власть à tout prix, — в среде высшей русской аристократии. В этой среде бывали и такие, как Лопухин, по существу *паразиты* на духовном, идейном, церковном, экономическом богатстве. Я скажу прямо: весь мой жизненный опыт показывает, что люди, зараженные тем или иным видом «устоявшегося» лицемерия, не замечающие, что они крепки в своих обличиях или внешних действиях, а внутренне даже не подозревающие порой, что это все внешне у них, — эти христиане есть самое тяжкое заболевание *Церкви*, ибо дается им возможность быть наверху, командовать. Трепета перед Богом, трепета перед Церковью они не знают и никогда не узнают. В них играют любые страсти — политические увлечения, честолюбие, жажда власти, и все это облекается в деяние церковности. Разница между Тальбергом и Лопухиным только в степени их могущества — оба интриганы, оба считают себя призванными охранять Церковь от «либерализма», от «интеллигентов», но Тальберг, как член высшего монархического совета — это крупная «акула», а Лопухин (хотя и был губернатором — воображаю его невыносимое велеречие, когда он был губернатором) — «мелкая сошка».

Для Лопухина (не так для Тальберга) Движение было до известного времени точкой опоры для его «возвышений» в общественной работе. Позже, когда он стал помощником Граббе в Церковном Управлении в Карловацах, Движение потеряло для него значение «точки опоры», но он еще продолжал опираться на него, чтобы проявить себя. Борьба на съезде в Бьервилле не была очень острой. Стремление подчинить Движение церковной власти диктовалось у Лопухина и частью у белградцев не заботой о большей церковности Движения, не

заботой о том, чтобы выполнять церковную задачу. «Административный восторг» — вот что вдохновляло бывшего губернатора. Да простит мне Господь эти строки, но у меня нет колебания — не в осуждении, а в суждении о сущности направления, которое выражал Лопухин. Тогда (осенью 1926 г.) это было ясно лишь в интуиции — а с тех пор, до наших дней, мы имели и имеем бесчисленные доказательства того, что в лице Лопухина перед Движением предстал соблазн изменить жажде чистой и подлинной церковности, убить живое вдохновение, живое искание правды в Церкви. Острота спора в Бьервилле объяснялась только силой ума и языка у Лопухина, который очень ловко и сильно использовал все возможные основания для подведения Движения под власть епархиальной канцелярии. Движение *без колебаний* отвернулось от Лопухина, хотя и сознавало, что порывает в сущности (как это и обнаружилось на общем съезде в Клермоне в 1927 г.) с Белградом. Сами белградцы типа Зернова (на которых Лопухин оказывал всяческое, но бесплодное давление), сознавали, что «звезда» Белграда померкла, что вместо того горячего, но свободного и подлинного вдохновения, которым Белград до последнего времени питал Движение, наступила в Белграде фаза мертвящей формальной преданности Церкви. Так Движение, оттолкнувшись в свое время от «левого» соблазна (представленного старой пражской группой), ныне отделилось от «правого» соблазна. Сохраняя абсолютную и всецелую преданность Церкви, Движение оставалось свободным внутрицерковным объединением верующей молодежи.

После Бьервилля (на котором окончательно было утверждено привлечение Лаговского в состав центра, поручение Зернову и Лаговскому нести ответственность за всю работу Движения на время поездки моей, Кульмана и Липеровского в Америку) я стал уже готовиться к отъезду в Америку. Вернувшись в Париж после того, как я пробыл некоторое время в Праге, я принял участие в съезде местного Движения на «однодневном» съезде перед началом работы. Не помню его подробностей,

помню только, как о.С. Булгаков отслужил очень трогательный молебен обо мне, сказав с обычной красотой его красноречия много добрых слов мне.

Поездка в США и неудачные попытки привить там Движение.

В Америке у меня было много разного дела — но здесь, в книге, посвященной Движению, я хочу коснуться только следующих пунктов: работы Липеровского и моей среди русской молодежи Америки, беседы по делам Движения с руководителями YMCA, общей оценки русской молодежи и русского духовенства в Америке.

В первый же день по приезде в Нью-Йорк (кажется 5-6 октября), где меня встретил Г.Г. Кульман, проведенный вместе со мной два дня в Нью-Йорке и отвезший меня после этого в Нью-Хевен, — в эти первые дни через Б.А. Бахметьева я познакомился с М.М. Карповичем (тогда переходившим из службы в русском, уже упраздненном давно, но тянувшем свои дни, посольстве на службу Титог'а в Гарвардский Университет — в Кэмбридж, под Бостоном — ныне он там профессор, — через которого я вошел в связь с русской колонией Нью-Йорка. В первые же два дня (или через неделю, не помню) состоялось открытое собрание русского кружка, где я делал публичный доклад о жизни русской эмиграции в Европе. Тут я узнал Елиз. Вит. Алексею, генерального секретаря общества помощи детям эмиграции, К.К. Оберучева, Н.К. Тучапского (игравшего тогда большую роль в русской церкви на 123 ул.), Як. Ив. Лисицина и других представителей русской эмиграции Нью-Йорка. Я познакомился и с Виреном, который связал меня (а позже и Липеровского) со студенческими группами (Букетовы и др.). Через М.М. Карповича я вошел в связь (чему очень содействовал и Г.Г. Кульман) с рядом епископальных деятелей, с двумя яркими русскими педагогами в Нью-Йорке, М.И. Демьяшкевичем, очень много мне помогавшим в моих церковных сношениях с епископалами

(М.И. Демьяшкевич, получивший профессуру в одном из центральных штатов, вскоре скончался) и Н.Н. Богословским, тонким и интересным человеком. Супруга М.М. Карповича, Татьяна Николаевна, оказалась, как и М. М., очень религиозным человеком — поэтому я чувствовал себя среди них в родной обстановке (хотя жил я, когда приезжал в Нью-Йорк, не у них, а у Полушкиных). Вообще русская колония в Америке окружала меня чрезвычайным теплом и трогательным вниманием. Если митрополит Платон относился ко мне дружелюбно, но сдержанно, то еп. Феофил в Чикаго — впоследствии митрополит Америки, — все многочисленные священники, которых я встречал, русские люди в Чикаго, Бостоне, в Нью-Йорке — особенно члены общества помощи детям русской эмиграции, все встречали меня даже преувеличенно нежно и внимательно. Ведь Америка и ныне все еще в каком-то смысле остается провинцией Европы, и всякий свежий человек из Европы для них дорог и нужен. В самом Нью Хевене, где я жил в студенческом общежитии, меня окружала исключительная дружеская любовь Г.Г. Кульмана и его (первой) жены Андре. Там я сошелся очень близко с местным священником Кудриковым (ныне скончавшимся), близко сошелся с милым проф. А.М. Петрункевичем, который познакомил меня с небольшой русской колонией, а также и с М.М. Ростовцевым, с которым, однако, у меня не сложилось личных отношений.

Скажу два слова прежде всего о ньюхевенской русской молодежи, с которой я встречался очень часто. Всего их было человек 10, но среди этой небольшой группы было всего 2-3, у которых можно было заечь религиозный интерес. Прежде всего надо помнить, что вся «новая», т.е. прибывшая в Америку после гражданской войны, русская молодежь была очень «потрепана». В Европе русские люди меньше чувствовали себя оторванными от России, но в Америке, отделенные от Европы океаном, с замедленностью даже почтового сообщения — русские все сознавали себя глубоко отрезанными от России, как бы навсегда брошенными в чужую обстановку.

ку, в чужой мир, к которому они должны были приспособляться. С другой стороны, огромное большинство русских в Америке (таково мое наблюдение, не берусь утверждать это категорически) вообще стало усваивать в американской жизни ее внешний дух дельчавства и технического напряжения, погони за деньгами и т.п. В Америке настоящей в мое время еще (1926 г.) очень глубоко и действительно ощущалась религиозная основа всего «Нового Света», — ведь впервые переселенцы в Северную Америку приехали туда из Англии в *поисках религиозной свободы*. Этот мотив (*поиски религиозной свободы*) не угас донныне в Америке, без этого ничего нельзя понять в духовной жизни Америки. Но русские люди в Америке (как, впрочем, и в других странах) вполне оправдывали горькие слова Пушкина, что «мы ленивы и нелюбопытны»: большинство русских очень мало интересовалось Америкой как таковой, а заботились только о собственном устройении. Этот близорукий практицизм положил свою печать и на русскую молодежь. Нужно ли говорить о *поразительном* невежестве этой молодежи относительно России — ни общая ее история, ни особенно история ее культуры не была им близка. Не говорю им в упрек, они дети страшной эпохи великой и гражданской войны, у них выработался не один грубый практицизм, но и суровый *реализм, т.е. отвращение к словесному идеализму, к пышным, но пустым риторическим фразам*. Религия, поскольку она не открывается сердцу, предстает как система возвышенных, но неприложимых к жизни идей, для них была тем более чужда, что религиозными словами так часто в нашей жизни играют, закрывая от себя проблемы жизни. Во всяком случае, среди молодежи русской в Нью-Хевене, с которой мы постоянно (раз в неделю) встречались и с которой у меня были очень милые, приятельские отношения, духовного общения почти не было. Все же на тот съезд, который благодаря энергии о. Л.Н. Липеровского удалось организовать (на три дня) под Нью-Йорком в июне месяце, я мог пригласить только двух человек из Нью-Хевена. В Нью-Йорке дело обстояло иначе. Во-пер-

вых, у меня сразу сложились очень близкие отношения на церковной почве со старшим поколением (преимущественно из новой эмиграции), и за время моего девятимесячного пребывания в Америке я несколько раз имел серьезные беседы и доклады на религиозные темы. У меня создалось также очень много ценных отношений на педагогической и общественной почве, но об этом я здесь не пишу. Что же касается встреч с русской молодежью в Нью-Йорке, то главная работа по собиранию молодежи была проделана о. Л. Липеровским. Однако, о. Лев, прожив месяц в Нью-Йорке, надолго уехал оттуда в Бостон, Чикаго, а оттуда на дальний запад (Seattle, San Francisco), так что вернулся он в Нью-Йорк уже лишь весной. В его отсутствие и по его указаниям я имел встречи с русской молодежью в Нью-Йорке (чаще всего), в Бостоне (через Таню Макарову и Карповичей) и Чикаго (через о. Вышеславцева, отчасти еп. Феофила). Всюду, особенно в Нью-Йорке, у меня от русской молодежи почти *без исключения* оставалось *очень грустное* впечатление. Обычно девушки везде бывали наиболее отзывчивыми и чуткими в смысле восприимчивости к религиозным темам, но в Америке и русские девушки оказывались зараженными «американизмом» в дурном смысле этого слова. Даже съезд, который под конец (он длился три дня) все же всколыхнул молодежь, и особенно женскую, не смог создать *решительного* религиозного поворота. Особенно грустно мне вспоминать семью прекрасного и необычно (для Америки) преданного Церкви священника — семью о. Феофана Букетова* (жившего, кажется, в N. Jersey — в другую сторону от Hudson'a). И сын, и дочь священника горячо отозвались на призыв о. Льва, постоянно принимали участие в кружке (который я вел в отсутствие о. Льва), нам даже казалось, что Лида Букетова сможет стать центральной фигурой в русском Движении Америки, — но все это оказалось пустой мечтой. Имея (с декабря месяца) еженедельно встречи с русской молодежью в Нью-Йорке (когда я не уезжал в Бостон или

* ныне настоятеля кафедрального собора в Нью-Йорке.

Чикаго), я скоро увидел, что идейные запросы их смутны и неглубоки — что дальше простой национальной романтики душа их загореться не может. Отец Леонид Туркевич (впоследствии митр. Леонтий), живший очень долго в Америке и впавший после русской революции в историсофский скептицизм и даже отчаяние, вообще стал держаться взгляда, что русская душа теряет понимание Православия и любовь к нему. Он считал всю нашу с о. Львом затею безнадежной, хотя и относился лично к нам с чрезвычайной симпатией; боюсь, что в душе у него было очень много горечи от собственных его детей, утерявших вкус к религиозной жизни. Среди русской молодежи выделялся один молодой человек (забыл его фамилию — не то Сокольский, не то иначе) с серьезными идеологическими запросами. По его настоянию я стал читать небольшой группе русских студентов Нью-Йорка (по субботним дням) лекции по истории русской философии. Это их очень интересовало, они охотно посещали лекции и живо воспринимали то, что я говорил. Так как русская философская мысль, за сравнительно небольшими исключениями, насыщена религиозными вопросами, то естественно, что я касался в своем изложении и религиозных тем. Но чисто религиозные запросы молчали у них. Последние три месяца моего пребывания в Америке были очень насыщены разными лекциями, притом *преимущественно* (но не единственно) религиозного характера, но мне не удалось сделать ничего серьезного. Между прочим, я развивал среди нью-йоркского духовенства идею заочного богословского просвещения при помощи Богословского Института в Париже. Однажды собрались (не помню где) до 25 священников Нью-Йорка и его предместий во главе с бывшим ректором закрытой уже тогда духовной семинарии в Нью-Йорке, о. Михаилом Ильинским (впоследствии архиеп. Макарий). Я рассказал им о задачах Богословского Института, о чрезвычайной важности углубления богословских знаний у священников Америки, сплошь и рядом очень невежественных. Собрание горячо поддержало мое предложение — у нас было условлено,

что осенью, когда я вернусь в Париж, будут посланы просьбы в Институт об организации заочных богословских курсов. Увы, осенью и позже не было получено ни *одного* запроса, хотя отчет о собрании священников, вместе с моей статьей, был напечатан в единственной русской газете, издававшейся в Америке. Не знаю, прав ли я, но думаю, что главной, хотя, конечно, не единственной причиной неудачи нашей с о. Львом работы в Америке надо считать ошибочность общего плана работы, построенного о. Львом вместе с Г.Г. Кульманом. Они оба ожидали, что и в русской Америке «нивы победели», и потому думали, что, если Липеровский пробудет в ряде городов по две-три недели, он сможет создать начальные ячейки, которые к съезду уже будут настолько окрепшими, что съезд создаст настоящее русское Движение в Америке. Все эти расчеты решительно не оправдались — и причина этого заключалась в том, что о. Лев, создавая кружки, вызывая известное даже вдохновение и увлечение, затем уезжал из одного места в другое. Огонь, зажженный им, продолжал гореть, но таким слабым пламенем. Мои повторные посещения (часто на 2-3 дня) не могли, конечно, возместить того, что могло дать длительное пребывание в данном месте о. Льва. Если бы он вообще ограничился Нью-Йорком, Бостоном и Чикаго, в каждом из городов пробыл бы, скажем, 1 1/2 месяца или больше, может быть (но, конечно, не наверно) ему удалось бы приучить какую-либо группу к регулярным занятиям по религиозному самообразованию. Лучше всего дело обстояло в Нью-Йорке, где и о. Лев жил два раза по одному месяцу, и я постоянно бывал, не очень скверно в Бостоне — благодаря присутствию М.М. Карповича и его жены, дом которых был настоящим очагом религиозной жизни среди молодежи. И все же, когда с возвращением о. Льва в Нью-Йорк (кажется, в апреле месяце) начались подготовительные совещания о летнем съезде кружков, начатых в разных городах, то сразу мы оба убедились и в большом равнодушии молодежи к съезду, и, что было хуже, — убедились, что у кое-кого интерес к съезду определялся

надеждой использовать съезд для организации нового национального объединения русской молодежи в Америке. По существу вся работа Липеровского не оставила *никакого* серьезного следа в русской молодежи в Америке. Когда я пришел к этому убеждению после своих поездок в Бостон и Чикаго, я стал говорить с Г.Г. Кульманом о том, что русское Движение в Америке может развиваться лишь в том случае, если здесь останется на несколько лет специальный секретарь по русской религиозной работе. Кульман был согласен со мной, но мы натолкнулись на очень серьезные финансовые трудности. Дело в том, что кандидатом для указанной должности мог быть только Ф.Т. Пьянов, связанный по жене с Америкой, знающий ее, знающий и живые тенденции русского Движения. В миссионерском смысле кандидатура Пьянова была по существу очень слабой — дарования Пьянова лежат только в сфере организационной. Но может быть для духовно-младенческого состояния, в котором пребывала русская молодежь в Америке, как раз и было нужно, чтобы секретарем был человек больше с организаторскими, чем духовными дарованиями. Но Пьянов, имея 3-х детей, нуждался в жаловании минимум 300 долларов в месяц, да для развития его работы нужно было бы в месяц не меньше 250 долларов в среднем, т.е. около 6-7 тысяч долларов всего. Такой суммы не могла ассигновать YMCA в Америке — и вопрос о приглашении особого русского секретаря для студенческой молодежи в Америке остался нерешенным. Никакого закрепления того, что делал о. Лев, того, что мог дать предстоящий съезд, создать мы не могли, и это оказалось роковым для всего плана. Несмотря на (относительную) удачу съезда, работа о. Льва погибла без всякого следа.

Отношения с американской YMCA.

Обращаюсь ко второму, очень существенному делу, которым я был занят в Америке для Движения. Когда меня пригласили поехать туда для изучения постановки

религиозного воспитания в Америке — то вместе с тем стремились к тому, чтобы я, как ответственный руководитель русского Движения, вошел в личную связь с руководящими кругами американской YMCA. Отчасти здесь действовало и то обстоятельство, что толки о «масонстве YMCA», о «скрытых целях» YMCA в их помощи русским уже настолько отравляли русское общество, что сама YMCA считала важным, чтобы я на месте убедился во вздорности обвинений о «скрытых целях» YMCA.

Надо иметь в виду, что мировая экспансия американской YMCA развилась в сильной степени только после войны. В течение трех лет, пока Америка не вступила активно в мировую войну, Америка организовала при особенно ярком участии YMCA свои миссии во всех воюющих странах для оказания помощи военнопленным в данной стране. Денег на эту благотворительную работу все религиозные организации, в том числе и YMCA, собирали очень много — гораздо больше, чем фактически могли тратить. Вот эти запасные суммы и были положены в основу миссионерской работы (после войны) американской YMCA в Европе (до тех пор американская YMCA имела миссионерскую работу лишь в Китае, Африке, но не в Европе). Когда война кончилась, всюду на местах у YMCA оказались очень хорошие связи с обществом, и отсюда выросла мысль о создании местных YMCA (там, где их не было). К таким странам относились Польша, Прибалтийские страны (кроме Литвы, где католические круги воспротивились этому), Румыния, Болгария, Греция, Югославия (в Югославии стала, впрочем, действовать английская YMCA), Италия, Испания. План работы был таков (для всех стран): первые годы чистого пионерства секретари YMCA составляют организационную ячейку; добившись создания основного ядра, они «учат» его всей технике работы (в соответствии с опытом американской YMCA), но постепенно сами отступают на задний план, не выпуская, однако, из своих рук фактического руководства работой. Так как и в два первых периода, да и в третий период через американ-

ского секретаря идут деньги, то удержание власти (в смысле хотя и непрямого, но решающего влияния) осуществляется легко. Когда дело достаточно уже развито, вся забота секретаря YMCA направляется на то, чтобы создать общественную и финансовую базу для местной ячейки, т.е. *создать местную YMCA*. В идеале имеется в виду, что в течение 10-12 лет эта местная YMCA настолько окрепнет и финансово, и организационно, что помощь Америки будет уже не нужна. Практически секретари YMCA остаются при таких окрепших Движениях, которые являются как бы филиалами американской YMCA в местной национальной студенческой оболочке. Такова схема. Она радикально отличается от всей тактики студенческой Федерации, которая гораздо скорее стремится к *самостоятельности* местных (вновь возникающих) Движений. Никогда Федерация не имеет от себя секретаря при местных Движениях, хотя иногда посылает в помощь тому или иному Движению на 1-2 и даже 4-6 месяцев своего центрального работника. В силу этого отношения местных, даже недавно возникших Движений к их центру в Федерации всецело *пронизаны духом свободы* (отмечу, что центр Федерации, насколько может, помогает местным Движениям и финансово — только здесь все, так сказать, «мизернее» в сравнении с теми средствами, которыми располагает американская YMCA или ее World Committee в Женеве). В работе же YMCA присутствие на месте особого секретаря от YMCA создает, по-моему, массу неправильностей. Даже при чрезвычайной тактичности (например, у такого секретаря, как Супер в Польше), все же американский секретарь, через которого притекают средства, через которого можно получить ту или иную помощь из Америки, получить визу, получить приглашение на тот или иной съезд с бесплатным проездом — все это (знаю по нашему русскому опыту) создает исключительно благоприятную обстановку для расширения работы, для связывания ее с иностранной работой — но с другой стороны — *развращает*, как развращает все, что достается даром. Мы, русские эмигранты, попали в этом смысле в исключительно

лукавые и искусительные условия — без опоры на таких «благодетелей», без «попрошайничества», без опекунов мы не могли бы ничего сделать серьезного для русской эмиграции, для русской молодежи. Все, чем мы богаты (кроме Церкви), все выросло и цветет (достаточно указать на Богословский Институт, на работу Земгора, М.М. Федорова и т.д.) при деятельном участии иностранных благотворителей. Но именно в этой обстановке для нас, русских, особенно ценной была система Федерации, которая, снабжая нас средствами, помогая развитию и укреплению международных связей, никогда не держала при нас «своего секретаря» благодетеля, и наоборот, в системе YMCA мы не раз задыхались, — а когда дело доходило до серьезных расхождений, тогда мы болезненно испытывали давление, которое нас раздражало и портило многое.

Приехал я в Америку на средства, которыми располагала YMCA для ее русской работы (я имею очень смутные сведения о каком-то фонде, не то собранном, не то завещанном кем-то для работы *в России*: за невозможностью проводить работу в России, душеприказчики стали обращать не то проценты, не то часть капитала на русскую работу в эмиграции). Эта сумма прибавлялась к ассигнованию International Committee американской YMCA, т.е. центрального органа по работе американской YMCA вне Америки. Фонд этот с 1934-1935 года перестал быть «действительным», какие-то финансовые меры, принятые Рузвельтом, или превратили этот капитал в ничто, или лишили возможности получать от него доход. Я, естественно, задумывался над целесообразностью всей системы. Больше всего я боялся диктатуры на местах секретарей YMCA. Пока я был председателем Движения, пока со стороны YMCA мы имели дело с таким человеком, как Г.Г. Кульман, можно было и не беспокоиться — но я понимал, что в эти первые годы сотрудничества с YMCA закладывались *основы* будущих отношений, что если допустить неправильности в отношениях Движения и YMCA, то потом будет очень трудно поправлять. Особенно заботила меня эта мысль в связи с думами о

религиозной работе в России, где секретари YMCA так легко могли бы найти много ловких и гибких очковтирателей, которые будут хлопотать о религиозной работе, будучи ей по существу чуждыми. Передо мной встала поэтому двойная задача: правильно продвигать и развивать отношения Движения к YMCA здесь, вне России, а в то же время готовить правильную схему отношений в будущей свободной России. Я хорошо понимал, что не следует отказываться от сотрудничества с YMCA, но, наоборот, нужно держать в своих руках ее энергию (направленную на Россию), ее организационный аппарат, ибо если бы мы стали отходить от YMCA, то они (секретари YMCA) очень скоро нашли бы других людей, которые создали бы видимость религиозной работы. Помимо ненужного и вредного дублирования, эта независимая от нас «русская YMCA» только дискредитировала бы нашу работу.

Летом 1926 г. я попал в Гельсингфорс на мировой съезд YMCA. Это собственно был съезд *молодежи* всего света — однако, рядом с молодежью были старшие во главе с Моттом. Съезд был безусловно религиозным; руководящей фигурой съезда был такой выдающийся представитель протестантизма, как ныне покойный архиепископ шведский Седерблом, в 1925 г. прошедший первый всемирный съезд христианских Церквей, в котором участвовали многочисленные представители православных Церквей во главе с патриархом Александрии Фотием (от русских там был проф. Н.Н. Глубоковский). Съезд этот шел под знаком «практического христианства», выработки «Никей этики», т.е. основ «христианской политики». Седерблом исходил из взгляда, что, при трудности *догматического* сговора, христианские Церкви должны научиться работать вместе в сфере христианской практики. Доклады в Гельсингфорсе были очень хорошие, было много (протестантских) церковных служб, были хорошие семинары, вообще все было организовано очень хорошо — и, конечно, молодежь, бывшая на этом съезде, наверное в какой-то мере напиталась религиозно. Однако мое общее впечатление от Гельсингфорса

было такое: YMCA — огромная, ценная организация молодежи, *изредка* зароняющая в немногие души семя религиозной жизни, но это не только не приведение молодежи к Церкви, а наоборот, у тех, кто проникается идеализмом, YMCA — у них *заменяет* Церковь. В общем, в религиозной диалектике в путях протестантизма YMCA содействует *процессам секуляризации*, а не *приостанавливает* их. Это мое общее впечатление, конечно, определялось тем, как я воспринимал «доброе-известно тупое» менторство YMCA в нашем Движении (постоянно, но не всегда успешно смягчаемое Г.Г. Кульманом).

Возвращаюсь к моим выступлениям в Нью-Йорке в «главном штабе» американской YMCA. Я чувствовал свою ответственность за стиль и суть наших связей с YMCA. Первые два года нашей связи определялись искренней, но и наивной доверчивостью к YMCA — представители ее, такие, как Кульман, как Холлинггер, — вызывали не только полную симпатию к себе, но и глубокое уважение к их религиозной силе, искреннее желание учиться у них тем формам религиозной работы с молодежью, которые были полезны и для нас. Однако постоянная их опека нередко и раздражала, как и нервировало и то, что фактически они были последней решающей инстанцией в тех делах, которые требовали финансов, — ибо они были распорядителями кредитов на русскую религиозную работу. Этот денежный пункт я считал особенно деликатным; я, по своему душевному складу, по своему житейскому опыту, не боялся финансовой зависимости, не стыдился ее — ибо нищенское наше положение вытекало из трагического надлома в России. Но я понимал и то, что принимать деньги от инославных мы можем лишь при условии действительного *уважения* с их стороны и серьезной готовности к общей с нами работе, считал, что получение денег нас *обязывает* и через это *моральное* обязывание и связывает уже не внешне, а внутренне. Поскольку самая возможность русской работы в такой чрезвычайной степени зависела от наличности денег (ибо при разбросанности русских, при бедности

их, без чужих денег не были бы возможны ни съезды, ни поездки), она означала некую свыше нам вменяемую обязанность иметь уважение к тем, у кого Бог судил брать деньги. Это общее мое убеждение осталось у меня и до сих пор — и я не испытываю ни стыда, ни раскаяния в том, что, будучи ответственным руководителем Русского Движения, я не отрывал его от связи с YMCA. Но это вовсе не исключало вопроса о формах, в которых должна была осуществляться наша близость и связь с YMCA. Именно поэтому я считал своей ответственной обязанностью окончательно оформить наши отношения с YMCA во время моего пребывания в Америке. Я несколько раз совещался с Кульманом об этом, ибо, будучи работником YMCA, он хорошо знал руководящие идеи YMCA, а с другой стороны, его сочувствие Русскому Движению и желание дать ему возможность свободно развиваться были для меня вне сомнения. Я выработал при помощи Кульмана особый документ, в котором в ряде (кажется 12-15) параграфов формулировал настоящее положение, желательные изменения и, наконец, пожелания о будущей работе в России, когда она станет свободной. После тщательного редактирования (на английском языке) этого текста, я передал его через Кульмана Мотту.

В середине декабря состоялось большое совещание высших членов YMCA со мной по поводу основ наших русских отношений с YMCA. Председательствовал Мотт, участвовал главный деятель международной работы американской YMCA Colton, несколько секретарей, включая Мак Нотена, которого я вообще узнал только в Америке, — он до начала 1927 года был в Америке и много содействовал разносторонним моим знакомствам с работой YMCA, — еще какие-то американцы, Кульман и я. Замечу, что все заседание состояло, в сущности, в диалоге между мной и Моттом, все остальные участники совещания, по принятой у них строгой субординации, считали невозможным вмешиваться в нашу беседу.

Суть моей декларации заключалась в том, что, высоко оценивая всю ту помощь, которую YMCA давала

русской работе, я, прежде всего, определенно высказался в пользу системы Федерации — т.е. за то, чтобы постепенно нас освободить от опеки секретарей, сохраняя, конечно, за собой контроль по расходованию тех денег, какие нам давались. Я мотивировал это «убийственное» для всей политики YMCA положение главным образом тем, что пути русского Движения иные, чем христианских организаций в Западной Европе и Америке, ибо мы являемся *строго церковной* организацией, а не «интерконфессиональной». Я высказывал пожелание, чтобы постепенно вся *активная* работа YMCA среди русских сосредоточена была в руках нашего Движения, и особенно считал важным, чтобы в будущей работе в России YMCA *ничего* не делала иначе, как только через нас.

Все это, я видел, вызвало крайнее раздражение Colton'a и его сотрудников. Что касается Мотта, то со свойственной его религиозному типу широтой и свободой, он не хотел стеснять нас, ожидая, что через развитие работы мы сами придем к принципам YMCA, а с другой стороны, что в наших исканиях мы может быть, действительно, намечаем новый путь. Мотт всегда был удивительно богат интуициями, и в отношении к русскому Движению я всегда у него чувствовал некое интуитивное ожидание, что, уходя своими корнями в русскую Церковь (которую Мотт привык чтить очень высоко), наше Движение привнесет в общехристианскую работу что-то очень важное и ценное. Надо сказать, что Мотт был ведь прав в своем ожидании...

Мотт держался в беседе такой тактики — *он ничего решительно не отвергал* в моей декларации, *но ничего и не принимал* категорически, а больше «беседовал» и расспрашивал. Я остался совершенно неудовлетворенным моей беседой с вождями YMCA, но Кульман меня утешал, что, конечно, мое выступление не пройдет даром... В 1927 г., в Париже, кажется в июле, была выработана декларация о наших отношениях, развивавшая главные положения моего доклада в Нью-Йорке.

Вот основные тезисы:

Соглашение между представителями Русского Христианского Студенческого Движения и Мирового Комитета У.М.С.А. (Текст соглашения приведен в позднейшей /1932 г./ редакции, которая кое в чем уже отступает от первоначального соглашения).

1. Американский Христианский Союз Молодых Людей не будет создавать отдельного Русского Движения в смысле образования независимого Русского Христианского Союза Молодых Людей, помимо деятельности Р.С.Х.Д. за рубежом.

2. Р.С.Х.Д. признается организацией, ведущей работу, в которой Американский Х.С.М.Л. заинтересован, как в работе для русских мальчиков и молодых людей, поскольку Движение, как автономная организация, нашло желательным и возможным вести такую работу.

3. Окончательная позиция Р.С.Х. Движения за рубежом в отношении к Всемирному Комитету (национальных) Христианских Союзов молодых людей будет определена Р.С.Х. Движением.

4. Но в то же время выражается надежда, что развитие Р.С.Х.Д. за рубежом пойдет по такой линии, при которой не встретилось бы препятствий ни для возбуждения ходатайства самим Движением об объединении с другими национальными Х.С.М.Л. в составе Мирового Союза, ни со стороны этого последнего для принятия в такое объединение.

5. Далее, финансовая поддержка и содержание американских секретарей ни в какой степени не должны связывать Движение в каких-либо его решениях, касающихся его принципов или программы.

6. В то же самое время Американский союз свободен прекратить поддержку Р.С.Х.Д. за рубежом на простых и логичных основаниях, если принципы и программа Движения, свободно определяемые, оставили бы тот вид работы для мальчиков и молодых людей, какой существовал и был принят Движением в 1927 г. и равно принят Х.С.М.Л., как совпадавший с целями союза.

7. Такие специальные предприятия, как образовательная работа (Русская Школа Заочного Преподавания)

и издательство (УМСА-Пресс) ведутся американским УМСА независимо, хотя и по возможности в полном сотрудничестве с Р.С.Х.Д., в надежде, что эти предприятия равным образом в будущем смогут быть включены в это соглашение.

Прежде всего подчеркну, что кроме людей «первого сорта» (как Мотт и др., — Мотт и среди них выделялся, как истинный религиозный гений — я не преувеличиваю в этих словах своего восприятия личности Мотта), огромное большинство секретарей УМСА в Америке являют особый тип «христианского чиновника» — людей, верующих в Бога, верных заветам Христа, но лишенных или почти лишенных трепета перед «*mysterium tremendum*». Они являют особый тип *социальных работников*, очень доброкачественных по своему моральному настроению (чаще, впрочем, моралистическому, чем моральному), но религиозно-плоских, почти пустых, *разлагающих религиозные силы души не менее, чем противники религии*. Именно в этих секретарях так плоско и обнаженно выступает перерождение американского христианства в социальный идеализм, вообще потускнение сакраментальной и мистической стороны в христианстве.

Молодежь, которую УМСА собирает, организуя спортивные, образовательные, социально привлекательные организации, мелеет духовно, теряет чувство Бога, купаясь всецело в тепловатых водах «социального благоволения». Особенно двусмысленно отношение УМСА к церковному началу в христианстве. Конечно, все это надо связывать с разрухой этого церковного начала в американском христианстве...

Я очень многому научился в Америке, силы прибавились, возвращался я в Европу со страстным стремлением быть снова среди дорогой мне движенской семьи. В Америке многие, и русские, и американцы-ученые, ставили передо мной вопрос о том, чтобы мне остаться совсем в Америке; в порядке личной карьеры это было очень соблазнительно, но все мое сердце было обращено к Движению, к тем уже многочисленным, почти бесчисленным друзьям, братьям и сестрам, с которыми меня

связало Движение. Как мог я их бросить? С другой стороны, кроме Г.Г. Кульмана, я не видел ни одного человека в центре Движения, который понимал бы все стороны движенческого дела в их значительности. Но Кульман был, во-первых, иностранцем и, во-вторых, в то время неправославный. Для русского дела нужен был русский человек, и сойти со своего поста я мог бы только в том случае, если бы нашелся человек, могущий взять на себя всю ответственность за Движение.

Глава VII. Съезд в Clermont-en-Argonne

Когда мы все вернулись в Париж, то через несколько дней открылся летний съезд Французского Движения в Париже. Съезд в Клермоне был очень многочисленным и ярким; я поразился, до чего разрослось наше Движение в Париже. Было много священников, профессоров, масса молодежи, были и представители левой русской группы, привлеченные Елизаветой Юрьевной Скобцовой (впоследствии мать Мария). Этим для меня открывалась перспектива привлечь и эту группу в Движение — тем более, что в статьях Ф.А. Степуна, которые печатались в «Современных Записках», эта потребность религиозного углубления демократических принципов, потребность нового сближения общественности с Церковью проявилась очень сильно. Я очень увлекся этими мыслями — несколько позже у меня даже состоялось небольшое собрание на эту тему, при участии В.В. Руднева, И.И. Фондаминского, в результате чего появилась в «Современных Записках» моя статья «О новом народничестве». Эта статья, намечающая возможность сближения интеллигенции и народа на почве Церкви, имела некоторый успех, принесла мне пять сочувственных писем с разных концов мира, с предложением создать соответственную группу. К сожалению, из организационной затеи ничего не вышло и я не мог ответить на письма. Сама-то идея церковного народничества воскресла позже, однако, в Эстонии, приведя к образованию Русского христианского *крестьянского* Движения — благодаря энергии и таланту И.А. Лаговского и Н.Н. Пенькина. На съезде в Клермоне я имел особое совещание с Влад. Митрополитом, в присутствии о.С. Булгакова, о возможности объединения правых и левых течений русской общественности и об участии Движения в этом деле. Владыка, отнесясь с полным сочувствием к самой идее, выразил крайнее сомнение в том, чтобы, скажем, такие люди, как Игнат Платонович Демидов, В.В. Руднев, с одной стороны, ген. Е.К. Миллер, с другой стороны, согласились сесть за один стол. Эта беседа вернула

меня к живой нашей эмигрантской действительности; хотя я и не сдался совсем, не отказался от своей идеи объединения русской интеллигенции вокруг Церкви, но мне стало ясно, что в прямой форме это невозможно. Но если в нашем Движении были Е.Ю. Скобцова, Г.П. Федотов, готовы были примкнуть Руднев и Демидов — если, с другой стороны, в нем принимали участие зачинатели младоросского монархического движения (Шевич, впоследствии игумен Сергей, один из наиболее ярких приверженцев Московской юрисдикции), правые люди, вроде И.В. Никанорова, Е.К. Миллера, в Берлине Веры Угримовой и т.д., то разве это не давало повод думать, что хотя бы наше Движение, именно как *церковное* течение, имеет в себе данные, чтобы объединить эти два крыла русской общественности? Действительно, после 1927 г. стал работать кружок изучения России под руководством Г.П. Федотова, при участии Кирилла Шевича и других представителей правой молодежи. Кружок работал три года (под тактичным и умелым руководством Г.П. Федотова) так дружно и плодотворно, что мысль о возможности для Движения объединить на церковной почве *все* течения русской общественности (мысль, которую исповедую и ныне) разве является утопией?

Съезд в Клермоне шел впервые под *знаком России*. Большой и вдохновенный рассказ И.А. Лаговского о духовных исканиях в советской России поставил с особой силой тему о духовном возрождении России и нашем в этом участии, нашей *ответственности* за судьбы России. По общему желанию членов съезда, еп. Сергей (Православный), который как раз оказался в Париже, отслужил вместе с другим духовенством молебен о спасении России. Я хочу здесь отметить этот факт (от которого идет постоянная молитва о России в Движении), чтобы отвергнуть обвинение групп, присвоивших себе монополию представлять национальную думу о России, в том, что Движение прошло мимо темы России, что оно оказалось чуждым национальному моменту... Мне было поручено сделать доклад о моих впечатлениях от Аме-

рики. Конечно, я мог выбрать из своих впечатлений только то, что представляло известный интерес для членов съезда. В своем докладе я выдвинул следующие мысли: 1. Надо решительно отбросить представление об Америке, как стране одной лишь техники и капитала. Я утверждал, что в смысле духовных исканий Америка гораздо более живая, насыщенная страна, чем Европа, что в Америке (по крайней мере, если иметь в виду поколение, выросшее до войны) глубоко и серьезно стремятся послужить делу Христа. 2. Я отметил, с другой стороны, *преувеличенную* остановку американского протестантизма на *Ветхом Завете*, что объясняется, по-моему, трудностью для протестантизма, благодаря его догматической бедности, раскрыть благовестие Христово во всей его полноте. С этим, с другой стороны, связана крайняя *примитивность* религиозного сознания в Америке, вытекающая тоже из его *догматической* обедненности. Догматическая спутанность, упрощенность и беспомощность — все это ставит перед нами, кому вверена полнота и правда Православия, какую-то особую задачу духовного порядка в отношении Америки. Я утверждал, что Америка *духовно нуждается* в нас. 3. С этим я связывал внерелигиозный момент — то, что по своей психологии, по своему типу, Америка близка к русской душе; объяснял я эту широту, эту цельность души американцев тем, что только в Америке (как и в России) есть огромные *сплошные* пространства, что дает душе простор, свободу, гибкость...

Не говорю здесь о разных конкретных материалах, которыми я освещал свою мысль — я уже позабыл многое, да это сейчас и несущественно. Существенно то, что доклад был принят хорошо, но и только. То, что к моему докладу прибавил Липеровский о *русских* в Америке, как-то отодвинуло добрые настроения, вытекавшие из моего доклада...

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ЖИЗНИ РУССКИХ В ЭСТОНИИ *

И еще одно явление русского Таллинна двадцатых-тридцатых годов. Русское Студенческое Христианское Движение...

...В 1929 году моя мама, несмотря на свою погруженную в семью и заботы жизнь, поехала на II Печорский съезд Русского Христианского Студенческого Движения. Вернулась прямо светящаяся от воодушевления, от насыщенности всем увиденным и услышанным.

Она предложила мне поехать на следующий съезд Движения. Это было уже в 1932 году. Съезд состоялся в Пюхтицком монастыре. До этого я о Движении ничего не знала. Только один раз мама взяла меня с собой на однодневный выезд таллиннских движенцев пикником за город. Ехали мы в битком набитом грузовике. Все веселые, молодые (так мне казалось тогда), удивительно дружные и дружелюбные. Уехали недалеко от города. Весело слезли с машины. Расположились на живописной поляне. По двое, по трое, группами. Кто-то читал короткий доклад, было очень живое обсуждение. Потом стали стелить на траве скатерти и раскладывать еду, какую кто привез. И я впервые увидела такой общий стол, когда еда раскладывается так, чтобы во всех концах было одинаковое разнообразие, чтобы все было поровну и никому не обидно. И тот, кто вынул из бумаги всего два-три бутерброда, и те, кто привезли целую корзинку провизии — все были хозяевами этого пиршества. И мне это ужасно понравилось. Такая невиданная до тех пор непринужденность и простота отношений. Через несколько минут меня все уже называли по имени и относились ко мне так, будто я, несмотря на мой возраст, им ровня, и мы знакомы уже невесть сколько лет.

* Воспоминания печатаются в журнале *Таллинн* (№ 8-9, 10 за 1998 г.) под заголовком «Мне кажется, что мы не расставались».

А теперь я ехала на целую неделю на большой съезд всех движенцев. Мама, чтобы мне не было так уж одиноко, захватила с собой мою подружку, которая жила в том же местечке Аэгвийду на даче, что и мы. Мама сопровождала нас только до узловой станции Тапа, где с рижского поезда должны были сойти многочисленные рижские движенцы. И вот они уже выходят: оживленные, смеющиеся, счастливые; не задумываясь, принимают в свою дружную компанию двух девчонок, и мы уже едем другим поездом в направлении Нарвы в Пюхтицкий монастырь.

Сейчас мне кажется знаменательным, что мама из всей толпы рижан выбрала Николая Петровича Литвина. Или кто-нибудь его к маме подтолкнул? Он был с такой сияющей улыбкой, такой приветливый, милый, сразу вызывающий доверие. Мама попросила его взять под свое покровительство двух девочек, едущих впервые на съезд — это для них грандиозное событие. Николай Петрович горячо обещал, но... слова своего ну ни в малейшей степени не выполнил. За все время съезда на нас даже не взглянул. Зато шефство над нами взяли рижанки, — приняли нас в свою компанию, с ними вместе мы и поселились на сеновале и дружно прожили всю неделю. Скорее всего Литвин, как секретарь Латвийского Единения, дал им такое задание. А может быть и знал, что они все так добры, что им и задания давать не надо. Сами разберутся.

Но символично не это, а то, что когда через много лет я, выйдя замуж за латвийского движенца, переехала в Ригу и когда моего мужа 9 января 1945 года арестовали, первым, кто пришел ко мне в тот же день, был Николай Петрович. Стесняясь, он сунул мне 20 рублей, я, конечно, была без денег. И с тех пор они оба, и он, и жена его Тамара Дмитриевна, в полном смысле слова ни на день не забывая, делили со мной мою беду. Мамы моей тогда уже не было в живых, но она же поручила меня ему когда-то. Я всю свою долгую жизнь, до сегодняшнего дня, все ощущаю мамину заботу и опеку.

А в монастыре все было удивительно, все было прекрасно. Эта изолированная от мира жизнь, молчаливые тени монахинь, идущих мимо нас с низким поклоном. Ежеутренние и ежевечерние службы. Трапезы в монастырской трапезной. Поход ранним утром к святому источнику и обратно. Но самое интересное все-таки было общение со всеми движенцами. Каждый день читался чей-то большой основательный доклад. Потом шло обсуждение. Спорили, доказывали, иногда возмущались, но все это было пронизано общим пониманием главного и еще заинтересованностью во мнении друг друга. А после обеда в разных уголках обширной территории монастыря, где-нибудь в тени каменной стены храма или под большим деревом велись семинары. В первый же день объявлены были темы семинаров и их ведущие. Выбор был большой. Ведущие один интереснее другого. А вечером после службы собирались группами просто поговорить, посмеяться, попеть. Помню тогда парижанку мать Марию Скобцову (Кузьмину-Караваеву). Она только-только приняла постриг. Ее монашеское одеяние было старое, штопаное. Она сказала, что оно мужское, и туфли на ней тоже были мужские, стоптанные. Она сидела на ступеньке храма веселая, улыбающаяся, розовощекая, с очень сильными очками на близоруких глазах. Много шутила. Между прочим, на вопрос, что для нее стало самым трудным при переходе в другой мир, она весело ответила: «Отказ от курения»! До сих пор ей снятся по ночам толстые чинчики (так она называла окурки). В последний вечер была общая, а по желанию и отдельная исповедь, а утром причастие. Удивительное было ощущение, когда весь храм полон только причастниками. Вот и закончился съезд. Я нашла на нем много друзей. Иных на всю жизнь. Отец Сергей Четвериков — наставник Движения — стал мне писать из Парижа, и Алеша Иванов из Латвии, вскоре принявший сан священника, годы вел со мной переписку. А отец Сергей писал до самого прихода Советов в Эстонию. Так они заботились о каждой человеческой душе.

Основным стержнем таллиннского Движения была семья Дезенов. Васса Арсеньевна за дни съезда сумела стать для меня близким человеком, и осенью, с началом учебного года, я явилась к ним в семью. Она сидела на кухне и кормила кашей годовалую Киру. Тут, за кухонным столом, и родился первый кружок будущих витезей и дружинниц Движения — кружок «Правда». Нас набралось 5 девочек. В те времена — это 1932 год — у Движения не было еще своего помещения. Ютились мы в довольно-таки холодном подвале под собором на Вышгороде. Мы в шутку называли себя христианами в катакомбах. Приходили, зажигали примус, ставили чайник и начинали свое собрание. Васса Арсеньевна вела нас твердой, но мягкой рукой. Жили мы с ней на удивление интересно, разнообразно, весело. Каждое собрание поручалось кому-то одному. Он готовил что-то вроде сообщения на принятую всеми заранее тему.

Мы очень старались. Перекапывали массу материала. Многие сами по дороге узнавали и все это потом докладывали. Споры за чаем с булкой были горячие. Возмущались, сердились и под уверенным и мудрым руководством Вассы Арсеньевны приходили к общему согласию.

А в это время росли и другие кружки. Сыновья Елены Александровны и Федора Антоновича Гизетти Митя и Толя организовали их из мальчиков своих классов. Много сил отдавал нашим мальчикам Слава Чернявский, вернее Ростислав Александрович. Небольшого роста, с густыми, черными, совершенно прямыми волосами, сутулый до горбатости. Слава незаметно возился с ними, не поднимая шуму. Странно — в нем не было ничего спортивного, что так нравится мальчикам, он не зажигал их пылкими речами на отвлеченные темы, но они были к нему привязаны, а он к ним. И та, и другая сторона вели себя по-мужски сдержанно.* У Вассы Арсеньевны образовался второй кружок — из девочек нашей же гимназии, но на год моложе. Во главе с

* Впоследствии Р.А. Чернявский погиб в недрах НКВД.

Татьяной Евгеньевной Дезен возник кружок «Колокол», в который входили бывшие ученики Казанской школы. Она была тогда уже директрисой этой школы, а мы к тому времени все уже учились в гимназии. Я несколько лет ходила и в тот, и в другой кружок — и в «Правду», и в «Колокол» — и имела возможность сравнивать. А может быть тогда и не сравнивала. Это пришло, наверно, гораздо позднее.

Татьяна Евгеньевна предложила нам встречаться у нее дома. Она занимала довольно большую комнату в коммунальной квартире без всяких удобств. Было холодновато, как-то по-холостячки неуютно. Так и вижу строгую Татьяну Евгеньевну, режущую для нас хлеб, прижав, наподобие русских баб, ковригу к груди. Зимой она ходила в потертой кожаной куртке, а летом и дома я помню ее только в длинных русских сарафанах. Истово верующая (так и хочется сказать «неистово»), она вела «Колокол» как религиозный кружок. В отличие от Вассы Арсеньевны, занимавшейся с нами скорее историей русской культуры, разумеется, на фоне православия. Они были очень разные — эти две представительницы Дезенской семьи. Вассу Арсеньевну молодежь горячо любила. Татьяну Евгеньевну все очень высоко ставили и очень уважали. Мнение ее было, пожалуй, самым авторитетным в нашем Движении, если не считать, конечно, нашего духовного руководителя, отца Иоанна Богоявленского.

Отец Иоанн, настоятель собора, преподавал в нашей гимназии Закон Божий. С нами, учениками, он был добр и кроток. Он никогда не ставил никаких отметок кроме «пятерок». За все долгие десятилетия преподавания была у него одна и та же потертая записная книжка, своего рода дневник нашего преуспевания. Если ты, отвечая на уроке, не дотягивал до «пятерки», в строку с твоей фамилией ставилась точка. Иногда этих точек накапливалось свыше всякой меры, и тогда батюшка говорил строгим голосом: «Марья, я тебя в следующий раз вызову, и тогда держись!» Тут уж сядешь и выучишь все задания месяца за два, но желанная «пятерка»

встанет — таки в ряд с точками. Мой старший брат очень любил отца Иоанна и в этой любви переходил все границы, считая его ну совершенно своим. Он сидел на первой парте и позволял себе иногда поиграть в распространенную у детей игру, а сам — то был уже лет 12–13. Батюшка, рассказывая урок, клал руки по бокам стола, всегда слегка растопырив пальцы. Такая была привычка. И дерзкий мальчишка начинал свою игру — быстро-быстро тыкая своим пальцем в промежутки между пальцами батюшки, причем условие игры такое, что дотронуться до руки батюшки он не смел. Отец Иоанн терпел, рук со стола не снимал. Но, закончив объяснение следующего задания, он с доброй усмешкой смотрел на Димку и говорил только: «Дурень, ты, дурень».

Отец Иоанн был кладезь премудрости. Был редко образован. Его почитали все, и верующие, и неверующие. Вот он — то и был духовным руководителем нашего таллиннского Движения, был его в какой-то мере духовным стержнем. Впоследствии он стал епископом Исидором, был переведен в Ленинград, где руководил Духовной академией.

В нашем Движении были и еще два замечательных священника, но это гораздо позднее. Отчасти они и выросли в Движении. Мы их помним как Шуру Киселева и Славу Лозинского. Оба участники съездов. Серьезные, думающие и в то же время легкие и веселые, оба всегда с улыбкой на милых лицах, но очень ответственные в суждениях. Мы их обоих очень любили. Во время оккупации отец Александр Киселев был настоятелем кладбищенской церкви. Потом он уехал за границу, и сменил его отец Ростислав Лозинский. С обоими я не то что дружила, это для меня слишком много чести, но были мы в очень хороших отношениях. Был еще и третий священник, что называется — выкормыш Движения и лично отца Иоанна Богоявленского. Это Саша Осипов. Он потом отрекся от церкви и стал активным проповедником атеизма. Это наш — то Саша, такой тихий, серьезный, не умевший смеяться и дурить, а интересовавшийся только религиозной философией

и богословием. Он был типичным начетчиком. И вдруг мы постоянно слышим по радио его голос, произносящий хулу на все это.

Саша был женат на дочери священника. Были у него с женой дети. Сашу с началом войны мобилизовали в армию и увезли в Россию, а вся семья отца Николая, в том числе и Сашина жена с детьми, уехала во время оккупации в Германию. Может быть, этим можно хоть отчасти объяснить его озлобление.

Но я еще не дорассказала о семье Дезенов. Васса Арсеньевна была замужем за братом Татьяны Евгеньевны — Петром Евгеньевичем. Он по своей натуре был самым настоящим праведником. Никогда не думал о себе, о своих удобствах или выгоде. Всегда был готов к служению людям. Дом их был открыт для всех, кто маялся над неразрешимыми внутренними проблемами, кто думал о каком-то своем пути, кто, наткнувшись на разочарование, искал здесь поддержки. Вечерами за их столом собирались люди. Шла общая беседа. Некоторые так и уходили, не сказав ни слова, но с радостными, успокоившимися лицами. Так было тепло, свободно, столько было ненавязчивой, некричащей доброты и доброжелательности. Расходились обычно поздно. Я жила далеко, и Петр Евгеньевич, захватив велосипед, шел меня провожать. Я ведь была еще совсем юная. Идя в любую погоду быстрым шагом, мы обсуждали все наши молодежные дела. Вскоре наши кружки обрели общее название Дружины. Вот дела Дружины нас и волновали. Причем надо сказать, что Петр Евгеньевич не руководил ни Дружиной, ни каким-нибудь кружком. Он был как бы за сценой. Помню, мы организовывали первый съезд Дружины. Хлопот было выше головы. И тут еще мне надо было читать вступительный доклад «Молодежь — залог нашего будущего». Я совершенно растерялась. И тот же Петр Евгеньевич в один из наших вечерних походов подсказал мне тезисы. Ничего, что впоследствии в ходе написания доклада многое было изменено, а многое отпало. Это неважно — толчок был дан, и колесо покатилося по указанной Петром Евгеньевичем колее.

У Дезенов было двое детей. Две девочки. Когда мы начинали, младшей, Кире, был год. Ляля была немного старше. Это не мешало Вассе Арсеньевне точно приходить на все кружки, не пропуская собраний самого Движения. Прислуги у нее, естественно, не было. Жил с ними, правда, дед, Евгений Робертович. В России он был судьей, а в Таллинне продавал сушки. Ходил по улицам с большой корзиной сушек, заходил в дома, предлагал их хозяйкам. Были у него и свои постоянные клиенты. А в большие праздники на наших торжественных общих собраниях он появлялся в нарядном, хоть и сильно поношенном, черном длинном сюртуке, в черном галстуке, и определенно придавал весу и солидности нашей разношерстной компании. На все съезды — и общедвиженские, и Дружины — Дезены ездили всей семьей. Дети были обязательным приложением. Но были воспитанны, никогда не было никаких капризов, и никому они не мешали.

Судьба Дезенов страшная. Во время войны Петр Евгеньевич с семьей уезжал в эвакуацию последним эшелонном. Как им удалось дожить в целости до 9 июля 1941 года, я не знаю. Думаю, что спасла их частая смена квартир. НКВД не успевало установить их новый адрес. Татьяну Евгеньевну и ее жениха, а в последние недели уже и мужа, Николая Николаевича Пенькина, постигла участь ужасная. Они были летом 1940 года арестованы и расстреляны. Одновременно с ними был расстрелян секретарь Движения по Прибалтике Иван Аркадьевич Лаговский и тартуский движенец Лев Дмитриевич Шумаков. Именно поэтому я недоумеваю, как это Петру Евгеньевичу удалось сохранить в полном составе свою семью. Я по долгу службы, будучи секретарем государственной эвакуационной комиссии, везла на станцию Юлемисте, что под Таллинном, документы для всех отъезжающих в эвакуацию этим последним эшелонном. В машине, просматривая простыни списков, поняла, что удостоверение коменданта поезда надо выписывать только на Петра Евгеньевича. Это человек безукоризненной честности, никого не обманет, никого не обидит

и делает все по совести, самым наилучшим образом. Кроме того, за ним был многолетний опыт общественной работы.

В толпе, с нетерпением встречавшей нашу машину (немцы весь день норовили разбомбить эшелон, а войска их были за 60 км от Таллинна), я сразу заметила Петра Евгеньевича. Свое согласие на эту ответственную, беспоконную, часто мучительную, никак не оплачиваемую работу он дал не задумываясь ни на минуту. Должно быть, и сам где-то в душе понимая, что именно ему надо взять эту ношу на себя. Это была моя последняя встреча с родной моему сердцу семьей. Уже на месте, в эвакуации, к Дезенам в дом пришел тиф. Сначала умер старик Евгений Робертович, потом сын его, Петр Евгеньевич, и наконец, Ляля. Васса Арсеньевна осталась в чужом краю без кормильца, с маленькой Киной. Как уж они пережили эти годы, одному Богу известно. После конца войны Вассе Арсеньевне было ясно, что жизнь в Таллинне ей заказана — там снова ждет ее НКВД. И она выправила документы на Ленинград, где у нее жила сестра. В Ленинграде она стала работать продавщицей в продуктовом киоске. Но тут ее, неопытную, наивную, постигла катастрофа. Ей какие-то воры из непосредственного начальства приписали недостачу, в результате чего она, уже болея туберкулезом, оказалась в тюрьме. Потом еще долго болела и умерла. Так кончилась эта семья подвижников. Осталась только Кира Петровна, которая до сих пор живет в Петербурге, с ней и ее сыном Толей мы дружим до сих пор.*

Мне очень хочется поговорить о муже Татьяны Евгеньевны Николае Николаевиче Пенькине. Он жил в Печорах. Окончил Таллиннский педагогический институт и приехал учителем в Печорский край, в глухомань, в де-

* Когда рукопись была в наборе, нам стало известно, что Кира Петровна Дезен погибла 1 августа 1997 г. Она гостила у своих дальних родственников под Москвой. Накануне исповедовалась и спешила на вокзал, чтобы ехать в Троице-Сергиеву Лавру причаститься. Увидев подхитившую электричку, не поняв, что она проходная, К.П. побежала через рельсы и осталась под поездом.

ревню Шумилкино. Жил наравне с крестьянами в самых примитивных условиях. Во второй половине 1930-х годов пригласил он несколько человек из Таллинна на зимние дни Движения в деревню Шумилкино. Стоял мороз в 30 градусов. Он нас встречал на двух дровнях. Были приготовлены полости и шубы. Мы с криками и хохотом рухнули в сено, закрылись шубами, и полозья заскрипели. Коля был в своем обычном демисезонном драповом пальто. Но время от времени перебежал от своих саней к нашим, и на ходу крича, подбадривал нас и веселил какой-нибудь шуткой. Достаточно уже было взглянуть на его прекрасное улыбающееся лицо, в необыкновенные зеленые глаза, послушать всегда немного подтрунивающий голос, чтобы настроение поднялось и красота бескрайних снежных полей снова довлекла над очень уж крепким морозом.

В Шумилкине нас окружили молодые крестьянские ребята — все ученики Николая Николаевича. Они были к нему привязаны точно так, как и вся наша таллиннская Дружина. Он им был и отцом, и другом, и наставником. Все его выступления и реплики они слушали буквально затаив дыхание. За очень короткое время он из этих совсем простых крестьянских юношей и девушек сделал думающих, пытливых людей. У всех у них были разные характеры, часто разные интересы, но это уже были личности, каждая со своими запросами, каждая с уже намечавшейся дорогой. И мы, городские, поднатревшие в разного рода дискуссиях и прениях, с интересом, на равных, вели с ними споры, часто вынужденные уступать перед их свежей логикой и здравым смыслом. Так Коля готовил молодежь для России. Все мы пытались думать в этом направлении. Но Николаю Николаевичу это удавалось по-настоящему. Свое огромное дело он творил как будто между прочим, незаметно, всегда посмеиваясь, подшучивая, поддразнивая. Никто не оставался за кругом его внимания. Мне он писал письма много лет подряд. Я тогда болела грустной любовью, а он был очень против этого романа без будущего и всячески пытался меня от него отвлечь и отговорить.

Это при всей его занятости. Удивительные были люди движенцы.

Очень освещали своим участием наши общедвиженческие собрания Михаил Александрович Ридигер и его сестра Елена Александровна, по мужу Гизетти. Брат и сестра были очень похожи друг на друга. На бледном красивом лице огромные лучистые глаза, добрая, какая-то заранее все прощающая улыбка, тишина, спокойствие, скромность. Они были внимательны и ласковы ко всем без исключения, иначе они не умели. Оба были еще молоды в 1930-е годы.

У Михаила Александровича рос в это время маленький сын. Лицом он был похож на мать — она была красивой брюнеткой с мелкими чертами лица и очень пристальным взглядом черных глаз. Алеша был прелестным, отлично воспитанным мальчиком. Появлялся он у нас в Движении в те годы в коротеньких синих штанишках, в великолепно отутюженной белой рубашечке. В основном вижу его именно таким. Он уже в детстве построил себе в сарайчике (жили они за городом) что-то вроде часовни и постоянно справлял там «службу». Видно, что уже тогда ясен был ему его путь. Теперь Алексей Ридигер — Патриарх Всея Руси Алексей II. Да простит мне Его Святейшество легкость тона моих о нем воспоминаний. Но я, невзирая на разницу в годах, так близка была с его тетей, его отцом, так долго дружу с его двоюродной сестрой, что позволяю себе эту смелость.

Важным делом Движения была организация приездов известнейших профессоров и богословов. Кто только не читал в нашем городе публичных лекций, всегда собиравших полный зал.

Надо отдать должное эстонским властям — они ни в чем не мешали нашей деятельности. Они свободно разрешали все наши многочисленные съезды, они совершенно не препятствовали въезду в Эстонию зарубежных лекторов, понимая, наверное, что чем больше мы заняты такими «безобидными» делами, тем лучше и для нас и для них.

Событием для всего русского Таллинна были не лекции, а скорее проповеди еще совсем молодого отца Иоанна Шаховского. Проходили они всегда в нашем огромном кафедральном соборе. Причем высокая кафедра ставилась в середине собора, так что его фигура возвышалась над всей толпой. Голос у отца Иоанна был негромкий, но почему-то всюду был слышен. Верно, акустика в соборе была очень хороша. Его вдохновенный облик и вдохновенные слова, то, как он сам загорался, говоря о самом для себя важном и нужном, трогали всех. Совершенно непонятно, как эти тысячи людей могли выстоять в невероятной тесноте, подобной той, что бывала на заутрене, на очень длинных, иногда многочасовых его проповедях.

Останавливался отец Иоанн в семье таллиннских купцов Малаховых, тоже членов Движения. Целыми днями в своей маленькой комнате он подолгу, нисколько не спеша, беседовал с каждым, ожидавшим его совета, наставления и благословения. Очередь таких людей не иссякала до самого момента отъезда в собор.

Василий Васильевич Зеньковский, председатель всего Движения, был в каждом его отделении своим человеком. Приезжая к нам из Парижа, он, помимо того, что читал публичные лекции, участвовал в наших общих собраниях, тут уже просто беседа со всеми нами собравшимися. Он входил во все наши дела, интересовался всеми мелочами, направляя нас в ту или иную сторону. Он прямо светился добротой, простотой и уютом.

Профессор Бердяев тоже приезжал не раз. Но для многих из нас — зеленой тогда молодежи — лекции его были слишком умными, слишком сложными, одним словом, были нам с трудом доступны. И сам он, более для всех закрытый, оставался далеким светилом. Иван Александрович Ильин при всем своем блестящем красноречии и изяществе тоже был как-то далек от нас. А вот круглый, веселый, всегда улыбающийся сквозь очки Владимир Николаевич Ильин был всем доступен, и в Движении на наших собраниях с ним было просто и интересно.

Ну а Александр Иванович Никитин, который много занимался в Прибалтике организаторской деятельностью, был у нас своим человеком. Кстати, латвийские власти в 1930-е годы запретили ему даже въезд в свою страну. Наверное это совпало с закрытием Латвийского Движения. К нам же он продолжал наезжать. Своим человеком был и секретарь по Прибалтике, присланный к нам из Парижа, Иван Аркадьевич Лаговский. Он жил в Тарту, но часто приезжал в Таллинн и направлял всю нашу работу. Очень интересовался молодежью, жизнью нашей Дружины, знал большинство из нас по именам. Так и вижу его сутулую фигуру, сидящую среди нас, его длинные, всегда жестикулирующие руки, слышу его милое, ничуть нам не мешавшее заикание. Он говорил часто и подолгу, втолковывая недоступные нам тогда истины; мы с ним даже спорили, что-то доказывая, он сердился и налетал на нас все с новыми и новыми доводами. Очень это было интересно и поучительно.

С огромным успехом выступал в Таллинне Борис Петрович Вышеславцев. Все, что он говорил, было умно, красиво и захватывающе интересно. Он был блестящим оратором. Весь его вид, каждый жест, производили на слушателей завораживающее впечатление. Может быть, любясь им, мы подсознательно пытались удержать для себя вскоре стремительно исчезнувшую из жизни красоту, изящество, тонкость. Не помню уж почему, никто из старших не пришел на вокзал его провожать. А мы, три гимназистки — Аля Кашнева, Ляля Грауэн (впоследствии известная миланская певица Агости) и я, пришли и осмелились войти к нему в купе. Он нас усадил, и мы довольно долго поговорили, причем у меня осталось впечатление, что он, пользовавшийся, наверное, постоянным успехом, был, тем не менее, доволен такими проводами. Он даже пошутил, перефразируя Вертинского: ...и три гимназистки, как ласточки, провожают меня на концерт.

А добрый, мудрый и какой-то трогательный Лев Александрович Зандер! Как и все перечисленные мною профессора и богословы, жил он тоже в Париже.

Несмотря на свою постоянную душевную муку (его дочь была от рождения инвалидом), а может быть отчасти и вследствие этого, он умел ласково коснуться каждой души, в каждого влить нужные ему силы, передать ему хоть малую толику своей веры, уверенности и твердости.

Публичные выступления наших дальних парижских руководителей составляли неотъемлемую, а вернее, главнейшую часть культурной жизни русского населения Таллинна.

Сейчас, возвращаясь на десятки лет назад, я вижу, что не было в нашем Движении никакого ханжества, никакого давления сверху. Кто хотел, тот ходил в церковь. Не хотел — не ходил. Некоторых интересовала не так религиозная философия, как тема патриотическая, других — русская литература, третьих — иконопись. Все находили в нашей общей жизни свое место, и всем было легко и привольно под руководством, даже не под руководством, а под доброжелательной опекой, наших самоотверженных руководителей.

Рига, 1996

В виде добавления

О Клавдии Николаевне Бежаницкой

И еще об одном человеке, близком всем движенцам Эстонии, не могу не рассказать. Это Клавдия Николаевна Бежаницкая, одна из первых в России женщин-врачей, без устали работавшая по специальности в Тарту. Всеми ценяемая и всеми уважаемая. Это она создала в Тарту службу фтизиатрии. Без конца лечила легочных больных, а вылечив или подлечив, еще помогала встать на ноги. Дом ее в Тарту был открыт для всех несчастных и неустроенных, не говоря уже о нас — движенцах. Кто только не ночевал у нее — и не ночь, и не две.

В 1940 г. расстреляли ее зятя Ивана Аркадьевича Лаговского — секретаря Движения в Прибалтике. А дочь Тамару вывезли в Сибирь. Мать изыскивала все возможности, чтобы отправлять ей посылки, да и не только ей,

а всем, кого она знала или даже о ком только слыхала. Она ездила из Тарту в Печоры и отправляла оттуда сразу целую партию посылок. В то время, когда мой муж, будучи арестован в Риге, находился в лагере в Молотовской области, Клавдия Николаевна приехала ко мне в Ригу и тут же предложила взять с собой для него пакет, с тем, чтобы отправить его из Печор. В больших городах посылки не принимали. А приехала она не то чтобы специально ко мне, но главным образом, чтобы найти семью своей не очень-то и близкой знакомой. Та работала на селекционной станции под Ригой, была арестована и вывезена. Клавдия Николаевна решила взять к себе ее двух дочерей и престарелую сестру.

— Почему же нет? Квартира у меня большая, заработок приличный. Дети будут в Тарту учиться, а здесь они без присмотра. Тетка ни к чему не приспособленная; жить им не на что.

Мало того. Дочь Клавдии Николаевны вернулась, если не ошибаюсь, в 1946 г., а когда в 1949 за ней пришли снова, а теперь уже и за Клавдией Николаевной, доктор, уже очень немолодая, потребовала, чтобы с ней вместе взяли и всю эту семью — и девочек, и тетку. Она будет и в ссылке их содержать, а здесь они пропадут. И содержала, и вырастила. Вернулась из ссылки по-прежнему бодрая, всегда со сверкающими, смеющимися глазами, всех умевшая понять, приласкать, подбодрить.

Рига, 8.07.98

Поездка в Германию

Летом 1936 г. Русское Студенческое Христианское Движение отправило меня в Германию, в Дассель, на всемирную экуменическую конференцию. Уже тогда, в тридцатые годы, жила идея объединения всех христианских церквей. Меня отправляли в единственном числе и только потому, что я говорила и по-немецки, и по-английски.

Совершенно не помню пути через Ганновер в Дассель. Но саму конференцию помню хорошо. Народу собралось много. Большинство, конечно, были немцы, но были представители многих стран и церквей. Не помню католиков, не было и сектантов. Была представлена англиканская церковь, из Америки приехал прелестнейший Павел Францевич Андерсон, было много православных греков. Помню молодых представительниц православной Болгарии и Югославии. Русское православие было представлено Парижем. Возглавлял делегацию, как и всегда и всюду, профессор Богословского Института, тогда еще не принявший сан, Василий Васильевич Зеньковский. Владея немецким, он и тут нередко выступал, зачастую председательствовал. Из Парижа же был профессор Зандер. И он знал великолепно все европейские языки и слушать Льва Александровича было, как всегда, очень интересно. Присутствовала еще, всегда молчавшая, дочь духовного руководителя Движения А.С. Четверикова и из Берлина Виген Нарцисьян. Председателем всего мирового экуменического движения был тогда, да и десятки лет спустя, Visser't Hooft. Необычайно простой и всем доступный, веселый, общительный, он и на такую пичугу, как я, обратил свое внимание. Должно быть, чтобы подбодрить, придать храбрости. Мы с ним, если можно так дерзко сказать, даже подружились; гуляли по богатому с нашей северной точки зрения лесу, где встретили небольшую группу лосей, которые неторопливо ушли от нас подальше в чащу. Туфт потом писал мне в Таллинн, и даже прислал несколько фотографий (они и сейчас у меня хранятся), но когда он, где-то, скорее всего, в начале семидесятых, приехал все в том же статусе в Ригу, я не решилась ему о себе напомнить. Вряд ли бы мое начальство такой визит очень поощрило.

На конференции каждый день, кроме докладов и дискуссий, проводилось тут же на поляне в лесу, где мы заседали, какое-нибудь богослужение. Особенное впечатление произвели на меня греки с их удивительным, очень отличающимся от нашего, страстным многоголо-

сым пением. Но самым большим переживанием, именно переживанием, я могу назвать поездку всех участников в недалеко расположенную протестантскую церковь. Я и до того, живя в лютеранском Таллинне, нередко бывала в их церквях. Но это было что-то совсем другое. Почти до отказа заполненный храм. Служба была в неурочное время, и присутствовали только мы, участники конференции. Но это ощущение полного слияния разноязычных людей разных вероисповеданий в общей молитве было совершенно особенным. В церкви царило не просто воодушевление, а, я бы сказала, восторг от этого общего взывания к Богу. И это настроение еще долго нас не покидало.

* * *

После окончания конференции я была приглашена начальником юношеской дружины берлинского Движения Владимиром Сергеевичем Слепьяном в их летний лагерь. Лагерь этот был расположен в густом сосновом лесу на берегу прелестного озера. В отличие от наших лагерей, он был, с моей точки зрения, излишне военизирован. Каждое утро и каждый вечер дружина выстраивалась и по команде «смирно» ее обходил начальник лагеря со своим заместителем. Поднималось и спускалось знамя. И с мальчиками, и с девочками занимались муштрой. «Лечь», «встать», «бегом марш» и т.д. Спали мы все в палатках. Мне, как гостье, была предоставлена совсем маленькая, но одиночная палатка. Утром после побудки все бежали на озеро мыться или купаться. А дежурные на кухне готовили завтрак. Ели мы сидя на длинных скамейках, у столов, грубо срубленных нашими же мальчиками. Для меня все это было внове. Наши лагеря всегда размещались в школах, ели мы в школьной столовой и готовили на плите в кухне, а не на кострах. Утром и вечером бывала в слепьяновском лагере молитва. Нередко кто-нибудь выступал с каким-нибудь сообщением. У меня осталось впечатление, что наши лагеря были более насыщены умственной работой, как

теперь бы сказали, были более интеллектуальными. У нас был распланирован заранее каждый день: каждое утро доклад и обсуждение, каждый вечер семинар. В последнее воскресенье общее причастие. Но нами руководили опытные самоотверженные люди — такие, как вся семья Дезенов, Коля Пенькин, Слава Чернявский, В.С. Слепьян же был один. И вокруг него несколько беззаветно преданных ему совсем зеленых юношей. Кроме того, Слепьян был прежде всего военным. Он преследовал совсем другие цели. Его лагерь носил скорее скаутский характер — строй, спортивные соревнования, ночные игры. Теперь я думаю, что он сознательно готовил молодежь для сопротивления большевикам; не так интеллектуального, а именно военного. Я не знала никого из берлинского Движения и поэтому не могу объяснить, почему эту огромную работу он вел совершенно один. Он был великолепный организатор, был строг, подтянут, с большим чувством юмора, очень неглуп. Бедный Слепьян. В какой-то момент, уже во время войны, наше НКВД умудрилось его арестовать и, кажется, расстрелять. Ходили такие слухи — точно не знаю. Но одно ясно, что он погиб.

Запомнился еще один день. Перед самым закрытием лагеря бывший генерал Белой армии Бискупский приехал к нам проводить смотр. Генерал решил тряхнуть стариной и вел себя, как на армейском плацу. Сосредоточенно, резко, подчеркнуто деловито. Ударяя от времени до времени стэком по высокому сапогу, прошел он вдоль всего строя и, приняв парад, сразу отбыл. Это единственное неприятное воспоминание за мое месячное пребывание в лагере.

12.XII-1983

Запись из дневника

Понедельник 10 мая 1982¹

...Вчера вечером, за ужином у Хопко (jour des mères), рассказ Фомы² об его богословских спорах с С.С. В-ским. Тоже что-то трагически безнадежное, бессмысленное, и главное — злое это обличение, этот тон возмущения, непримиримости — и о чем? О том, является ли Дух Святой «ипостазированной» жизнью или же жизнь — это Сын... Пример такого богословия: «Все атрибуты, о которых нет явного свидетельства Писания — к какому Лицу Троицы они относятся, должны быть автоматически отнесены к Отцу...». Богословская гоголевщина.

Но одновременно со всем этим, — все чаще странное чувство: чувство отрешенности, на глубине — свободы от всего этого «напряжения». Слово уже не касается оно меня, словно я уже по ту сторону какого-то гребня, не до конца — участник этих бурь. Еще совсем недавно они были моей жизнью, и я мучительно ощущал их как долг, как ответственность. И вот это бремя как бы тает, превращается в объект скорее — созерцания, но извне, не изнутри... Гордыней было бы сказать по-ходасевически: «...И небом невозбранно дышит почти свободная душа...». Нет, увы, не небом еще, но уже и не суетой житейской, не муравьиной борьбой, не ее приливами и отливами... Что это — старость? Если да, то я иногда чувствую своего рода прикосновение ее «блаженности».

Гордыня, плоть, леность: триединый источник греха, три основных измерения падшести мира и жизни. И разрушаются они только Божественной любовью, изливаемой в сердца людей: любовь-смирение, любовь-чистота, любовь-делание. «Аще любите Меня...»

«Сами себя и друг друга и всю нашу жизнь...»

¹ 4 месяца до диагноза болезни.

² О. Фома Хопко, зять о. Александра, ныне декан Св. Владимирской семинарии.

ПОХИЩЕНИЕ ГЕНЕРАЛА Е.К. МИЛЛЕРА*

Напомним коротко факты 57-летней давности, которые знали в то время, кажется, все, кто читал парижские газеты...

...Сразу после полудня 22 сентября 1937 года председатель РОВС генерал Миллер вышел из здания Управления Союза на рю дю Колизе в Париже. Перед этим он зашел в кабинет начальника Канцелярии РОВС генерала П.А. Кусонского и протянул ему конверт:

— У меня сегодня много беготни, — сказал он. — Сейчас я должен ехать на свидание и на завтрак... Не считите меня за сумасшедшего, но я оставляю на всякий случай записку, которую прошу не вскрывать.

С тех пор никто и никогда Е.К. Миллера в Париже не видел. Только вечером встревоженные близкие и сослуживцы подняли тревогу, стали искать, вызвали в Управление из дома генерала Кусонского, который только тогда вспомнил о таинственном конверте. В нем была короткая записка:

У меня сегодня в 12.30 час. дня ранде-ву с генералом Скоблиным на углу рю Жасмен и рю Раффе, и он должен взять меня на свидание с немецким офицером, военным агентом в Прибалтийских странах — полковником Штроманом и с г. Вернером, состоящим здесь при посольстве. Оба хорошо говорят по-русски. Свидание устроено по инициативе Скоблина. Может быть это ловушка, на всякий случай оставляю эту записку. Генерал Е. Миллер. 22 сентября 1937 г.

* Перепечатка из журнала «Дворянское Собрание» № 2 за 1995 год. Генерал Миллер был не только председателем Русского Обще-Воинского Союза, но и членом Русского Христианского Студенческого Движения, как и его зять о. Александр Чекап. Сведения о судьбе генерала Миллера стали известны семье более чем через полвека после его похищения.

Вскоре в Управление был привезен генерал-майор Николай Владимирович Скоблин — один из видных деятелей РОВС, фактический начальник его контрразведки. На вопрос собравшихся, когда и при каких обстоятельствах он видел сегодня генерала Миллера, Скоблин заявил, что вообще не видел его в этот день. Даже узнав, что существуют доказательства, Скоблин продолжал стоять на своем. Было решено всем вместе — начальникам, находившимся в Управлении: генералам Кусонскому и Скоблину и адмиралу Кедрову — идти в Парижскую полицию и официально заявить об исчезновении председателя РОВС. Спускаясь по лестнице вниз, Кусонский и Кедров немного замешкались, Скоблин шел впереди. Когда двое отставших вышли, наконец, на улицу, оказалось, что последний исчез. С того момента никто и никогда не видел здесь также и генерала Скоблина.

Полицейская машина поиска и дознания сразу же заработала в полную силу — Е.К. Миллер был заметной фигурой в Париже. И сразу же выяснилось множество любопытных и неожиданных фактов и обстоятельств, которые определенно указывали на то, что бывший командир прославленного Корниловского полка, герой гражданской войны генерал-майор Н.В. Скоблин и его жена, известная певица, исполнительница русских народных песен Н.В. Плевицкая, — «большевизаны», как тогда говорили, и самые настоящие тайные советские агенты.

Полиция установила ряд подозрительных фактов. Около часа дня от здания советской школы в Париже отъехал принадлежащий советскому полпредству мощный грузовой «форд» и направился в Гавр. Около 4 часов дня грузовик был замечен у стенки Гаврского порта, где стоял под разгрузкой советский пароход «Мария Ульянова». Таможенным властям был предъявлен сертификат на «дипломатический груз», и четыре советских матроса с судна (а не французские грузчики, как бывало обычно) перенесли из кузова грузовика на борт судна тяжелый продолговатый ящик. Портовым властям пока-

залось странным, что, сразу же после прибытия «дипломатического груза», с парохода прекратилась выгрузка бараньих кож (из привезенных 5522 туков было выгружено меньше пяти тысяч), капитан сослался на полученный приказ немедленно возвращаться, и «Мария Ульянова» отошла от портовой стенки.

О таинственном ящике и спешном уходе советского судна было доложено в Париж, где этот факт сопоставили с известием об исчезновении генерала Миллера. Французское правительство срочно пригласило советского полпреда во Франции В.П. Потемкина. Ему посоветовали попросить Москву срочно возвратить «Марию Ульянову» в Гавр. Последовал отказ. Тогда возникла мысль послать вслед за судном французский миноносец, чтобы задержать его. Но в правительстве боялись ошибиться, колебались, и время ушло. Так и осталась в то время неразгаданной тайна «дипломатического груза», отбывшего в СССР из Гавра на борту «Марии Ульяновой».

А через несколько месяцев в зале парижского Дворца Правосудия начался судебный процесс по делу о похищении генерала Миллера. Скоблин был в бегах и обвинялся заочно, Плевицкая, как сообщница, сидела на скамье подсудимых. Оба были признаны виновными в полной мере — доказательств преступления оказалось более чем достаточно. Он был приговорен заочно к пожизненной каторге, она — к 20 годам каторжных работ. После безуспешных попыток защиты пересмотреть приговор, Плевицкую отвезли в каторжную тюрьму в Ренн, где она и скончалась в октябре 1940 года. Перед смертью Плевицкая попросила приехать к ней полицейского комиссара из Парижа и подробно поведала ему о том, о чем умолчала на суде, — как Скоблин выдал своего начальника советским агентам...

Вот и все, что было известно до сего времени об этом деле. Фактически оба генерала просто исчезли, об их судьбе с тех пор не было ни одного достоверного известия. И только сегодня, через 57 лет, мы можем продолжить документированный рассказ и о Евгении Карловиче Миллере, и о Скоблине.

Итак, что же случилось после памятного дня 22 сентября с интересующими нас людьми?

У нас нет возможности рассказать о жизни генерала Е.К. Миллера после его похищения день за днем. Нескольких документов, сохранившихся лишь благодаря случаю, а может быть и чуду Господню — об этом мы еще скажем в свое время — дают только отрывочные представления о крестном пути генерала. Предоставим же слово этим документам — заявлениям самого Миллера, его письмам, которые, как генерал надеялся, будут доставлены близким ему людям, последним распоряжениям властей, поставившим точку на долгой и славной жизни Евгения Карловича.

Е.К. Миллер, как мы помним, был похищен в среду 22 сентября 1937 года. А уже в следующую среду, 29 сентября, он вручил своему следователю во время первого допроса во внутренней тюрьме на Большой Лубянке торопливо написанный карандашом лист бумаги и попросил немедленно отправить его жене в Париж.

Вторник 29 сентября

Дорогая Тата,

Крепко тебя целую, не могу тебе написать, где я, но после довольно продолжительного путешествия, закончившегося сегодня утром, хочу написать тебе, что я жив и здоров и физически чувствую себя хорошо. Обращаются со мной очень хорошо, кормят отлично, проездом видел знакомые места. Как и что со мной случилось, что я так неожиданно для самого себя уехал, даже не предупредив тебя о более или менее возможном продолжительном отсутствии, Бог даст когда-нибудь расскажу, пока же прошу тебя поскольку возможно взять себя в руки, успокоиться, и будем жить надеждой, что наша разлука когда-нибудь кончится...

О себе, конечно, ничего писать не могу. Скажу только, что вышел я из Управления около полудня без пальто, так как было тепло, и я предполагал через час-полтора вернуться. Здесь, где я

нахожусь, хотя погода отличная, но все же уже свежевато; мне дали отличное новое пальто, новую фуфайку, кальсоны и шерстяные носки. Так что и в этом отношении можешь не беспокоиться. Я надеюсь, что смогу указать адрес, по которому можешь дать мне сведения о здоровье своем, детей, внуков...

Крепко тебя, мою дорогую, целую и молю Бога, чтобы вся эта эпопея закончилась благополучно.

Горячо любящий тебя

(подпись).

В ближайшие дни генерал, помещенный в наиболее строго охраняемую одиночную камеру № 110, вероятно, еще надеялся, что ему удастся дать знать о себе и успокоить близких. Он пишет письмо (на такой же бумаге и, видимо, тем же карандашом) начальнику Канцелярии РОВС генералу Кусонскому:

20-30.IX-1937 г.

Дорогой Павел Алексеевич,

Сегодня прошла почти неделя, когда я, прощаясь с Вами в начале первого часа дня, передал Вам письмо, прося его прочесть, ежели я часа через полтора-два не вернусь. Было у меня какое-то подсознательное предчувствие, что меня НВС* увлекает м.б. на что-то опасное. Но, конечно, ничего подобного происшедшему я не ожидал и в мыслях не имел. Писать Вам о том, что и как произошло тогда во вторник, како и где я нахожусь сейчас, я, конечно, не могу, ибо такого содержания письмо несомненно не было бы Вам послано. Совершенно я не знаю, что и как произошло в Париже после того, как я «выбыл из строя». Хочу же написать Вам только по вопросам частного и личного характера, касающимся других лиц, совершенно непричастных ни к какой политике...

* Н.В. Скоблин.

Текст заканчивается словами: «Будущее в руке Божией. Может быть когда-нибудь и увидимся еще. Искренне Ваш ген. Миллер».

Не стану приводить все письмо целиком, это заняло бы слишком много места. В нем — только сведения о незаконченных делах благотворительности РОВС. Е.К. Миллер тревожится, «чтобы не забылось, не затерялось». Вот несколько абзацев из деловой части письма председателя РОВС начальнику своей канцелярии.

Вл. Ник. Лабзин живет (далее следует адрес по-французски). Я обещал для его внука доплачивать ежемесячно из стипендиальных денег по 150 фр. к тем 350, которые он сам обещал платить. В среднем ящике моего письменного стола дома Вы найдете конверт с подписью Стипендиальные дела, и в нем 100 фр.

...Я обещал 300 (или 350 не помню — должно быть записано в отделе о стипендиальных делах в коричневой тетради) г-же Родионовой за ее сына. Ее благодарственное письмо я получил за несколько дней до моего выбытия из строя, и думаю Вы его найдете либо в толстой желтой папке, либо в папке Сергиевского.

...Затем я еще кому-то обещал франков 200 в месяц, кажется ротмистру Андерсону — запись должна быть в коричнево-красной тетради в рубрике «Стипендиальные деньги». Вот что касается твердо обещанных стипендий по корпусу.

...Затем ко мне числа 14 или 15 обратился с личной просьбой — чина не помню, фамилия вроде Шпилевский за двух кадет, своего сына и другого родственника, указывая на боевые заслуги в Великую войну отца последнего. Так как у меня денег уже не было, то я ему сказал подать мне письменное мотивированное прошение, с которым я мог бы обратиться к кому-либо из имущих русских. Я имел в виду графа Пав. Коцебу, недавно женившегося на какой-то германской принцессе;

его брат бывший улан Ее Величества скромно живет в Париже, личным трудом зарабатывает себе на хлеб насущный. Адрес гр. Коцебу мне приискал полковник Скуратов и у него всегда можете его спросить.

Бумагу Шпилевского я получил только в понедельник 20-го или вторник 21-го и потому гр. Коцебу написать не успел. Сделайте это за меня и от моего имени. За двоих придется приплачивать в месяц франков 600-650. Другой богач, на которого мне указали около месяца тому назад, и который довольно щедро готов помогать неимущим русским, это некто Чихачев. Он был произведен в конце войны в Кавалергардский полк, но в полк не явился (почему — не знаю) и в полковом объединении Кавалергардов не состоит. Вследствие какого-то изобретения и участия в каких-то делах он стал очень богатым человеком, имеет какую-то контору в Лондоне. Его адрес у меня был... не помню. Но думаю, что если совершенно доверительно от моего имени обратитесь к моему двоюродному племяннику Георгию Романовичу Миллеру, служащему в ресторане Корнилова, то он для меня не откажет Вам сказать точный адрес. Может быть Коцебу не согласится дать всей нужной суммы, тогда бы хорошо было поделить деньги, нужные для обоих мальчиков, за которых просит Шпилевский, между Чихачевым и Коцебу.

Теперь еще серьезный вопрос о оплате за помещение Корпуса, 1-го октября нужно платить 5000 франков нотариусу... Вероятно, он уже заявлялся к Вам. Деньги эти имеются (*далее следует указание, в каких папках и конвертах лежат те или иные денежные документы или наличность.* — Прим. Б.К.).

Таким образом, этот платеж можно считать обеспеченным с избытком. Избыток в размере 1000 франков предназначался мною для уплаты по личному моему векселю, срочному 15 октября и выданному адвокату, ведущему дело Вонсяцко-

го против нас. На всякий случай переписка его со мной, кажется, тоже находится в папке (желтой) Корпуса-Лицея. Когда он выиграл процесс о выселении Корпуса-Лицея из дома, принадлежащего Вонсяцкому, то по окончании всяких сроков и апелляций я заключил мировую о выезде в половине июля, что мы и исполнили, и выплате ему 3500 фр. в разные сроки: 2500 фр. ему уже выплачены, а векселя мои, обусловившие платежи, мне последовательно были возвращены. Остался один вексель на 100 фр. сроком 15 октября.

Я бы ничего не имел против — по поговорке «нет худа без добра» хотя бы в этом случае использовать мою невольную безвестную отлучку, чтобы этому «оберфашисту» причинить маленькую неприятность за все зло, которое он причинил Корпусу-Лицею. Пусть ждет получения денег до моего возвращения или ищет меня по Божиему Свету. Ввиду моей вынужденной отлучки никто не обязан ему платить за меня по моему векселю, а к тому времени на моих счетах в банках, вероятно, не останется и ста франков. Квартиры же у меня нет. Пусть это станет маленькой улыбкой судьбы среди той грозы, которая разразилась надо мною.

Из этих первых писем видно, что Е.К. Миллер продолжает жить интересами своей семьи, живо интересуется делами РОВС, заботится, чтобы его отсутствие не сказалось бы отрицательно на деятельности организации. Он еще надеется завязать хоть какую-то связь с внешним миром. Но больше всего его заботит состояние здоровья жены, которой он не может сообщить о том, что жив и здоров.

Известно, что 4 ноября 1937 года, видимо, убедившись в том, что его первое письмо к жене так и не отправлено, он пишет начальнику тюрьмы заявление с просьбой хотя бы кратко известить жену, что он жив, и тем успокоить ее... Просьба эта, разумеется, была напрасной.

...В те же самые дни другой исчезнувший из Парижа генерал — Скоблин — тоже обращается с письмом и тоже к человеку, в чьих руках находится. Просьба та же — помочь его жене. Мы не знаем, где это письмо было написано, но можно предположить, что Скоблин, сбежав с помощью своих хозяев из Парижа, жил где-нибудь под Москвой, подобно Сергею Яковлевичу Эфрону, мужу Марины Ивановны Цветаевой, также бежавшему из Франции после похищения генерала Миллера. Оказалось, что и он сотрудничал с НКВД и каким-то образом был связан с «делом председателя РОВС». Если Эфрона поселили под Москвой (это хорошо известно), то почему не могли сделать так и со Скоблиным? Однако, «режим» у последнего был, несомненно, гораздо строже. Вот письмо Скоблина, адресованное его начальнику в НКВД.

11.XI.37

Дорогой товарищ Стах!

Пользуюсь случаем, посылаю Вам письмо и прошу принять, хотя и запоздалое, но самое сердечное поздравление с юбилейным праздником 20-летия нашего Советского Союза.

Сердце мое сейчас наполнено особенной гордостью, ибо в настоящий момент я весь, в целом, принадлежу Советскому Союзу, и нет у меня той раздвоенности, которая была до 22 сентября искусственно создана.

Сейчас я имею полную свободу говорить всем о моем Великом Вожде Товарище Сталине и о моей Родине — Советском Союзе.

Недавно мне здесь пришлось пересматривать старые журналы и познакомиться с №1 журнала «Большевик» этого года. С большим интересом прочитал его весь, а статья «Большевики на Северном полюсе» произвела на меня большое впечатление. В конце этой статьи приводятся слова Героя Советского Союза Водопьянова, когда ему перед полетом на полюс задали вопрос: «Как ты полетишь на полюс, и как ты там будешь

садиться? А вдруг сломаешь — пешком-то далеко идти?»

«Если поломаю, — сказал Водопьянов, пешком не пойду, потому что у меня за спиной сила, мощь: Товарищ Сталин не бросит человека!».

Эта спокойно сказанная фраза, но с непреклонной верой, подействовала и на меня. Сейчас я тверд, силен и спокоен, и тоже верю, что Товарищ Сталин не бросит человека.

Одно только меня опечалило, это 7-го ноября, когда вся наша многомиллионная страна праздновала этот день, а я не мог дать почувствовать «Васеньке»* о великом празднике.

Не успел оглянуться, как снова прошло 2 недели со дня Вашего отъезда. Ничего нового в моей личной жизни не произошло.

От безделья и скуки изучаю испанский язык, но полная неосведомленность о моем «Васеньке» не дает мне целиком отдаться этому делу.

Как Вы полагаете, не следует ли Георгий Николаевичу теперь повидаться со мной и проработать некоторые меры, касающиеся непосредственно «Васеньки»?

Я бы мог дать ряд советов чисто психологического характера, которые имели бы огромное моральное значение, учитывая почти 2-х месячное пребывание в заключении и необходимость ободрить, а главное успокоить.

Крепко жму Вашу руку.

С искренним приветом Ваш
(подпись).

О судьбе Плевацкой мы уже говорили, НКВД, конечно, ничем и не пытался помочь ей. Напрасной была и «вера» Скоблина в то, что «товарищ Сталин не бросит человека». Нам неизвестна дальнейшая судьба Скоблина, возможно — пока неизвестна, но можно с уверенностью

* Семейное прозвище, а возможно и подпольная кличка Надежды Васильевны Плевацкой.

утверждать, что он прожил не дольше, чем человек, которого он предал, — НКВД не оставлял в живых тех, кто слишком много знал. И снова сошлемся на аналогию с расстрелянным С.Я. Эфроном.

..Вернемся, однако, к генералу Миллеру. Можно предположить, что вскоре узник осознал степень своей изоляции и понял намерения своих тюремщиков. И все же надежды он не терял. Известно, что осенью в его камере ведутся допросы. Не будем домысливать, о чем шла речь. Из последующих документов кое-какие выводы об этом сделать можно.

27 декабря 1937 года в одиночную камеру № 110 явился лично нарком Ежов. И на следующий день генерал Е.К. Миллер направляет ему заявление:

28 декабря 1937 г.

Лично

ГОСПОДИНУ НАРОДНОМУ КОМИССАРУ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ С.С.С.Р. ЕЖОВУ

К сожалению, вчера во время нашего разговора я до последней минуты не знал, с кем говорю, и вопрос этот выяснился для меня лишь в момент Вашего ухода. Поэтому в разговоре нашем я не счел себя в праве касаться моих показаний следователю — какое отношение к его работе имеет Вы и Ваши спутники, я не знал..

Сейчас, когда положение для меня прояснилось, я, уже не опасаясь быть некорректным по отношению к следователю Н.П. Власову, могу довести до Вашего сведения, что кроме устных показаний о секретной работе с 30-го по 37-й год с моего ведома и одобрения особым лицом, мною для сего приглашенным, и на средства, специально для сего собранные, я по желанию следователя составил еще и записку с моими показаниями, касающимися Повстанческого Движения в С.С.С.Р. Эта записка была предъявлена мною следователю лично 10 октября при свидании. Признав ее неисчерпывающей, следователь оставил ее у меня с тем, чтобы я ее срочно дополнил некоторыми

сведениями, и обещал зайти за нею на следующий день 11 октября вечером. Но ни 11-го окт. ни позже следователь ко мне не приходил, и я его больше не видел, а записка с моими показаниями (стр. 1-12), как и дополнение к ней (стр. 13-18), до сего времени лежат у меня. Считаю своим долгом довести ее до Вашего сведения, тем более, что в ней имеются ответы на некоторые вопросы, слышанные мною вчера.

Письмо завершают повторные просьбы — сообщить о нем жене, разрешить пользоваться бумагой и пером, чтобы начать писать воспоминания, вернуть карманные часы, потому что из-за темного зимнего времени в камере невозможно понять, который час...

Сохранилась и переданная вместе с письмом 18-страничная записка с дополнением, из которой следует, что ни РОВС, ни сам генерал Миллер не имели ровно никакого отношения к организации и руководству повстанческим движением в СССР. В записке, написанной нарочито скупой, не содержится ни одного конкретного факта, не названо ни одного имени, адреса или даты. Понятно, почему следователь Власов не взял эту записку — для советских спецслужб она не представляла никакой ценности.

В конце записки говорится:

В моем показании я излагаю все, что у меня сохранилось в памяти. Никакой непосредственной связи с организацией повстанческих движений я не имел и вообще за эти 7½ лет бытности председателем РОВС слышал всего о двух крупных повстанческих движениях — в 1930 г. в Восточной Сибири и на Северном Кавказе в 1932 или 1933 годах — точно не помню...

Вот, практически, и все, что узнали чекисты от генерала Е.К. Миллера.

Из сохранившихся материалов видно, что секретный узник хоть и без особой надежды, но продолжал на-

стаивать на отправке жене хоть какой-то весточки о себе. Вот — несколько строк из его письма на имя Ежова от 30 марта 1938 года:

...Я решаюсь еще раз просить Вас исполнить мои просьбы, изложенные в заявлениях моих от 4 ноября и подтвержденные в моем обращении к Вам 28 декабря пр. г. и разрешить отправку моей жене хотя бы самого краткого письма с уведомлением, что я жив и относительно благополучен... Я так ярко вспоминаю, как тяжело страдала от неизвестности жена Ген. Кутепова, а с ней и все мы, хорошо знавшие его, рисуя себе картину всех тех ужасов и физических страданий, которые должны были ожидать его в Москве...

В этом письме Е.К. Миллер просит Ежова разрешить ему побывать в церкви. Он ссылается при этом на декларацию Советского правительства и даже на труды Ленина о «свободе вероисповеданий в СССР»:

В предположении, что заветы Ленина чтутся и соблюдаются его учениками и преемниками, нынешними распорядителями судеб русского народа, в полной власти которых я сейчас нахожусь, я решаюсь просить Вашего разрешения мне ответить на ближайшей неделе в одной из московских церквей по Вашему выбору.

Далее генерал добавляет:

Вопрос о нежелательности встретиться с кем-либо, кто мог бы меня узнать, мне кажется отпадает... У меня было очень мало знакомых в Москве, а теперь по истечении 20 лет смерть, эмиграция, высылки наверняка и последних знакомых унесли. Кроме того, я могу перевязать лицо повязкой, да и вообще мой современный облик штатского старика мало напоминает молодежавого 47-летнего генерала, каким я уехал из Москвы в 1914 году.

Надежды узника побывать в церкви оказались, конечно, напрасными. Не дождавшись ответа на письмо, Е.К. Миллер в середине апреля 1938 года вновь пишет Ежову.

НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА
С.С.Р. ГЕНЕРАЛЬНОМУ КОМИССАРУ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЕЖОВУ

Неполучение ответа на мою просьбу к Вам от 30 марта лишает меня надежды получить просимые посещения церкви, хотя бы лишь в течение одной недели во время Великого Поста.

Поэтому я, ссылаясь на мотивы, приведенные мною в вышеуказанном моем прошении, решаюсь дополнительно просить Вашего разрешения на передачу Его Высокопреосвященству Митрополиту Московскому приложенного при сем письма, в нем прошу Владыку, дабы я мог в чтении Евангелия и Библии найти столь нужное мне духовное утешение и получить некоторые сведения по Истории Церкви.

В случае Вашего согласия и готовности Владыки исполнить мою просьбу, прошу Вас не отказать в Вашем соответствующем распоряжении о доставке просимых мною Книг через начальника тюрьмы.

Вместе с тем, повторно прошу Вашего разрешения на предоставление мне права пользоваться бумагой и пером, хотя бы лишь для того, чтобы при чтении книг, полученных мною из тюремной библиотеки, делать краткие выписки в целях облегчения усвоения прочитанного...

16 апреля 1938 г.

Генерал Миллер.

К этому листу приложен еще один — послание Владыке Сергию.

Москва, 16 апреля 1938 г.

Ваше Высокопреосвященство, с разрешения Народного Комиссара Внутренних Дел обращаюсь к Вам с нижеследующей просьбой.

Будучи длительно изолирован от внешнего мира, я особенно болезненно ощущаю невозможность посещения церкви. Условия, при которых я покинул свой дом, не позволили мне взять с собой даже Евангелие, чтение которого, особенно в настоящие дни, было бы для меня большим утешением. Поэтому примите милостиво мою покорнейшую просьбу и подарите мне Евангелие на русском языке.

Был бы глубоко благодарен, если бы Вы нашли возможность подарить мне также «Историю церкви», хотя бы один из учебников, которым пользуются воспитанники Семинарий или Духовной Академии.

Все мое время я посвящаю чтению книг, получаемых из местной библиотеки, но был бы счастлив, если бы мог часть времени из немногих оставшихся мне лет (мне 71-й год) посвятить возобновлению и расширению моих познаний Библии и Житий Святых. Эти две книги я решаюсь просить у Вас, высокочтимый Владыко, во временное пользование на 2-3 месяца, а по прочтении обязуюсь их Вам возвратить.

Препоручаю себя святым молитвам Вашим, прошу Вас, глубокочтимый Владыко, верить чувствам искренней благодарности моей.

Вашего Преосвященства покорный
слуга раб Божий

Евгений.

Его Высокопреосвященству
Владыке Сергию,
Митрополиту Московскому.

И это послание, разумеется, не было передано адресату. Никакого духовного утешения Евгений Карлович не получил.

Последний по времени документ, написанный узником одиночной камеры № 110, который дошел до нас, датирован летом 1938 года.

Генерал-лейтенант Е.К. Миллер. Середина 30-х годов.

В собственные руки

НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА С.С.Р. ГЕНЕРАЛЬНОМУ КОМИССАРУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЕЖОВУ

На этих днях минуло 10 месяцев с того злополучного дня, когда, предательски завлеченный в чужую квартиру, я был схвачен злоумышленниками в предместьи Парижа, где я проживал как политический эмигрант по французскому документу, под покровительством французских законов и попечением Нансеновского Оффиса при Лиге Наций, членом коей состоит С.С.С.Р. Я ни одного дня не был гражданином С.С.С.Р. и никогда моя нога не ступала на территорию С.С.С.Р. Будучи тотчас связан — рот, глаза, руки и ноги — и захлороформирован, я в бессознательном состоянии был отвезен на советский пароход, где очнулся лишь 44 часа спустя — на полпути между Францией и Ленинградом.

Таким образом для моей семьи я исчез внезапно и бесследно 22 сентября прошлого года. Моя семья состоит из жены 67 лет и трех детей 38–41 года. Хотя в первые дни по прибытии в Москву я еще очень плохо соображал под влиянием исключительно сильной дозы хлороформа, мне все же ясно представлялось, какой удар, какое потрясение, какое беспокойство должно было вызвать мое исчезновение у моей жены и детей. Что я был похищен агентами Советской власти, в этом, конечно, никаких сомнений у моей жены быть не могло: пример Кутепова был слишком памятен, да и все эти 7¹/₂ лет со дня вступления моего в должность председателя Р.О.В. Союза, сколько раз возникали эти опасения и разговоры, причем положение пленника Сов. власти всегда рисовалось в самых ужасных красках, что ныне должно было вызвать у жены моей худшие опасения за

мою дальнейшую судьбу. Первое движение мое поэтому по прибытию в тюрьму было — дать знать моей жене, что я жив и здоров и пока что физически благополучен. Краткое письмо моей жене с этим известием я передал в начале октября допрашивавшему меня следователю. Не получив его обещания послать письмо по назначению, я в начале ноября передал Начальнику Тюрьмы при особом заявлении маленькую записку аналогичного содержания без подписи и без указания, где именно я нахожусь, прося добавить к моей записке какой-нибудь промежуточный адрес, по которому моя жена могла бы мне ответить о состоянии здоровья своего, детей и внуков.

Не получив никакого отклика на это заявление от 4-го ноября (как и на другие заявления от того же числа касательно похищенных у меня денег, принадлежащих другим лицам), я в личной беседе с Вами просил Вас настойчиво связать меня с моей женой, дабы ее успокоить относительно условий моего существования и самому получить сведения о ней и детях.

28 декабря в дополнение к личному разговору, а затем в конце марта и в апреле и моим заявлениям к Вам, я к Вам обращался вновь с этой просьбой, но никакого ответа не получил.

Прошло 10 месяцев и я ничего не знаю о моей семье и семья моя, видимо, ничего не знает обо мне.

Я вполне понимаю, что усердие не по разуму Ваших агентов, решившихся похитить меня с нарушением всех международных законов и поставивших Вас перед «совершившимся фактом», поставило Вас и все Сов. правительство в затруднительное положение и в необходимость впредь до нахождения приличного выхода из создавшейся обстановки, скрывать мое нахождение в С.С.С.Р., но все же я не могу не обратиться к Вашему чувству человечности — за что Вы

заставляете так жестоко страдать совершенно невинных людей — моя жена и дети никогда никакого участия в политике не принимали. Особенно же меня беспокоит состояние здоровья моей жены, всю жизнь страдавшей большой нервно-ностью, выражавшейся в болезненных приступах при всяком волнении и беспокойстве. Моя жена по матери своей — родная внучка жены А.С. Пушкина, урожденной Гончаровой, бывшей вторым браком за Ланским, и унаследовала, как и ее мать и сестры, большую нервность, свойственную семье Гончаровых... Меня берет ужас от неизвестности, как отразилось на ней мое исчезновение. 41 год мы прожили вместе!

...Никогда, ни в какие эпохи самой жестокой реакции ни Радищев, ни Герцен, ни Ленин, с историей которых я ознакомился по их сочинениям, изданным Институтом Ленина и Академией, не бывали лишены сношений со своими родными. Неужели же Советская власть, обещавшая установить режим свободы и неприкосновенности личности с воспрещением сажать кого-либо в тюрьму без суда, захочет сделать из меня средневекового Шильонского узника или второе издание «Железной маски» времен Людовика XIV — и все это только ради сохранения моего инкогнито?

Убедительно прошу Вас посмотреть на мою просьбу в данном случае с точки зрения человечности и прекратить те нравственные мучения мои, кои с каждым днем становятся невыносимее. 10 месяцев я живу под гнетом мысли, что я может быть стал невольным убийцей своей жены и все это вследствие своей неосторожной доверчивости к гнусному предателю, а когда-то герою гражданской войны в Добровольческой Армии...

Надеюсь, что Вы найдете время ответить и на другие вопросы и просьбы, содержащиеся в моих заявлениях и письмах. Надеюсь также, что Вы отнесетесь благожелательно ко всему вышеизло-

женному, я — ваш пленник — буду ждать с понятным нетерпением Вашего решения и приближающегося годового срока моего заключения.

27/VII 1938 г.

Генерал Миллер.

Можно только предполагать, как провел Евгений Карлович Миллер вторую половину 1938 года и первые месяцы 1939-го. У нас нет об этом никаких данных. Однако, точно известно, что судьба похищенного генерала решилась окончательно и бесповоротно весенним днем 11 мая 1939 года. Причем сделано это было в экстренном порядке в течение считанных часов.

Почему именно в этот день, а не двумя месяцами раньше, или тремя — позднее? Конечно, в архивных делах НКВД ответа на этот вопрос не найти. Но он напрашивается сам собой, если припомнить политические реалии начала мая 1939 года и в СССР, и в Европе. На этот период пришелся резкий поворот внешнеполитического курса СССР — 4 мая наркома по иностранным делам М.М. Литвинова, который был известен как сторонник сближения СССР с Англией и Францией и создания антигитлеровского альянса, сменил на этом посту В.М. Молотов. Это означало, что путь к соглашению СССР с Гитлером открыт. И если прежде было можно еще предположить, что когда-нибудь в какой-либо ситуации советским властям может пригодиться русский генерал, похищенный в Париже, то теперь такая возможность отпадала даже теоретически. Это и решило участь Е.К. Миллера.

11 мая 1939 года датированы три документа, сохранившиеся в архиве. Два из них написаны на разных и очень высоких бланках, но одной и той же рукой и даже одними и теми же зелеными чернилами. С большой долей вероятности можно предположить, что в середине дня или к вечеру 11 мая — по утрам советские учреждения тогда не работали — наркомвнудел Берия (Ежов к тому времени был уже устранен), получив срочные указания от Сталина или Молотова — кто другой мог

решить судьбу Миллера! — приехал к себе на Лубянку, вызвал Ульриха, и тут же дежурным секретарем были написаны две бумаги. Одну подписал Ульрих теми же секретарскими зелеными чернилами, Берия начальственным красным карандашом подмахнул другую, и был вызван комендант...

Документ первый:

На бланке «Народного Комиссара Внутренних Дел СССР» без номера, но с датой 11 мая 1939 года написано:

Только лично.

Начальнику внутренней тюрьмы ГУГБ НКВД СССР тов. Миронову

ПРЕДПИСАНИЕ

Предлагаю выдать арестованного Иванова Петра Васильевича, содержащегося под № 110, коменданту НКВД СССР тов. Блохину.

Народный Комиссар Внутренних Дел СССР
Л. Берия.

Внизу другим почерком и другими чернилами приписка: «Арестованного Иванова под № 110 выдал коменданту НКВД. Нач. Внутр. тюрьмы Миронов. 11.V. 39». Наискось через весь лист размашисто красным карандашом написано: «Одного осужденного принял. Блохин. 11/V 39».

Второй документ представляет собой написанное на бланке «Военной Коллегии Верховного Суда СССР» за № 00180/Л предписание «Коменданту НКВД СССР тов. Блохину». В нем говорится:

Предлагается немедленно привести в исполнение приговор Военной Коллегии Верховного Суда СССР над Ивановым Петром Васильевичем, осужденным к расстрелу по закону от 1 декабря 1934 года.

Председатель В.К.
В.Ульрих.

Сбоку на этом документе видна приписка: «Выданная личность Иванов под № 110 подтверждаю. Нач. Вн. тюрьмы Миронов. 11/V 39 г.». Видно, было очень важно не ошибиться и не «выдать» кого-то другого, оставив в живых того, нужного...

И, наконец, третий документ, написанный рукой начальника тюрьмы Миронова:

АКТ

Приговор в отношении сего Иванова, осужденного Военной Коллегией Верховсуда СССР приведен в исполнение в 23 часа 5 минут и 23 часа 30 минут сожжен в крематории в присутствии:

Комендант НКВД Блохин (подпись)
Н-к внутр. тюрьмы ГУГБ НКВД
Миронов (подпись)

11/V 39 г.

Кто именно стрелял — комендант или начальник тюрьмы, не сказано, но очевидно, что никакое третье лицо к этому совершенно секретному делу не привлекалось...

Пусть не смущает читателя значащееся в документах имя Петра Васильевича Иванова. Особо секретных узников содержали в НКВД под чужими именами, под ними же — отправляли на тот свет. Именно этим, видимо, вызвана была необходимость особого подтверждения личности «Иванова под № 110» начальником тюрьмы при выдаче его коменданту Блохину. Не исключено, что и сам комендант НКВД Блохин (а это как-никак генеральская должность) так и не узнал, кого он в майский день 1939 года лично возил на расстрел в Московский крематорий.

У нас же тождество Евгения Карловича Миллера и «Петра Васильевича Иванова» не должно вызывать сомнений: приведенные выше три коротких документа хранились в одной сколке с собственноручными письмами Е.К. Миллера и с письмом Скоблина, в одной тоненькой синей папке, на которой есть такая пометка:

«Материал передавал 5/3 49 г. т. Абакумову. (подпись)». Понятно, что содержимое папки было тщательно проверено. Кроме того, о чем-то говорит и совпадение номера камеры.

Заметим, что и уничтожен был «Иванов под № 110» по известному шаблону, применявшемуся лишь к особо секретным узникам: их привозили в здание крематория, в подвальный помещении, прилегающем к жерлу огнедышащей печи, пристреливали и сразу же или почти сразу, что зависело уже от чисто технических причин, бросали в огонь.

Так 11 мая 1939 года был убит в Москве, похищенный 22 сентября 1937 года в Париже, русский генерал Евгений Карлович Миллер. Тогда же, как говорят, было уничтожено и заведенное на него в НКВД дело. Как бы и не было генерала здесь вовсе.

Можно только гадать, какой случайности, а возможно и вовсе не случайности, обязаны мы тем, что сохранились несколько документов из уничтоженного дела. Автор склонен видеть в этом Божий Промысел. Через кого действовал Он, мы не знаем и, наверное, уже не узнаем, но письма генерала Миллера и последние скорбные бумаги, относящиеся к нему, оказались присоединенными к совершенно другому делу. Это и сохранило для истории те документы, о которых мы рассказали здесь читателям альманаха.

ИЗ ПОСЛУЖНОГО СПИСКА Е.К. МИЛЛЕРА

- Родился 25 сентября 1867 г.
- После окончания Николаевского кадетского корпуса в 1884 г. поступил в Николаевское кавалерийское училище, которое окончил по I разряду.
- В 1886 г. произведен в корнеты и выпущен в Лейб-гвардии Гусарский Его Величества полк.
- В 1892 г. по окончании Академии Генерального штаба получил назначение в Финляндский военный округ, где служил по Генеральному штабу в чине капитана.

- В 1896 г. произведен в подполковники и назначен в число штатных штаб-офицеров Генерального штаба.

- В 1901 г. произведен за отличие по службе в полковники и назначен Российским военным агентом в Риме.

- В 1907-1909 г. командовал 7-м Гусарским Белорусским полком и (временно) — 7-й кавалерийской дивизией.

- В 1909 г. за отличие по службе произведен в генерал-майоры и назначен начальником Николаевского кавалерийского училища, а в 1912 г. — начальником штаба Московского военного округа.

- В 1914 г. произведен за отличие по службе в генерал-лейтенанты, в годы Великой войны был начальником штаба 12-й армии, 5-й армии, командиром 26-го армейского корпуса.

За годы службы награжден многими российскими орденами, из которых старшие: Св. Станислава I ст., Св. Анны I ст., Св. Владимира II ст. с мечами, а также орденами семи иностранных государств.

- В 1919 г. после высадки войск союзников на Севере России ген. Е.К. Миллер стал генерал-губернатором Северной области и командующим Северной Добровольческой армией.

- В 1920 г. уехал в Норвегию, затем во Францию, где в 1930 г. стал Председателем Русского Обще-Воинского Союза (РОВС).

Наталья Николаевна Миллер, урожденная Шипова (1870-1945), с 1886 г. — жена Е.К. Миллера, была дочерью генерала от кавалерии и генерал-адъютанта Н.Н. Шипова, женатого на Софии Петровне, урожденной Ланской. Матерью С.П. Ланской была Наталия Николаевна Ланская, в первом браке — Пушкина, урожденная Гончарова.

ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ

Сергей ВАКУЛЕНКО

Сергей Вакуленко родился 6 апреля 1939 года в Батуми, в Аджарии. Дед его по линии отца был дворянином, занимал высокую должность на железных дорогах всего Крыма, а потому после революции вынужден был эмигрировать и оказался в Египте, где работал на французскую армию и умер от какой-то болезни в пустыне, по-видимому, от лихорадки. В семье была создана легенда о нем, все документы были уничтожены, остались только одна-две фотографии. Рождественники по линии матери преследовались и подвергались репрессиям с начала советской власти. Однако в 1941 (или 42-м) году в ссылку в Северный Казахстан был отправлен из Баку отец. Там — в ссылке и землянках трудармии прошло детство поэта, так как мать с ребенком последовала за мужем не раздумывая. После войны чудом удалось вернуться в Батуми, затем были Одесса, Киев, поездки по европейскому северу России, Ленинград—Санкт-Петербург. Практически всю жизнь поэт проработал простым педагогом, обучавшим детей игре на фортепьяно. В начале перестройки на киностудии «Русское Видео» работал в качестве сценариста и консультанта над фильмами «Божественная литургия» и «Освящение водою и духом». Несколько позднее занимался редактированием переводной богословской литературы.

Три составные части души, определяющие сущность личности Сергея Вакуленко и исповедный характер его жизни, — поэзия, музыка, богословие — три харизмы, которым он ни разу не изменил. Поэтому и в круг его общения всегда входили и крупные музыканты, и поэты, и просто те, кто искал Бога, — люди разного возраста и интересов.

Первые стихи появились в пятидесятые годы. Публичные чтения вызывали невероятный интерес слушателей, однако публикации были исключены, одной из причин чему было крайне нелюбимое отношение к власти.

Творческое наследие Сергея Вакуленко, годами складывавшееся в ящик стола, включает лирику, крупные поэтические формы, прозу. Первая книга, вышедшая в конце 1996 года, вызвала широкий резонанс, особенно в музыкальной среде Петербурга. Эта книга оказалась и последней, которую увидел автор. 26 апреля 1997 года Сергей Вакуленко скончался после второго инфаркта и операции на сердце.

НЕКРОЛОГ В ДВЕНАДЦАТИ ХОРАХ

Тебе

Распятому на пепелище дома

Что был другим воздвигнут

И обжит был тобой

Усопшим ныне

Не в мире

Не в покое

Не в смиренности

Но в суетном сомнении

Но в тоске

Смертной

Тебе

Приносим эпитафий дар

И жертвы погребальные приносим

Строителю

Что возводил твой дом

И пламени воздвигнутое предал

И предал

Тебя

Распятию

На пепелище дома

Сожженного

Тебе

Распятому на пепелище дома

Неведомым

Высоким

Гневом

Распятому

Возносим песнопенья

Священные

Мы

Ждущие высокого возмездья

В сомнении

И в страхе

Смертном

Мы

Чей темен путь

Чей близок

И не светел

Конец

О Земля

О жертвенная чаша

Океанов горечь бережно несущая

Сквозь свет и сумрак

Сквозь дни и ночи

О Земля

Алую кровь человека прими

В дар

Искупительный

Прими

И смешай

С горечью

Океанов твоих

И смешай

С темной

Кровью

Ночи

Кровь

Человека

Алую

О Земля

Смерть человека кем познаны

Бездны твои

Поздно

И ясность кем познана

Поздно

И вера

Неисповедана

Кем

Смерть человека прими

О Земля

Прими в прощальный дар
Земного солнца
Тюльпана образ
Увиденный
Сквозь Сумрак и покой
Ладони на смеженных веках
Сквозь теплый сумрак
Ладони
Нежной
Увиденный
Прими
Сквозь гонг конца
Сквозь забытье
Сквозь ночь
Непреходящую
Сирени влажной свежести
И чуткое касание любви
И исступленье плакальщиц
Земную боль
Прими
И упокойся
Добрый дар
Прощальный дар воспоминанья
О прбжитом
Сквозь гнев и страх кончины
Прими

Земную боль утрат испей без меры
Ты слышал яростного гона рог
Катаясь в потоке времени с толпой
Тебе подобных страждущих и жадных
До скудной меры радостей земных
До скудной меры
Радостей
Чья горечь
Рождает гнев
И алчность
Боль утрат
Земную боль испей
И бег мгновений
Живых мгновений бег
Изведай
И прерви
Во искупленье алчности и гнева
Гаси огни сует
Пусть скорби пламя в мире
Вещей и звуков хрупких
Сожжет
Твой дом
И память
О тебе
Сожжет
На берег
Извечно неподвижный
Неизменный
На берег
Из потока времени
Вступи
На берег вечности
Вступи
И обрети нетленность
И покой всезнанья
И радость пробужденья
Обрети
Над пенным
Потоком времени

Я памяти твоей коснусь виденьем
Рассвета
Что ценой земных утрат
Ты ощутишь на скованных ресницах
В час завершения страдного пути
В час скорби плакальщиц
И перезвона
Колоколов прощальных
В мире
Разлук и встреч
Я памяти твоей
Коснусь видением
Покоя
Что счет страстей напрасных
Окончит
В мире
Неугасимой жажды
В час пожара
В час искупительный
Ценой забвенья радостей недолгих
Ты обретешь покой
Я памяти твоей
Коснусь виденьем
Веры
Что ты искал сгорая
В мучительном огне земных сует
И обретешь за гранью бытия
Неугасимым светом осиянный
Теперь ступай
Твой час еще не пробил
И долг путь
Я памяти твоей
Видением грядущего коснулся
Чтоб озарить дороги бытия
Извечной ясностью

О вера
Обретенная в огне
Пылающего дома твоего
О свет
Дарованный горячей ярко кровлей
О миг агонии
Чья ясность просветлит
Тебя
И выходы запрудит
И замкнет
Бездействия веленьем
Волю
О вера поздняя
Что дом
Отнимет
И ослепит
И в гневном буйствии
Агонии
Кончину
Даст
Тихую
И знанием бессмертья
Покой
Овеет

Гаси огни
Настал последний час
Игры
Час
Гнева
Агон
Без побежденных
Без победителей
Агония
Гаси огни сует
Огни безумств
Гаси
Ты ныне на пороге
Священных оргий
Чистого огня
Чье пламя миг переплавляет в вечность
И суету агонии в покой
И память тусклую
В провиденье
Гаси
Огни прощальные
Колокола забвенья
Пусть отзвонят в покинутом жилище
Гаси огни
Твой голос отзвучал

В мире
Вещей и звуков
Чей устав
Распад
Безостановочный
Неуловимый
В мире
Вещей и звуков хрупких
Голос
Твой
Отзвучал
В мире
Где свет и тьма
Два близнеца лукавых
Два близнеца
Твой свет
Твой смех
Угасли
В мире
И только в памяти
В хранилище теней
Блуждают тени их
Две тени
Два близнеца
Твой свет
Твой смех
Твой голос отзвучал
В мире
Вещей и звуков
Хрупких

Пожар
Объял твой дом
Необитаемый
И пламенем пожара
Объятую
Ты видел Землю
Будто гнев возмездья
Ее сжигал
Огнем страстей и смут
И будто
Сжигал тебя
Горячий огонь
Агонии
Усни
Пожара пламя кротко
Твой близок путь
Усни и встань с зарей
Кто бодрствовал долго
Встанет рано

Прервались нити жизни
Кротко пламя
Пожара
Даль
Дорог
Кратка
И горя
Тяжесть
Легка
И тяжесть гор
Легка
И не горька
Вся горечь океанов
Встанешь рано
Зарей объят жемчужный шар Земли
О утро пробуждения
Рассвет
И ясность
Мера воздаянья
За меру бдений скорбных
Встанешь рано

Ты встанешь рано
Солнце
Взойдет
И вырастит в ладонях удивленных
Твоих
Гвоздику алую
Гвоздику ясных утр
Гвоздику дня в ладонях жизни
Все забывающей
Все создающей
Заново
Ты встанешь рано
Радость жажды
Неутомимой
Познать
Ты встанешь рано
И вдруг поймешь
Что этот новый день
Есть вечность
И дар гвоздики алой
Дар бессмертья
Встань рано
И живи без смерти
Тебе
Окрасить книгу бытия
В цвет ясности
В цвет утренних гвоздик
Пора
Встань рано
В книге судеб
Перечеркни печальные сказанья
Конца
И начертай
Рукой недерзостной
Бессмертья сутру

Цветы и камни
Канны и гранит
Игра лучей и граней
Разбрызгиванье гранями лучей на цвет
Игра разбрасыванья канн
Цветов
На плиты
Гранитные
Канн красных
На гранит надгробий
Игра
Живого
Канн
И мертвого
Гранитных плит
Игра живых и смерти
В погребальный
Обряд
Игра
Чей тайный смысл живым не ведом
И ведом смерти
Что в свершеньях
Вольна
Безмолвствовать

СЕМЬ ЭКСТАТИЧЕСКИХ ПЕСЕН

О плектор
Ты струны ласкал
Лютни серебряной
И мандолины певучей
Для огненных плясок
И для тихих песен
И для серенад
О плектор
Ты струны ласкал и рвал
Дерзких утех струны
О плектор
Лютни без струн
И мандолины струны изорваны
И черед за псалтирью седой
Чьи струны тонки и жалобны
И черед за псалтирью семиструнной
Чей голос печален и долог
И черед
За псалтирью
Чьи песни
Все о прошедшем
Все о кратком
О плектор

Озаренья ночные
Только подкоп и прорыв
В неизбывное утро
В кубке которого время вином золотистым взбродило
Полною мерой
А память как пена
Ломтик догадки нам остается с привкусом яви
Сладость
На дне
Радость
И тайна
На дне
И плата за меру
На дне
Кубка
Не узнать не отведав
Пригубишь и не вернешься
Узнаешь
Сладость
Хмель
И тайну
И плату

О кубок
О сладостный кубок времени
Полный живых мгновений
Быстротекущих
И долгих и легких
Как пена
Морская
Чья ткань иллюзорна
Невесома
Тонка
Как
Влагу твою пить

Пить влагу из кубка времени
Медленно или быстро
Уходить
Быстро
Медленно
Оглянуться

Поспеши
Иссушить
Оглянись и уйди
Все сожги позади
Все прими впереди
Для прощания спящих будить
Только боль беречь
Никого не буди
Не целуя любимых уйди
Имена их твердя на пути

Не сушит гортань
Тому чьи часы на исходе
Полуночный страх
Выпита влага надежды
И жажда
Утолена
И светлая сутра
Открыта
Тихому
Часы его
На исходе

Трепетом крыльев
Бесструйных беззвучных
Усталых коснется ресниц
Птица тихая
Птица прохладная сна
Прозрачная птица покоя
Добрая
Смерти
Птица

Никита СТРУВЕ

ВОСПРИЯТИЕ ПУШКИНА ВО ФРАНЦИИ

Французы мало и плохо знают Пушкина, а те, кто знает, за редкими исключениями, его не ценят и удивляются, что для русских он — вершина русского духа и творчества. Впрочем, в этом смысле, французы ничем не отличаются от других иностранцев, так же мало знающих «солнце России» и так же его мало ценящих. Вопрос о непонимании Пушкина иностранцами был, пожалуй, впервые поставлен ребром П.Б. Струве в небольшой газетной статье в середине 20-х годов в Париже.¹ В ней он приводит уничижительное суждение маркиза де Кюстина о Пушкине как всего лишь «подражателя», ничем «специфически» русским не отличающемся. Опираясь на эту несколько поверхностную оценку легкомысленного обозревателя, в России и без того ничего не ценившего, П.Б. Струве заключает: «Пушкина станут понимать и ценить на Западе, когда поймут, что русское не есть экзотика, ни этнографическая, ни историческая, и что в общечеловечности Пушкина и заключается его величайшая и недостижимая *русскость*». В этих словах много справедливого. Действительно, на Западе первой половины XIX века, в русле романтизма, ждали от России прежде всего экзотики, а после Достоевского были чувствительны к крайним, пароксистическим, выражениям русского духа. Тем не менее это еще не дает удовлетворительного объяснения непререкаемому факту о продолжающемся непонимании Пушкина. Вся острота вопроса в том, что иностранцы не чувствуют «общечеловечности» Пушкина в той мере, в какой они ее чувству-

¹ См.: П.Б. Струве. Дух и Слово. Сборник статей. Париж, 1981, стр. 65-68.

ют в Шекспире, Гете, Гоголе, Толстом или Достоевском. Они готовы принять «универсальность» Пушкина на веру, но «слиться с русским ощущением и восприятием Пушкина» они не могут: не столько русскость, сколько именно общечеловечность Пушкина для них «недостижима».

Ламартин видел в Пушкине «напыщенного подражателя Байрона», Флобер на попытки Тургенева ознакомить его с Пушкиным ответит: «он несколько плосок, Ваш поэт», но даже Мериме, восторгавшийся сжатостью, простотой, тактом, эллинистическим вкусом Пушкина, слабо воспринимал магию пушкинской лирики, отдавая предпочтение экзотике и романтическому накалу страстей в *Цыганах*. Правда, в те годы он писал Гобино: «в поэзии я мало смыслю. Сперва надо дать удовлетворение уму, а уж потом заботиться об ухе»... Что бы сказал Пушкин о таком непонимании самой сущности поэзии!..

Разумеется, недостижимость Пушкина связана прежде всего с непереводаемостью всякой поэзии. Не случайно, сколько-нибудь широкое распространение среди французских читателей получили только прозаические сочинения Пушкина, в первую очередь *Пиковая Дама*, прекрасно переведенная Мериме (а в XX веке, правда с подстрочником, Андре Жидом), в меньшей мере *Капитанская Дочка* и *Дубровский*... Но оценены же были во Франции Шекспир и Гете, и не только в подлинниках... Недостижимость и непереводаемость Пушкина особого свойства. В отличие от Шекспира и Гете, Пушкин — чистый поэт, и не только в лирике, но и в драматургии и в прозе, и не только в творчестве, но всей своей личностью, всей своей жизнью. Отсюда пресловутая сжатость Пушкина, которой восторгался Мериме... Чтобы ставить Шекспира на сцене, необходимо его сокращать, а *Бориса Годунова* для сцены необходимо оснащать, как сделал это Мусоргский. А о *Маленьких трагедиях* и говорить не приходится: такой трагедийной сгущенности, пожалуй, не знает мировая литература. Чистая поэзия требует или предельно сжатого пространства, или же какой-то небесной прозрачности, почти невесомой, которой, напри-

мер, отличается *Евгений Онегин*, «воздушная громада», по определению Ахматовой. Трудно себе представить и беседы какого-нибудь Эккермана с Пушкиным, даже если Пушкин прожил бы более длинную жизнь. Да и не мог он иметь размеренной, длинной жизни:

... как некий херувим,
Он несколько занес нам песен райских,
Чтоб, возмутив бескрылое желанье
В нас, чадах праха, после улететь!

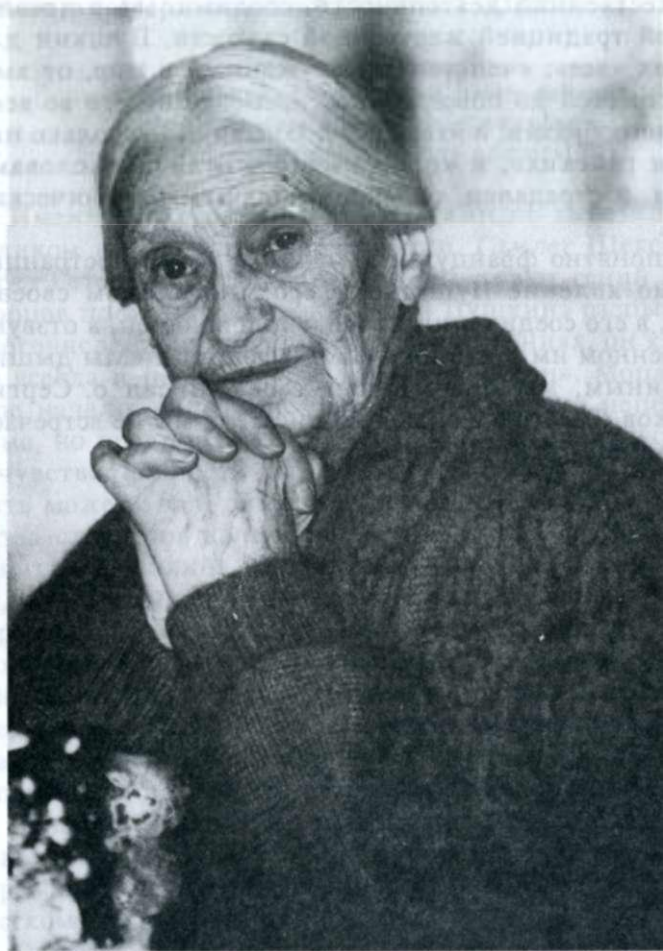
Именно как чистый поэт, Пушкин не выразил себя целиком ни в одном произведении. *Гамлет* Шекспира, *Фауст* Гете, *Война и Мир* Толстого выражают гений своих творцов полно и адекватно. Гений Пушкина распылен в многочисленных и разножанровых творениях, он к тому же всегда и по ту сторону «райских песен». Моцартовское начало, облеченное в слово, не только непереводаемо, но предполагает особую интимность с языком, да и чувствительность к самому моцартовскому началу. Быть может это и объясняет, почему даже среди французов-славистов далеко не все разделяли «русское восприятие» Пушкина. Среди ценителей Пушкина следует выделить Андре Лиронделя, выпустившего томик переводов Пушкина с прекрасным предисловием, Анри Монго, давшего обстоятельный критический разбор отношения французов к Пушкину. Но были и скептики, среди них Жюль Легра, и особенно такой отменный знаток русской души и истории, как Пьер Паскаль. И в теперешнем поколении славистов отношение к Пушкину колеблется: одни его принимают целиком, другие с некоторым скепсисом. И не случайно, почин полного перевода Пушкина на французский язык принадлежит русскому (Е.Г. Эткинду).

Остается тайна восприятия Пушкина русскими, для них он одновременно национальный писатель и национальный герой, выразитель и русского духа, и универсальных ценностей. Вообще культ писателей, не только их творчества, но их личности и жизненного

подвига — особенность русской культурной традиции. Русская история, по крылатому слову В. Вейдле, «не удалась», но удалась литература, которая на своих верхах, нисколько не отходя от самодовлеющей своей художественной деятельности, соединилась с древнерусской традицией жертвенной святости. Пушкин для русских «все»: «человек», погруженный в мир, от высших страстей до повседневности, любящий его во всем его многообразии, и «херувим», занесший несколько нам «песен райских», и «пророк», прожигающий словами сердца, и страдалец, от мира приявший мученический венец.

Непонятно французам — и шире всем иностранцам — само явление Пушкина в его многоликом своеобразии, в его соединении противоположностей, в отзвуке, полученном им в национальном масштабе. «Мы дышим Пушкиным, мы носим его в себе», писал о. Сергей Булгаков. Такого определения писателя мы не встречаем ни в одной западной литературе.

ИЗ КНИГИ ВОСПОМИНАНИЙ
Н.С. ШЕПЕЛЁВОЙ
(праправнучки Пушкина)*

* Записаны в феврале 1998 г. в Москве с фонограммы и отредактированы В. Репиным. Полный текст воспоминаний выйдет в скором времени в издательстве «Русский Путь».

1. Ершино

Если когда-то мне и довелось увидеть райский уголок, то это было Ершино — наша усадьба в Смоленской губернии. Ершинская усадьба была построена в наполеоновские времена. Когда-то прежде она принадлежала, как и большая часть земель Смоленской губернии, семье Якушкиных, выходцем из которой был известный декабрист Якушкин. До сих пор там есть деревня, которая носит название «Якушкино». В той же Смоленской губернии у родителей моего отца было имение — в Лукьяново, которое после их смерти перешло к его сестре, Леокадии Ширинской-Шахматовой. Там отец и вырос. В его семье все очень любили эти места. Когда отец стал самостоятельным человеком, незадолго до женитьбы ему удалось купить Ершино.

В Ершино, занимавшем огромную территорию, была мельница, обширные земельные угодья, на которых велось настоящее хозяйство, было целое стадо — стадо составляли знаменитые коровы «сементалы», славящиеся своим удоем. К усадьбе прилегал березовый, дубовый и сосновый лес. Петербург нам постоянно надоедал, и Ершино, которое было от него спасением, мы быстро полюбили. Для детей там было полное раздолье. Мы ездили верхом, ходили за грибами — в лесу было полно белых грибов. К нам приезжали двоюродные братья, дети сестры отца, имение которой было неподалеку, в 25 верстах. Мы ездили к ним, навещали находившуюся там могилу матери.

Молодую часть парка пересекала уходящая в даль дорожка. Она называлась Маньчжурской, потому что ее строил солдат, побывавший на Японской войне в Маньчжурии. Когда он ее копал, она получилась длинная-предлинная. И он шутил: «Ну, прямо как в Маньчжурии!» Так это название за дорожкой и осталось... Я очень любила выбегать на середину этой дорожки и изо всех сил кричать в сторону леса, который был слева за парком, но на фотографии его не видно: «Кто снял плод с дерева?...» Эхо над полями всегда отвечало: «Ева! Ева!...»

В последний раз я была в Ершино в самом начале первой мировой войны. После кончины матери отец всегда боялся за нас, старался уберечь нас от всего. А поэтому как только стали возникать предположения о возможности начала военных действий на Западе России, отец предпочел забрать нас из Ершино домой.

Было начало осени. Стояла ясная сухая погода. Падали листья. Ехать в Петербург очень не хотелось. Всем нам было грустно. Когда к порогу дома были поданы лошади, когда вещи были уложены, мы с сестрой побежали взглянуть в последний раз на наш парк. В парке у нас был любимый уголок, где росла старая, толстостволая береза. Ствол этой березы был настолько необъятным, что мы не могли обхватить его с сестрой вдвоем.

Мы обняли березу, поцеловали ее и так простились с ней — простились навсегда, чего мы с сестрой тогда, конечно, не предполагали.

2. Мама

Мое первое детское впечатление, да и воспоминание о себе, выпадает на период, когда мне еще не было четырех лет. В раннем детском возрасте мне была необходима операция на кишечнике. Отец решил, что ее должен сделать один из наиболее известных в то время швейцарских хирургов, профессор Кохер, который имел в Женеве клинику, и родители повезли меня в Швейцарию.

Кохер был очень старым, очень уважаемым хирургом. Из-за возраста он уже был вынужден ограничивать практику и, естественно, не мог удовлетворить всех тех, кто к нему обращался. Попасть к нему было практически невозможно. Чтобы встретиться с Кохером, отец был вынужден прибегнуть к неординарным способам.

Он изучил его распорядок дня. Отцу было известно, что каждый день после обеда Кохер садился в коляску и ехал на прогулку, чтобы подышать чистым воздухом. Когда однажды к крыльцу женевского дома, в котором жил Кохер, подали экипаж, отец, дожидавшийся появ-

ления хирурга на улице, успел к нему приблизиться. Он извинился, быстро все объяснил. Кохер дал согласие. И меня положили в клинику...

Когда после операции — она прошла с полным успехом — я пришла в себя, комната была погружена в полумрак, и надо мной стояла, склонившись к моей постели, белая фигура. Это была моя мать...

В местечке под названием Лопасня у Гончаровых было имение, перешедшее им по наследству. Жившие в нем сестры Гончаровы — Наталья Ивановна и Надежда Ивановна, — как и все Гончаровы, были очень близки с Пушкиными и с Араповыми, очень дружили семьями, и мы бывало подолгу гостили у них в Лопасне.

В то время, когда мама в Лопасне заболела, мне было четыре года. Брату Саше был всего год. Отец как-то должен был поехать в Москву. Мама отправилась проводить его на станцию. И в тот же день, вернувшись со станции домой, она заболела и слегла. На следующий день у нее уже была высокая температура. Мама была больна тяжелой формой скарлатины. Той самой болезнью, которую все Пушкины переносили с большим трудом и всегда ее остерегались, ввиду того, что она унесла в нашем роду много жизней.

По утрам мы, дети, должны были проходить через комнату, в которой лежала мать. Болезнь была заразная, и нам строго-настрого запрещалось к ней подходить. При нашем появлении мама была вынуждена ограничиваться кивками. Затем ее решили переселить в другую комнату, в ту, которая была нам отведена для игр, где хранились наши игрушки. Нам предложили выбрать самые необходимые и любимые игрушки. Мы наспех стали выбирать — кто что. Ко мне в руки полетел мой любимый белый мишка из плюша. Когда с выбором игрушек было покончено, нас посадили на диван, и через комнату должны были провести под руки маму.

Она появилась на пороге. Ее вели под руки две Надежды — тетя Надя, родная сестра мамы, и ее двоюродная сестра Надежда Гончарова. Лицо Мамы было покрыто ярким воспаленным румянцем. Проходя мимо

нас, она улыбалась нам и кивала. На ней был голубой шелковый халат.

Отец вернулся на следующий день. Он недоволен доктором, которому было поручено лечение матери, и решил опять ехать в Москву, чтобы привезти в Лопасню кого-то другого. Когда отец вернулся из Москвы в Лопасню, мамы уже не было в живых.*

3. Брат и отец

Было начало осени 30-го года. Я возвращалась из Алма-Аты, вероятно, в конце августа. Там я прожила безрадостных полтора года и ехала домой со сложными состояниями радости и возвращения.

Поезд пришел днем, и меня встретили домашние — домашнее дорожное окружение: брат Саша, любимая няня Настя и тетя Анна Александровна Пушкина; фамилии она не меняла, она была внучкой одной из старших дочерей деда моего Александра Александровича, жила она у нас. Отца на вокзале не было; он находился на даче под Тарусой.

Мы приехали на квартиру, где жил мой брат Саша. Сестра здесь не жила, она жила на другой квартире, а лето всегда проводила на даче. День прошел спокойно. Никто не подозревал, что приближается роковой вечер, изменивший в корне весь уклад жизни, нарушивший покой и радость нашей семьи...

Их было, кажется, трое. Они прошли, предъявили ордер на арест отца, обыскали его вещи, конечно, ничего не нашли и, записав его адрес, уехали. Принимал их брат, живший с отцом в одной комнате. Перед уходом они прошли ко мне в комнату, оглядели все и, задав несколько вопросов, ушли. Мы остались одни, собрались у брата и решили, что я поеду завтра с утра к отцу предупредить его, ибо меня никто, вероятно, не будет выслеживать.

* Прах Мезенцевой-Пушкиной покоится в фамильном склепе в Рыхлово, в Смоленской губернии, где находилась усадьба ее мужа, — во время Второй мировой войны ее сравняли с землей.

В тот день было теплое, солнечное утро. Я ехала к отцу поездом, волновалась. Встреча с отцом, радость его видеть, сознание грозящей ему опасности — эти мысли не покидали меня всю дорогу. Кроме того беспокоило опасение, что меня могут опередить, что могут приехать в Тарусу раньше меня.

Отца своего мы все трое любили до обожания, глубоко и преданно, в ответ на безграничную его любовь.

Я приехала в Тарусу и отыскивала дачу. Отец и его хорошая подруга Елизавета Сергеевна сидели на террасе и завтракали. Помню, как обрадовался он моему приезду. А я не в силах была что-либо ему сказать. И когда он вышел приготовить мне завтрак, я воспользовалась его отсутствием, все рассказала Елизавете Сергеевне и просила за меня передать отцу мучительное известие. Сама я смалодушничала.

День прошел в беспокойных, безрадостных разговорах о том, что делать. Было решено ехать в Москву. Только на следующий день удалось заказать подводу, и мы решили ехать в Москву с другой станции — не помню, с какой именно, — опасаясь встречи с чекистами. Переночевала я в ту ночь у хозяев в комнате, а наутро мы уехали, простившись с милой и обаятельной Елизаветой Сергеевной — как потом оказалось, попрощались навсегда.

Погода стояла солнечная, теплая. Природа как всегда была прекрасна. Не хотелось верить, что человеческое коварство так могущественно и так беспощадно. Нам пришлось переправляться через Оку на пароме, после чего мы благополучно добрались до поезда...

На перроне в Москве нас дожидался брат Саша с ключами от квартиры сестры Марины. С вокзала мы все трое поехали туда. А там нас уже дожидалась няня Настя — с готовым обедом, с бельем, со всем необходимым. На следующий день отец должен был уехать к Марине на дачу.

Уехав к сестре, отец прожил там всего дней пять, тогда как мы рассчитывали на долгий срок его пребывания за городом: иногда бывали случаи, когда ЧК, по

истечении времени, оставляло преследования. Неожиданно утром отец вернулся в Москву. Брат, никогда не позволявший себе резкого тона с отцом, открыв ему дверь, неожиданно сказал:

— Я рад тебя видеть... Но прости, большей глупости ты сделать не мог!

На что отец ответил:

— Я не преступник... чтобы прятаться.

Не успела я приготовить завтрак, как за отцом пришел человек с ордером на арест. После того, как отца увели, я вошла к брату в комнату. Помню, он стоял, прислонившись к краю стола и молчал, а по его лицу текли слезы. Мы стояли рядом и оба плакали.

Отцу тогда было 64 года. Прошло около двух месяцев, и был арестован мой брат Саша. Ему тогда был 21 год. К тому времени были арестованы его друзья — по нелепой, но роковой причине. У брата был товарищ, еще по школе — красивый, живой, необыкновенно возбужденный мальчик, горячий, но добрый и участливый. Это был бурный поток слов, нескончаемые темы для разговоров. Он приходил к нам и так же бурно, как говорил, играл на пианино. Звали его Миша. Миша был верующий, ходил в церковь и даже прислуживал во время богослужения. Он учился в университете, где вступил, как было заведено, в комсомол. Вот все это и привело его к катастрофе.

Его выследили и на собрании предъявили ему обвинение в религиозности. Спросили, как он совмещает церковь и свое членство в комсомоле. Миша растерялся и очень неудачно ответил:

— Нужно же знать своих врагов!

Вскоре после этого он был арестован. Нужно сказать, что его отец, морской офицер, к тому времени умер, а мать, изящная, хорошенькая и немного истеричная женщина, после ареста сына была, видимо, в отчаянии. В таком состоянии она пришла однажды к нам и, не входя в комнату, стоя в передней, сказала:

— Я была у Мишиного следователя и сказала ему: «Почему вы арестовали моего сына, а его товарищи, ко-

торые собираются вместе и интересуются также философией и религией, — на свободе?» Я уже была у других, сказала их матери, чтобы она знала, что могут прийти за ее сыновьями...

Намек был, конечно, и на Сашу. После этого признания она тут же ушла...

Я слыхала, что Миша со страху много наговорил на себя и на товарищей. Жизнь его закончилась быстро. Он не выдержал этапа, заболел тифом и скончался где-то на Севере у Белого моря. Его товарищи были обречены на лагерь. Все они были интеллигентные, очень порядочные юноши, интересовались очень многим, а к тому же были верующими. В то время власти старались изжить это любой ценой. Интеллигенция, особенно дворянская, жестоко преследовалась.

Помню, был ранний вечер. Брата Саши дома не было, он опаздывал, еще не возвращался из института. В это время пришли трое. Они предъявили документы сотрудников ГПУ. Спросили брата. И узнав, что его нет дома, прошли к нему в комнату и стали его дожидаться.

В сильном волнении, я решила пойти к брату на встречу, чтобы избавить его от неожиданности. Я взяла с собой собаку, но сколько ни ходила по улице, его не встретила. Он пришел поздно. Конечно, предыдущие события уже настораживали на недоброе, — позднее он говорил мне, что в тот вечер у него было какое-то предчувствие, ему не хотелось идти домой, и он пошел в кино, где и провел весь вечер.

Как сейчас помню ту минуту, когда один из чекистов услышал звук ключа в замке входной двери — брат Саша входил в переднюю, — и бегом бросился к двери с револьвером в руке.

По его команде Саша спокойно, с презрением в выражении лица, поднял руки, пока тот обыскивал его с головы до ног. Все эти подробности, этот театр стоит у меня перед глазами с такой ясностью, словно все это было только вчера. Потом был обыск. Все в комнате было перевернуто вверх дном, все бросалось на пол. В конце

этой работы весь пол был устлан всевозможными предметами. Конечно, ничего не нашли.

Саша одевался, уже уходя, в передней, когда няня Настя, потрясенная и потерявшаяся от этого нового удара, вдруг обратилась к старшему чекисту:

— Отпустите его скорей! Он ни в чем не виноват!

Эти слова прозвучали так взволнованно и так грустно, что тот ответил ей смущенным голосом:

— Если они не виноваты, то их отпустят, — чекист почему-то называл Сашу в третьем лице.

Мы горестно простились. Они ушли.

Первого мгновения после ухода брата я совершенно не помню. И после не помню многого, но все эти мелочи, оставшиеся у меня в памяти, мне бесконечно дороги. Я часто переживаю их и теперь.

Началась новая, незнакомая до этого жизнь, полная беспокойств, огорчений и страдания. Моя няня Настя была героическая женщина, в настоящем смысле этого слова. О ней следует рассказать отдельно, ибо на нее легла большая доля всех трудностей, выпавших на нашу семью. Как же она со всем справлялась! Видно, помогал ей Бог в ее крепкой вере. Она никогда ничего не боялась и для каждого из нас готова была на любую жертву. Брат Саша был дорог ей как собственный сын. Твердо могу сказать, что во многом она заменила нам в детстве рано умершую нашу мать и очень была она нам дорога в эту злую, трудную пбру.

Она была еще не старой — ей было около сорока пяти лет. Но здоровье ее было плохое, надорванное. Нервная система ее находилась в полном разладе. Но несмотря на это во всех наступивших трудностях она не теряла здравого смысла и удивительно умела со всем справляться, умела во многом советами руководить мною, тогда совершенно наивной, незнакомой с жизнью и невзгодами.

Быстро узнала я московские тюрьмы, что такое их управители, что такое новый советский строй, столкнувшись с коварным лицемерием, царившим тогда повсюду. Хождения по этим мукам выпали на мою долю.

Сестра Марина была слаба здоровьем, и мы старались ее как-то уберечь, как умели. Поэтому по делам дорогих узников всюду ходила я.

Оба, отец и брат, оказались одновременно на Лубянке, в тюрьме ГПУ. Но узнали друг о друге случайно, через кого-то из узников. И на Лубянку, и в Бутырскую тюрьму (Бутырку) нужно было носить им передачи. Порядок был строгий, и принимали передачи в очереди по алфавиту — первая буква фамилии. День определенный у каждой буквы. В очереди приходилось стоять по нескольку часов.

Помещение с окошком для приема передач было просторное, до отказа набитое людьми, а стены были исписаны иногда отчаянными высказываниями. Что можно было передавать — тоже было строго указано.

Первым был выслан отец. Ему было предъявлено обвинение в участии якобы в «группировке», которая собиралась, чтобы вместе читать газеты, и враждебно их обсуждала. Статья была 58-9. Удивительно нелепое обвинение.

Отец был отправлен, кажется, в октябре — на поселение в Нарым, в Сибирь. Накануне отправки нам было разрешено свидание с ним в Бутырках.

К назначенному времени мы приехали в Бутырку с сестрой Мариной и привезли необходимые отцу вещи. Вход в приемную. С двух сторон стояли часовые с винтовками. Продолговатое помещение было разделено надвое двойной перегородкой. По обеим сторонам были сооружены кабины с окнами. Между перегородками расхаживал военный. Через эти окна и велись переговоры с заключенными. Шум от голосов был невообразимый.

Отца мы разыскали сразу. Разговор был, конечно, о Саше — отец о нем бесконечно беспокоился. Такое случалось крайне редко, но человеческие бывали и среди тюремщиков. Так, военный, ходивший между перегородками, разрешил передать отцу полушубок и в обмен принять от него пальто, но добавил:

— Когда я отойду подальше, чтоб не видели...

Мы быстро обменялись с отцом вещами, просунув их в окошко. Свидание подошло к концу. Все расходились. А мы с сестрой крестились вслед уходящего отца.

Он выходил последний. Остановившись в дверях, с полушубком на плечах, он долго смотрел на нас, мы на него, пока не пришли закрывать двери. В помещении осталось только несколько человек, в том числе сестра и я. Мы не знали день, когда и откуда должны отправить партию арестованных с отцом, и обратились с вопросом к часовым у дверей.

Никогда не забуду, с каким участием эти два молодых стражника, узнав, что мы справляемся об отце, и увидев наши заплаканные лица, наперебой все нам объяснили.

Отправка была назначена на следующий день с Казанского вокзала. Мы узнали все подробности — время пути, место, где остановится «черный ворон». Все оказалось точно как было сказано...

День был морозный. Наступил уже вечер, стемнело, когда мы заранее приехали на вокзал втроем с Настей, и увидели, как подъехал «ворон», как из него выводили по нескольку человек, которых стражники, с ружьями наперевес, вели по платформе, кругом, к путям, где стоял поезд.

Политических и уголовников отправляли вместе. Нельзя забыть, как в одной партии шел молодой мужчина в синих полотняных брюках и в рубахе без пояса, без шапки и босиком. Кисти рук он закутал в рукава и весь съежился от холода. Смотреть на него было тяжело.

Наконец, из «ворона» вышел отец. На нем были его серые, высокие фетровые валенки, романовский полушубок и теплая шапка — слава Богу, удалось ему все это передать.

Предназначенный заключенным вагон был типа товарного — кирпичного цвета, с подножкой и тамбуром, и только в противоположном конце его, под самой крышей, было крошечное оконце-отдушина.

Высокая, красивая фигура отца выделялась на общем фоне. Озабоченное дорожное лицо запомнилось навсегда.

На какое-то мгновение ему разрешили выйти в тамбур, а сестре Марине разрешили передать ему свои часы, которые она сняла с запястья.

Потом, пока поезд еще не отходил, отцу удалось выглядывать из окна-отдушины. Провожавших было всего человек пять. Из этой отдушины выглядывал еще кто-то пожилой.

Так мы стояли у вагона и в душе ловили каждое мгновение этой невидимой близости, зная, что вот скоро все оборвется и наступит разлука. Мы стояли, пока нам не приказали отойти. Тогда тихо, зловеще стукнули вагоны. И поезд тронулся, увлекая за собой дорожное, бесценное существо, чудовищно и бессмысленно осужденное на страдания...*

[Условия пути были очень тяжелые для его возраста. Узники ехали поездом. Затем после переходов плыли пароходом уже до самого места назначения. Прибыв на место, арестованных выпустили на волю с обязательством являться в определенные сроки на отметку. Место ссылки отца называлось Колпашево, а село, где он жил, Тогур на берегу Енисея в Томской области. После некоторых трудностей он нашел дом, где снял комнату в соседстве с тоже высланной, некоей Максимовой, женой артиста Большого театра, который иногда к ней приезжал.

Уголовники почти все погибли, замерзли. Население боялось пускать их к себе...]

* Мезенцев Сергей Петрович, военный, служил в свите великого князя Михаила Николаевича, вышел в отставку в звании полковника, после повторного ареста в 1937-м году сослан без права переписки под Биробиджан, где пропал без вести. Три брата Мезенцевы жили в Петербурге. Брат Владимир расстрелян в Вязьме. Младший брат, Борис Петрович, арестован с группой офицеров, отправлен в Кронштадт — арестованных загнали на баржу, переполненную баржу вывели в открытое море и расстреляли с берега снарядами. Сестра, Леокадия Петровна Ширинская-Шахматова, со всей семьей выехала в восемнадцатом году за границу, жила под Парижем. Ее сын, Юрий Алексеевич Ширинский-Шахматов, погиб, находясь в немецком лагере во Франции — был затравлен овчарками, вступившись за одного из узников.

АКАКИЙ ГОГОЛЯ И АКИМ ТОЛСТОГО *

Марина Цветаева в очерке *Искусство при свете совести* утверждает: «Только с таких, как я (т.е. с поэтов. — Ю.И.) на Страшном Суде совести и спросится».¹ Из этого не следует, что каждый поэт или художник — обреченный грешник, вредитель. Это, по мысли Цветаевой, значит: художникам свойственна подверженность наитию, стихиям. Отсюда их безответственность по отношению к добру и злу, к правде и Богу. «Посему, — продолжает Цветаева, — если хочешь служить Богу и людям, вообще хочешь служить, делать дело добра, поступай в Армию Спасения или еще куда-нибудь — и брось стихи».² Пусть у поэтов есть своя правда, все же: «Врач и священник человечески важнее (...). Но если есть Страшный Суд слова, — на нем я чиста».³

В этом очерке Марина Цветаева подробно разбирает *Пир во время чумы* Пушкина. Одержимый стихией Вальсингам, пишет она, поет упоительный, но кощунственный гимн — хвалу чуме, и погибает на Страшном Суде совести. Но явно на Страшном Суде слова он получит какой-то высший балл (если условно считать его живым лицом). Иначе священник: Пушкин не вложил в его уста песню.⁴ Призыв к покаянию оправдывает священника на Страшном Суде совести, но его художественно малоубедительная проповедь заслуживает неудовлетворительную отметку на Страшном Суде слова.

Применим эти заостренные антиномические суждения Цветаевой к Гоголю, т.к. отрицательные герои Гоголя, будь то Собакевич, Чичиков или Хлестаков, могут получить хороший балл на Страшном Суде слова. Ведь эти пошляки — выдающиеся словесники. Они с избытком одарены словесным даром своего творца — Гоголя.

* Присланная автором для «Вестника РХД», эта статья в свое время не была напечатана.

Но такие гоголевские невегласы, как Иван Федорович Шпонька и, в особенности, Акакий Акакиевич Башмачкин несомненно заслуживают единицу на Страшном Суде слова. По насмешливому замечанию рассказчика в *Шинели*, Акакий «даже имел обыкновение совсем не заканчивать фразы, так что весьма часто начавши речь словами: “Это право совершенно того...” а потом уже и ничего не было, и сам он позабывал, думая, что все уже выговорил».⁵ Роковую роль в его жизни сыграло неизбежное «того» в сравнительно длинной фразе, обращенной к значительному лицу: ...я ваше превосходительство осмелился утрудить потому, что секретари того... ненадежный народ...».⁶

Отношение Гоголя или его рассказчика к Акакию Акакиевичу до сих пор остается неясным. В чем-то прав Борис Эйхенбаум, который, отчасти совпадая с В.В. Розановым, утверждает в статье *Как сделана Шинель Гоголя*: в этой повести доминирует каламбурный стиль, анекдотический сказ, стилизованный «под особого рода небрежную, наивную болтовню».⁷ На фоне этого сказа Акакий Акакиевич преимущественно комическое лицо, и, хотя этого вывода Борис Эйхенбаум не делает, можно думать, что отношение Гоголя к Башмачкину — издевательское. По-видимому, того же мнения о *Шинели* был и Макар Деушкин — тоже запуганный чиновник, но речистый в письмах к своей Вареньке.⁸ Он оказался способен любить живую женщину, а не одну неодушевленную шинель.

Борис Эйхенбаум учитывает знаменитое «гуманное место» в *Шинели*. В нем он находит сентиментально-мелодраматическую декламацию, неожиданно внедряющуюся и в общий каламбурный стиль.⁹ Это, к тому же, вполне литературная фраза, без нескладного «того»: «Оставьте меня! Зачем вы меня обижаете?»¹⁰ Только ли это бархатная заплата на рубище? В чем-то правы и многочисленные читатели, к которым я причисляю и самого себя: в них (или в нас) Акакий Акакиевич вызывает чувство жалости. Мы сочувствуем этому убогому человеку: он наш брат. Но не могу войти в рассмотрение этой

дискуссии, которая остается незаконченной; если художественное произведение очень по-разному истолковывается: значит оно еще живет. А на Страшном Суде совести Акакий, вероятно, будет оправдан,¹¹ но, несомненно, он проваливается на Страшном Суде слова.

Поражает сходство между нескладными речами Акакия и Акима, героя *Власти тьмы* Толстого. В своих коротких монологах Аким, как и Акакий, *опирается* на «того» и еще на просторечное «тае»: «Как бы получше, тае... Потому как бы не того».¹² Над ним издевается его речистая жена Матрена: «Вот только и речей от орла моего — тае, тае, тае...».¹³ Если бы Матрена получила образование, она могла бы быть писательницей, актрисой... Да и устных ее реплик достаточно для того, чтобы выдержать экзамен на Страшном Суде слова. Она блистает поговорками и словечками собственного изобретения. «...Тетка Матрена, терта, терта да перетерта (...) Все семьдесят семь уверток знаю».¹⁴ «Никто не знает (о преступлении. — Ю.И.): ни кот, ни кошка, ни поп Ерощка».¹⁵ Матрена — мастер русского слова и мастер уголовных дел. По ее наущению Анисья отравила своего мужа. Она же заставляет сына Никиту убить новорожденного младенца и, при этом, заботится, чтобы его предварительно окрестили. Матрена — ритор зла и лжи. Наоборот, невзрачный, богобоязненный, нескладно говорящий и непьющий Аким — апостол правды божеской и человеческой. В финальной сцене драмы нескладная речь Акима становится мощной проповедью торжествующей живой истины: «Аким (в восторге): Говори, дитяtko, все говори, легче будет. Кайся Богу, не бойся людей! Бог-то, Бог-то! Он во!»¹⁶ И в самом конце этой сцены Аким еще раз повторяет: «Он во!»

«Во» сокращенная форма частицы «вот», обычно имеющей указательное значение: вот так. Но оно встречается и в восклицательных предложениях: вот или во какой большой.¹⁷ Здесь Толстой дерзновенно и, может быть, не без некоторого свойственного ему вызова вкладывает в уста нескладного Акима остротное богословское определение бытия и величия Божиего: «Он во!»

Достаточно известно недоверие Толстого ко всякого рода красноречию или к тому гладкому литературному слогу, который так раздражал его в произведениях Тургенева. Боясь фразы, он зачастую ломал синтаксис, и академик В.В. Виноградов собрал целую коллекцию неправильных речений в *Воине и мире*.¹⁸ Он усматривал в них галлицизмы. В этом же романе встречаем и немало просторечных выражений типа: у его (и при этом, в авторской речи). Просторечие писателей-дворян встречается у Грибоедова (нет время),¹⁹ у Лермонтова (из пламя и света рожденное слово).²⁰ Но для поколения Тургенева и Толстого ни галлицизмы, ни просторечие уже не характерны (за исключением прямой речи помещиков и крестьян). А.В. Дружинин писал Толстому в 50-х гг.: «Вы сильно безграмотны, иногда безграмотностью нововводителя...»²¹ А Борис Эйхенбаум верно замечает: «в противоположность Тургеневу, Толстому нужна шероховатость (...), нужны импровизированные, не зализанные литературой словесные конструкции...».²² Но это не импровизация. Толстой писал очень тщательно. Он явно создавал свой стиль — зачастую неправильный и до сих пор еще недостаточно изученный. Этот стиль можно назвать дворянско-усадебным — с ориентацией на французский язык и народное просторечие. Существенно и другое: Толстой считал — его главный герой правда — не ритор, не красноречивый, а скорее немого.²³

Другой толстовский праведник — солдат-мужик круглый Каратаев говорит красно — прибаутками (и не хуже Матрены), но его правда — пассивная, не активная, не обличительная — это не апостольская правда невзрачного нескладного Акима. Каратаев спасается на обоих цветаевских Страшных Судах. Аким же получает высший балл на Страшном Суде совести. Не провалится ли он на Страшном Суде слова? Мне кажется: не провалится.

У Акима целостное «мировоззрение». Он явно рупор позднего Толстого. Он обличает богатство, которое избаловывает, извращает человека. Он против вноса денег «в банку» (в банк). Он осуждает батрачество: так, ему не

нравится, что его сын Никита отдает приказания Митричу. Он осуждает Никиту и за то, что он соблазнил истовую Матрену. Он не хочет брать денег от сына, погрязшего во лжи и грехах. Он, наконец, осуждает всякий комфорт, например, удобные, чистые городские сортиры. Иначе говоря, Аким, следуя за Толстым и отчасти за его учителем — Жаном-Жаком Руссо, осуждает тьму цивилизации. Ведь в этой драме под властью тьмы Толстой понимает отрицаемую им цивилизацию, а совсем не *темноту* безграмотных крестьян. Правда, нетронутая цивилизацией речистая Матрена вдвойне *темна*: и неграмотностью, и преступностью.

Все же, во *Власти тьмы* свет исходит от «дикаря», от отсталого русского крестьянина, напоминающего «естественного человека» Жан-Жака Руссо (*l'enfant de la nature*). Аким просвещен не грамотой, не банками, не сортирами, а правдой Божией, которая снимает комизм с нескладницы Акима, и его будто бы беспомощное «Он во» звучит торжествующим и ликующим откровением этой правды. Это лишний раз доказывает: каждое самое жалкое слово, даже какая-то незаконнорожденная частица, может быть переосмыслена, и в данном случае Акимово «во» приобретает мощь библейского языка, остранившегося нескладным просторечием.

Еще отмечу: если бы Аким говорил складно, то был бы очень уж «идеален» и художественно неправдоподобен — скучен, как проповедник толстовства или пушкинский священник в *Пире во время чумы*. По замыслу Толстого, устами Акима глаголет Бог, и глаголет Он не по церковно-славянски, не на русском литературном языке, а на нескладном мужицком просторечии: и этот глагол явно жжет сердца людей. Акима можно причислить к евангельским чистым сердцем и алчущим и жаждущим правды, и он выдерживает строгий экзамен на обоих утверждаемых Мариной Цветаевой Страшных Судах.²⁴ А нищий духом Акакий Акакиевич спасается только на Суде совести и проваливается на Суде слова.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Марина Цветаева. *Проза*. (Нью-Йорк), 1953, 410.
- ² Там же, 409.
- ³ Там же, 410.
- ⁴ Там же, 376.
- ⁵ Гоголь Н.В. *Полное собрание сочинений*. АН СССР, 1938, III, 149.
- ⁶ Там же, 166.
- ⁷ Эйхенбаум Б.М. *Сквозь литературу*. 1924, Перепечатка Мутона, 1962, 183, 185.
- ⁸ Достоевский Ф.М. *Полное собрание сочинений (Л)*, I, 63. Макар Девушкин в повести «Бедные люди» усмотрел «пасквиль» на бедного чиновника в «Шинели» Гоголя.
- ⁹ Эйхенбаум Б.М. Там же, 183-184. Эйхенбаум ссылается на статью В.В. Розанова «Как произошел тип Акакия Акакиевича» в книге *Легенда о Великом инквизиторе*. (СПб), 1906, 278-279.
- ¹⁰ Гоголь, там же, 143.
- ¹¹ Блаженны нищие духом... Евангелие от Матфея, V, 3.
- ¹² Толстой Л.Н. *Полное собрание сочинений (М)*. 1936, I, 135.
- ¹³ Там же, 137.
- ¹⁴ Там же, 131.
- ¹⁵ Там же, 233.
- ¹⁶ Там же, 242.
- ¹⁷ *Словарь современного русского языка*. АН СССР. 1951, II, 487. Д.П. Ушаков. *Толковый словарь русского языка*. 1935, II, 487. Там дается пример употребления «во» в значении громадный, замечательный: У него глазища — во!

Другой пример использования «во» в том же смысле находим в эпиграмме Ильи Сельвинского на Жарова:

Во!

И больше ни-че-го...

Илья Сельвинский. *Собрание сочинений* (М). 1971, II, 178.

¹⁸ Виноградов В.В. *Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX вв.* Перепечатка (Лейден) 1949. О языке Толстого: 404-410. Не все отмеченные Виноградовым галлицизмы Толстого являются заимствованиями из французского языка. Соответствующую проверку могли бы сделать слависты-французы.

¹⁹ Грибоедов А.С. *Сочинения в стихах.* Библиотека поэта. 1951, «Горе от ума». Монолог графини-внучки: Время нет. Действие III, явление 17.

²⁰ Лермонтов М.Ю. *Собрание сочинений* (М.-Л.). 1961, 1, 174. Из пламя и света рожденное слово.

²¹ Эйхенбаум Б.М. Лев Толстой (Л.). 1928-1929. Перепечатка 1968. Издание Вильгельма Финка, Мюнхен. Часть 1-ая, 292.

²² Там же, часть 2-ая, 240.

²³ Толстой, там же. IV, 58. «Герой же моей повести, которого люблю всеми силами души, которого старался воспроизвести во всей красоте, и который был, есть и будет прекрасен, — правда». «Севастополь в августе 1955 г.»

²⁴ Евангелие от Матфея: V, 5 и 8.

СУДЬБЫ РОССИИ

Прот. Николай ДОНЕНКО (Ялта)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК АРКАДИЙ (ОСТАЛЬСКИЙ), ЕПИСКОП ЛУБНЕНСКИЙ

Есть удивительные люди, подобные ангельским существам, предызбранные Богом к особому служению. Они от рождения исполняются духовной радостью и вечно неутомимой ревностью о славе Божией. Одним из таких светочей Русской Православной Церкви был епископ Лубненский Аркадий (Остальский). Знакомясь с его жизнью, невольно удивляешься той духовной бодрости и легкости, с которой он нес необхватный крест, данный ему Богом, без ропота, смущения и даже недоумения о мере выпавших на его долю страданий. Ни тюрьмы и лагеря, ни советские застенки, ни зауженная уплощенность воинствующего атеизма не смогли воспрепятствовать его огненному духу жить в бездонных глубинах православия на безграничных просторах Вселенской Церкви.

В апреле 1888 года, в селе Яковцы Житомирского уезда Волынской губернии, в семье священника Иосифа Остальского и Софии Павловны родился сын Аркадий. По окончании в 1910 году Волынской семинарии и Киевской Духовной Академии Аркадий служил священником-миссионером в городе Старо-Константинове. Его душа искала подвига ради Христа, и миссионерство представлялось ему как единственно верное, дарованное ему Богом служение. Отец Аркадий был прирожденным миссионером. Проповедовал просто и ясно, так что огонь любви к Богу, горевший в его сердце, воспламенял ревность о благочестии у всех, кто находился рядом.

Религиозный опыт не оставался его внутренним, частным делом, но с удивительной ясностью изливался в благодатных словах. Не умея быть равнодушным ко всему, что касалось спасения души и блага Церкви, он увлекал за собой всех, способных слышать евангельское благовестие и жаждущих реальной жизни во Христе.

С началом первой мировой войны о. Аркадий стал военным священником и служил в 408-м Кузнецком пехотном полку. Еще совсем молодым священником, в 1917 году, о. Аркадий Остальский прибыл с фронта в Житомир и стал настоятелем маленькой церкви в центре города, при которой организовал братство.

Начавшиеся гонения на Церковь только умножили ревность о. Аркадия, и со всем пылом молодой, глубоко религиозной натуры он устремился на защиту православной веры. Его проповеди, как духовный меч рассекая первые завязи всероссийской смуты и насильно внедряемой лжи, помогли многим сориентироваться и не погибнуть в это страшное для православия время. С каждым днем в его храме становилось все больше и больше братчиков и молящихся. Ежедневно совершая богослужения, о. Аркадий говорил пламенные проповеди, внося духовную радость в измученные и охладевшие сердца людей.

Гонения на Церковь шли по восходящей, и работа братства с каждым днем становилась все трудней и опасней. ЧК с дьявольской неутомимостью преследовала верующих, закрывала церкви, увольняла верующих с работы. Сгустившийся мрак только подчеркивал и лучше выявлял Божию благодать для всякого желающего спасения. Всегда вдохновенный, горящий небесным огнем, о. Аркадий все более и более привлекал к себе верующих и объединял их мыслью о Христе и Его Церкви. По свидетельству прот. Михаила Польского, братство помогало бедным, больным, хоронило умерших, обучало детей Закону Божию. Популярность священника неуклонно возрастала. Число молящихся увеличилось настолько, что о. Аркадий был уже не в силах исполнять все требы, особенно исповедовать, и был вынужден

иногда, подобно праведному Иоанну Кронштадтскому, прибегать к общей исповеди, которая представляла собой умирительное зрелище. С амвона о. Аркадий призывал к покаянию, а исповедующиеся, стоя на коленях перед Крестом с Распятием, со слезами на глазах каялись в совершенных грехах.

Декрет об изъятии церковных ценностей стал первой скорбной ступенью в полной испытаний жизни иерея Аркадия Остальского. Исполняя благословение Святейшего Патриарха Тихона подчиниться властям по рассуждению христианской совести, о. Аркадий отказался сдать богослужебные сосуды. Карающий меч революции не заставил себя ждать. В один из дней, после совершения Божественной литургии, о. Аркадий при выходе из храма был арестован. Большевики еще не научились искусству удушать своих противников вдали от посторонних глаз, за что тут же и поплатились. Огромная толпа молящихся, на глазах которой происходил арест, двинулась вместе с о. Аркадием к зданию ЧК. Разъяренные чекисты, отесняя толпу к забору, взяли ружья на изготовку и, угрожая стрельбой, потребовали разойтись. Но православные, прижавшись друг к другу, затаив дыхание, все же остались на месте.

Протоиерей Михаил Польский пишет: «Но вот выступает монахиня Серафима и смело говорит: «Нет, мы не уйдем, пока не отпустите нашего батюшку, или берите всех нас вместе с ним». Солдаты опустили винтовки и нас всех, — рассказывает свидетельница, — повели в подвал ЧК. Было жутко и радостно. Весть об аресте о. Аркадия мгновенно облетела весь город. В тюрьму ЧК стали присылать бесчисленное множество посылок. Арестованные были сыты, также как и конвой. Под руководством монахини А. в подвале ЧК пели церковные песнопения. Изредка через окно видели о. Аркадия, выведенного на прогулку во дворе. Отец Аркадий украдкой осенял нас крестным знаменем. Так прошло два дня. Наконец, в камеру пришел начальник ЧК Попатов и спросил нас, долго ли мы будем упорствовать? Снова монахиня Серафима выступила от лица всех и

сказала: «У вас, товарищ начальник, такое доброе лицо; вы, наверное, никому не хотите зла. Отпустите нам нашего батюшку». Начальник улыбнулся и приказал выходить поодиночке к следователю. Следователь предлагал каждому из нас подписать уже приготовленную бумагу, в которой о. Аркадий обвинялся в сопротивлении советской власти и в возбуждении народа против нее. Я отказалась подписать эту фальшивку, но следователь заявил, что, если я не согласна с ее содержанием, нужно сделать оговорку. Так я и сделала, написав, что люди пошли за о. Аркадием по собственной воле, а вовсе не по его наущению».

Через некоторое время состоялся открытый суд. Множество свидетелей говорили об о. Аркадии как о замечательном, прекрасном человеке, бесребреннике, священнике, сумевшем всю свою жизнь отдать на служение Богу и людям; приводилась масса примеров его исключительной доброты и самоотверженности. Житомирским обывателям казалось, что после таких блистательных отзывов любимый пастырь непременно выйдет оправданным, но прокурор, самоуверенный молодой коммунист, доходчиво объяснил собравшимся, что все характеристики, данные священнослужителю Аркадию Остальскому, не только не оправдывают, но, более того, усугубляют его вину. И что идеи, проповеданные и проводимые в жизнь священником, не только не нужны молодому советскому государству, но и крайне вредны.

В период гражданской войны, невзирая на все шатания и расколы, о. Аркадий строго придерживался патриаршей церкви. На допросе он говорил: «В период пребывания на Украине Петлюры часть духовенства Житомира вошла в состав автокефальной Украинской церкви и отделилась от нас. Эта группа поддерживала петлюровское движение. Я ничего общего с этим направлением в церкви не имел и поддерживал Тихоновское направление... В беседах с отдельными гражданами я выражал недовольство соввластью, но церковно-публичных выступлений у меня не было». Священника обвинили в подстрекательстве людей против соввласти,

в то время как он умышленно не затрагивал в своих проповедях и выступлениях политические темы.

Позже о. Аркадий вспоминал: «В 1922 году, перед изъятием церковных ценностей, я прочел в церкви послание Патриарха Тихона, полученное нашим архиепископом. Это послание перечисляло те предметы, которые нельзя было отдавать в пользу голодающих. За это я был осужден к пяти годам заключения. В заключении был около двух лет».

Через некоторое время церковь, где служил о. Аркадий, была закрыта, но братство продолжало работать тайно, собираясь то на квартире его матери, Софии Павловны, то у кого-либо из членов братства. По выходе из заключения о. Аркадий некоторое время жил в Харькове, Москве, других городах — в зависимости от того, как складывались обстоятельства. Примерно в это время о. Аркадий принял монашеский постриг в Саровской обители (жена Остальского, чисто светская дама, давно ушла от него к какому-то советскому чиновнику).

В сентябре 1926 года о. Аркадий был хиротонисан в Москве митрополитом Сергием (Страгородским) во епископа Лубненского, викария Полтавской епархии.

Владыка Аркадий отличался внутренней последовательностью в своих религиозных взглядах и был против привнесения политических страстей в церковную жизнь. Но мудрая воздержанность и предусмотрительная лояльность не спасли владыку Аркадия от новых репрессий. В начале мая 1928 года сотруднику ОГПУ тов. Храмову был выдан ордер на арест епископа с любопытной припиской: «Все должностные лица и граждане обязаны оказывать лицу, на имя которого выписан ордер, полное содействие для успешного выполнения. 3 апреля 1928 г. ОГПУ Г. Ягода».

Но ответственному работнику Храмову не пришлось напрягаться: епископ сам пришел в ОГПУ 9 мая 1928 года, чтобы объясниться, и там же был арестован и помещен в Бутырскую тюрьму. Допрос епископа Аркадия, как и само дело, оказались даже для того мало соображающегося с правовыми нормами времени предельно

краткими. Выяснив минимум необходимого (формально уже известного — фамилию, год рождения, сан и прочее) и не вдаваясь в подробности, следователь повел разговор о том, что волновало молодую советскую власть и ее представителей в первую очередь. Дело было в следующем. «В 1927 году, после того как появилась декларация митрополита Сергия, один из священников моего епископата, — рассказывал владыка Аркадий, — обратился ко мне с письмом, в котором заявил, что отказывается от меня и митрополита Сергия из-за декларации, потому что декларация и применение ее по существу есть измена православию. Я священнику ответил личным письмом, разъясняя ему ошибочность его взглядов. Он взял из моего письма отдельные мысли, несколько переработал их, и от моего имени выпустил послание, направленное против митрополита Сергия. Когда же меня в ОГПУ спросили, кто это воззвание выпустил, я проявил сожаление к автору... из-за его многосемейности и не указал его фамилию». Письмо, написанное владыкой и доработанное о. Александром, оказалось многим созвучно и получило большое распространение в православной среде. Через некоторое время письмо попало в ОГПУ с подписью: «Аркадий, епископ Лубненский», что и привело последнего к аресту.

Следователь зачитал начало этого «Обращения к православным»: «Возлюбленные о Христе! Так как я не имею возможности лично беседовать с вами, то доставлю себе удовольствие это настоящим письмом...» и т.д. Последовал вопрос:

— Каким епископом Вы считаетесь?

— Лубненским.

— Зачитанное послание составлено Вами?

— Это, во-первых, первоначально было частное письмо, принадлежавшее мне. Писано было в Новом Афоне в ответ на письмо священника, поддерживавшего меня материально. Письмо мое ему (ответное) начиналось словами: «Дорогой о. Александр», за каковым обращением следовало поздравление с Ангелом. Заканчивалось письмо передачей поклона жене и детям. Остальной

текст тождественен, насколько я помню. В предъявленном мне документе откинута почему-то начало и конец, заменены так, как видно в показанном мне документе. Никакого поручения превратить мое частное письмо в «обращение» общественного характера я никому не давал. Сделано это без моего ведома.

— Как фамилия этого священника Александра?

— Назвать не могу.

— Почему?

— Не желаю, чтобы он отвечал. Пусть вся ответственность лежит на мне.

— Вы согласны, что в Вашем письме есть места непосредственно антисоветского характера?

— Согласен.

— Значит, отказываясь назвать фамилию распространителя, притом самовольно распространившего документ, Вы хотите укрыть антисоветского деятеля?

— Не хочу выдать и не хочу укрыть. Предоставляю этот вопрос времени.

Сейчас трудно четко разделить, где несомненно подлинный текст владыки, а где корректура и дополнения о. Александра, непримиримо настроенного против митрополита Сергия, но во всех случаях этот документ, получивший в свое время широкую огласку, несомненно достоин внимания.

Обращение к православным

Возлюбленные о Христе!

Так как я не имею возможности лично беседовать с вами, то доставлю себе удовольствие это настоящим письмом. Конечно, моя речь будет о текущих церковных событиях. Много печального происходит в наши дни. Особенно печально то, что наши первоиерархи ведут Российскую церковь к потере свободы и к рабской зависимости, и все это делается так хитро и тонко, что пока их «деяния» нельзя подвести ни под какие каноны. Ни для кого уже не секрет, что наши архиереи назначаются не митрополитом Сергием и патриаршим Синодом, а кем-то иным. Не секрет и то, что все

многочисленные перемещения архиереев (вопреки канонам) сделаны не для пользы церкви, а по указке кого-то слева. Разве не известно, что и назначенный Москвой архиерей, по приезде своем на место служения, должен явиться к местным «вершителям судеб церковных», у них выдержать нечто вроде экзамена, и только после этого легализуется епископ.

Мне известны случаи, когда епископы, присланные Москвой с соответствующими бумагами, все-таки не были допущены к управлению своими епархиями. Те же, кои допущены, — имеют ли они право свободного объезда своих епархий? Не спрашивают ли они ни каждую поездку разрешения и не отдают ли они отчета в своей деятельности и органам гражданской власти? А как проходит теперь назначение епископами епархиального управления и о. благочинных? И свободны ли в этой области епископы? Не получают ли они указаний, а то и приказаний, кого назначать и кого увольнять... Хотя этих и подобных им многих «деяний» нельзя подвести ни под какие каноны, но от такой «легализации» веет ужасом. Говорили мне, что будто бы член Синода архиепископ Филарет (Гумилевский) сказал: «Мы будем делать все возможные уступки, но когда дело коснется веры, тогда ничего не уступим». Но так ли говорили и поступали святые? Не умирали ли святители за свободу Церкви, за ее священные предания, уставы, даже священные книги и сосуды?.. Что касается поминовения за богослужением власти, то хотя это «деяние» митрополита Сергия и не нарушает какого-либо церковного правила, но оно осуждается голосом христианской совести. Как возношение в ектениях имени своего епископа, так и поминовение власти есть нечто иное, нежели молитва за них. Если мы за богослужением поминаем своего епископа, то этим выражаем свое подчинение ему, иначе разре-

шалось бы, наряду со своим епископом, возносить имена и других епископов иноепархиальных; однако, это нигде не делается; для желающих молиться об иноепархиальных епископах и имеется прошение: о милости, жизни, мире, здравии.

Подобно сему наша Российская Церковь до революции возношением за богослужением имени императора выражала свои молитвы о нем, а вернее всего, свою зависимость от него, как от блюстителя ее интересов и до некоторой степени главы ее... Каково же настоящее отношение Православной Церкви к советской власти, чтобы поминать ее за богослужением?.. Если мне возражат, что Христос заповедал молиться о врагах, о гонителях, то на это отвечу: пусть нам укажут молитву о власти, а не пользуются для этого прежней формулой возношения. Притом для меня не понятно, как быть со следующим за сим прошением: «О пособити покорити под ноzi его всякого врага и супостата»? Ведь оно доселе никем не отменено?.. Быть может и его читать? И тогда о чем мы молим и против кого направляем свои прошения?.. Удивления достойно то обстоятельство, что молиться о властях нас заставляют тогда, когда этого моления не желает ни сама власть, ни верующие. Почему тогда же ратуют о сем наши архипастыри? Не думаю, чтобы от них требовала сего советская власть, ибо безбожникам не нужны и молитвы; что же касается духовенства и народа, то у них предполагаемое поминовение за богослужением совласти вызывает одно только негодование и возмущение. Быть может, наши первоиерархи пришли к убеждению в необходимости молиться о власти, тогда пусть они возьмут на себя труд составить такие прошения, которые были бы применяемы верующими и в устах их были бы действительно молитвами; так, например: «еще молимся о еже во власти сущих, да Господь Бог избавит их от всех бесовских наваждений,

приведет к покаянию, исправлению, возглаголет в сердцах их мир и благое о церкви своей святей...» Итак, положение Церкви тяжелое. Но как быть нам? Можем ли мы подчиниться тем первоиерархам, которые стали на опасный путь, ведущий Церковь Христову к новым великим страданиям? Прежде всего нужно хорошо уяснить то обстоятельство, что для Церкви Христовой не может быть большего зла, чем раскол. Никакие гонения и насилия не могут нанести Церкви такой раны, как раскол. Раскол — это вечно ноющая, вечно мучающая Церковь рана. И горе тому, кто ее наносит Телу Христову. Недаром святые отцы говорили, что грех раскола не смывается даже мученической кровью. Посему на решительные действия с душевной болью можно идти тогда только, когда испробованы уже все иные пути и средства спасения верующих. Итак, мы ни в коем случае не можем чинить раскола. Мы должны стоять на страже чистого православия и прилагать все возможные меры любви и обращения к совести тех, кто сознательно или бессознательно ведет Российскую Церковь к новому расколу. Мы не совершим раскола, но если увидим, и уже видим и свидетельствуем, что нашими первоиерархами нарушается самый дух православия — легализованная церковь превращается в один из отделов СОЧИ (секретная особая часть при ГПУ), пастыри связываются неприемлемыми их совести требованиями, тогда с сердцем, облитым кровью и слезами, мы должны встать на защиту истины и сказать: «Архипастыри и пастыри, мы отходим от вас, ибо вы уже отошли от правды Божией, вы создали новое направление Церкви Божией... от этого нового направления, от этого раскола мы и уходим. Грех раскола лежит на вас. Но вы спросите, как же все можно провести на деле? Кто должен взять на себя почин? Может ли это сделать каждый христианин? Кто и когда

правомочен объявить верующим, что настал час разрыва с первоиерархом? Осуждать еретиков правомочна одна только Церковь, «и если Церковь преслушает, да будет же тебе, яко язычник и мытарь» (Мф. 18. 17). Выразителем же воли церковной власти является Собор. Но как быть в то время, когда Собору нельзя собраться? Тогда суждение по поводу того или иного церковного желания произносят епископы. Их же суждения не есть еще окончательный приговор, но есть авторитетный голос в Церкви, они являются стражами Церкви и ими в междоусобный период управляется Христова Церковь. Следовательно и в настоящем деле почин и решение принадлежат епископату. Но как это можно провести? Епископы, видя нарушение духа и буквы канонов, в одиночку или группами должны послать свои протесты митрополиту Сергию, моля его свернуть с неправого пути. Если эти протесты не возымеют действия, тогда они, согласясь между собой (можно и через посредство переписки), сообщают митрополиту Сергию, что они отселе не считают его уже заместителем Патриаршего Местоблюстителя, осуждают взятое им церковное направление и отделяются от него. То же объявляется и всем верующим. С этого момента совесть духовенства и верующих становится свободной от всякого рода действий (приказаний, запрещений) митрополита Сергия и состоящего при нем «синода». Отошедшая же от митрополита Сергия Православная Церковь может управляться одним из старейших иерархов или, как это было во время заключения Патриарха Тихона, каждая епархия самостоятельно своим архиереем... Какую же роль во всем этом должны нести священники и верующий народ? Судить и запрещать архипастырей они не могут; не могут они также без епископов отходить от епископата. Но это не значит, что они должны бездействовать. Как воины совместно с вождем,

так все (вместе с епископами) должны бороться за Истину и защищать ее. Как разведчики на войне не дают покоя своим начальникам, но, приходя с разных мест разведки, сообщают им об опасности, так и верующие, пока не пройдет опасность для Церкви, должны возбуждать в своих пастырях ревности, бодрствования и стойкости и всячески (духовно и материально) поддерживать их, дабы те безболезненно и право правили слово Истины. Молитесь же... о своих архипастырях и пастырях, возьмите на себя заботы об их семьях, дабы пастыри видели, что их семьи не будут нищенствовать без них, тогда смело, с любовью, а когда потребуется, то и с настойчивостью, сообщайте ему мнения и суждения верующих по разным вопросам церковной жизни. Опираясь на ревность и любовь своей паствы и понуждаемый ею, пастырь будет истинным стражем православия. А это залог правого пути церковного. Есть и другой, менее болезненный путь. Так как митрополит Сергей не есть Патриарший Местоблюститель, а только заместитель Патриаршего Местоблюстителя Митрополита Петра Крутицкого и что заместительство он несет как послушание нынешнему главе Российской Церкви Митрополиту Петру, то для каждого ясно, что Митрополит Петр когда угодно может освободить Митрополита Сергия от его послушания и возложить оное на другого архипастыря. Точно также сами собой падают все права и обязанности митрополита Сергия как Заместителя Патриаршего Местоблюстителя в случае смерти митрополита Петра. Вот те мысли, которыми я считаю нужным поделиться с вами, моля Господа о вашем умудрении и укреплении. Благословение Божие буди со всеми вами, братие.

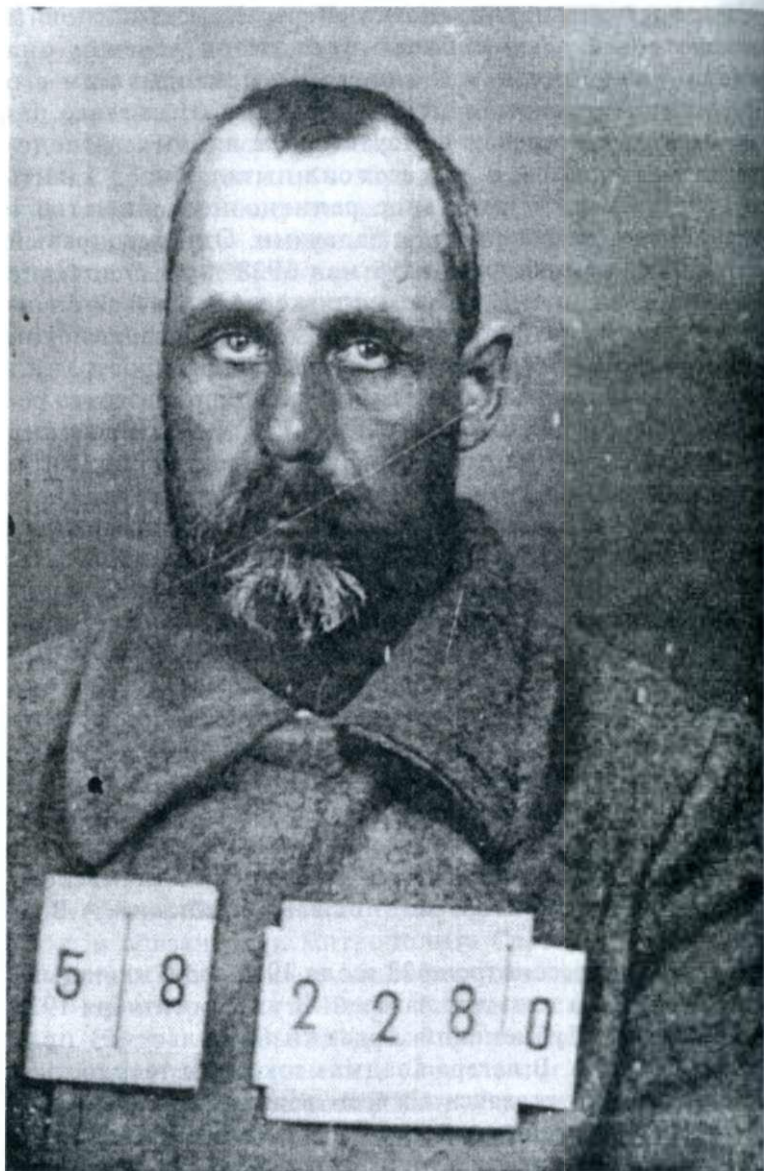
Аминь. Аркадий, епископ Лубненский».

Далее следователь выяснил, что владыка, приезжая в Москву в сентябре-октябре 1927 года и в феврале

1928 года, останавливался у Веры Константиновны Костомаровой. У нее болел отец, и по вечерам она читала ему, близким и знакомым, приходившим его проведать, толковое Евангелие от Марка. Несколько раз на подобных встречах присутствовал владыка. Следователь Казанский А.В. изо всех сил пытался представить эти чтения как подпольное религиозное общество с общецерковными целями и задачами. Однако здравый смысл все же победил, и 15 мая 1928 года следствие заявило, что «таковой (то есть епископ Аркадий Лубненский) совместно с другим лицом, которого епископ Аркадий назвать не пожелал, издал и распространил (нелегально) документ, имеющий цель использовать религиозные настроения верующих масс в антисоветских целях, доказывая наличие гонений на веру, призывая к мученичеству и т.д.».

14 июня 1928 года тот же Казанский А.В., анализируя письмо, нашел достаточное количество «неправильных», с его точки зрения, «мнений и выражений» и сформулировал состав преступления следующим образом: «Послание предлагает взять пример с мучеников, которые «умирают за свободу Церкви, за ее священное предание и даже за книги и сосуды», и что Церковь подвергается гонениям за веру со стороны соввласти, а народу предлагает поддерживать стойкость и мужество попов, заботу об их семьях, и в случае чего, подталкивает попов на активность» и т.д. На основании этого пришли к выводу: «Антисоветскую деятельность Остальского считать доказанной». И подписи — Казанский А.В. и Тучков Е.

Дело было рассмотрено 23 июля 1928 года, и владыка был осужден на пять лет лагерей. И уже 3 сентября 1928 года епископ Лубненский Аркадий (Остальский) прибыл на Соловки. В лагере владыка сохранил твердость и бодрость духа, оставаясь во всем верным архиерейской присяге. Миссионерский дух, возгретый с ранних лет молитвой и ревностью о чистоте православия, не оставлял епископа Аркадия даже в самых сложных и жестких условиях лагерной жизни.

Еп. Аркадий (Остальский)

Режим на Соловках был относительно «свободным», бежать с острова на материк по техническим причинам не представлялось возможным, и оттого администрация разрешала выходить из барака, но не далее положенного расстояния. На острове оставались вольные монахи, которые могли свободно перемещаться и совершать богослужение. По мере возможности, тайно, епископ Аркадий приходил к ним помолиться и поговорить. Они, в свою очередь, кормили владыку, снабжая его хлебом и всем, что имели. На Благовещение епископ Аркадий возглавил Божественную литургию в часовне на втором этаже в сослужении прот. Михаила Савченко и восьми вольных монахов — Ювеналия Мошникова, Константина Травина и других. На службе присутствовало не более 20 человек. В конце богослужения епископ Аркадий произнес слово утешения, в котором так нуждались все живущие на Соловках — вольные и пленные. Владыка долго и проникновенно говорил о гонениях на христианство и о том, как в древности православные прятались в катакомбах от своих преследователей. Образно и убедительно сравнивал древнее время с настоящим, что было так созвучно общему настроению и понятно всем присутствующим.

В лагере владыка пользовался большим авторитетом у заключенных священнослужителей, конечно же, православных. Но украинские автокефалы и обновленцы, невзирая на жестокость лагерных условий, уравнивающих всех перед неотвратимыми страданиями, и здесь оставались непримиримыми к православному архиерею. Некий Орлик Степан Андреевич, автокефальный священник, еще в Житомире вступал с епископом Аркадием в ожесточенные публичные споры, обвиняя его в «ереси». И вот, спустя столько лет, «оппоненты» встретились на Соловках. Неприязнь Орлика к православному епископу была столь велика, что он и здесь, на Соловках, где, казалось бы, верующий в Бога заключенный священник должен забыть о своих пристрастиях, донес на епископа Аркадия администрации.

Действительно, владыка не вписывался в лагерный порядок; организовав вокруг себя православных священников, он внимательно следил за их дисциплиной, благочестием и за тем, чтобы никто не утратил бодрости духа и молитвенного настроения. Для священнослужителей, не имевших никакой поддержки от близких и родственников, он организовал кассу взаимопомощи. Невзирая на опасность, владыке иногда удавалось совершать у вольных монахов службу архиерейским чином. В 1930 году, на Введение Божией Матери во храм, он сказал проникновенную проповедь о значении церкви в жизни верующих, о том, что «только лишившись возможности посещать храм, мы по-настоящему оцениваем, что потеряли». На одной из таких служб епископ Аркадий возложил палицу на священника Михаила Савченко, которой он был награжден митрополитом Константином (Дьяковым), о чем пришло известие с Украины. Это был ревностный, во всем единомысленный с владыкой священник из Полтавы, который помогал организовывать молитвенные собрания, а также распределять средства для поддержания в лагере «необеспеченного» духовенства.

Нигде, даже в пучине соловецкого ужаса, человек не мог ощутить себя достаточно защищенным от новых лишений и больших страданий. Кошмар настоящего не предполагал сам по себе, что завтра не будет хуже. Лагерное начальство, поднаторевшее в искусстве ломать беззащитных заключенных, отлично представляло, какую уже не физическую, а нравственную муку приносит заключенному, ожидающему окончания срока, лишение шанса выйти на свободу. Срок епископа заканчивался 9 мая 1933 года, но таких людей, как он, советские безбожники особенно не любили выпускать на свободу, и 18 мая 1931 года было выдвинуто новое обвинение против епископа Аркадия. Началось новое внутрилагерное дело. Зная, с кем имеет дело, владыка на допросах был немногословен и все обвинения отрицал. Как и на предыдущих допросах, защищая многодетного о. Александра от неминуемого ареста, владыка и здесь, в

лагере, заграждал ближних своей жертвенной отцовской любовью от подозрений следователя. С предельной убедительностью он говорил о своем полном одиночестве и отсутствии любых контактов: «С группой священников в поселке Савватьево я никакой связи, кроме случайной, не имел. Также советов им не давал и давать не мог, так как я своими воззрениями им чужд как украинец. Бессонова я знаю; Дмитрова и Ильина я тоже знаю, так как я одно время с ними стоял сторожами, других я не знаю.

На службе у вольных монахов, которая у них была постоянной в своем помещении, я был также случайный посетитель, в службе я участвовал всего один раз, проповедей я там никаких не читал; разговор о создании кассы взаимопомощи я не вел и вести не мог, т.к. сам у них пользуюсь продуктами. Виновным себя признаю только в посещении службы вольных монахов, но на это я даже не знаю, существует ли запрет. Больше я показать ничего не могу. Все записано верно и мне прочитано. Еп. А. Остальский.

К вышеизложенному считаю необходимым добавить нижеследующее: в посещении вольных монахов я не считаю себя виновным. В 1928 году, когда я прибыл в поселок Кремль, мы, заключенное духовенство, не только имели полное общение с вольными монахами в храме, но невозбранно ходили к ним на квартиры и даже дневалили в их квартирах. Сам я в продолжение некоторого времени дневалил в их помещении. Большую часть 1929 и 1930 годов я провел на острове Анзер и когда после длительного перерыва пришел в поселок Кремль, то узнал, что пять монахов живут в часовне и подле них нет даже дневального; оттого я понял, что и вход к ним не возбранен, тем более, что никто и никогда не объявлял мне запрет на встречу с вольными монахами. К тому же мне было известно, что все они работают вместе с заключенными и потому находятся в непрерывном с ними общении.

Что же касается духовенства, живущего в поселке Савватьево, то наши с ним отношения были таковы:

знаком я только с тремя-четырьмя священниками, фамилии которых я уже упоминал; других же я не знаю даже в лицо. Со священниками я держался весьма осторожно, не знакомился с ними, ибо слышал, что большинство их антисергианцы (то есть не признающие митрополита Сергия, которому я подчиняюсь) и автокефалисты-украинцы, порвавшие с нами духовное общение в 1919 году. С теми священниками, с которыми я был знаком, отношения наши были весьма поверхностны, ибо многое нас разделяло, а именно: а) они — великороссы, я — украинец; нравы, обычаи, условия жизни, а отсюда и взгляды на жизнь у нас разные; б) они — семейные, а я бессемейный; в) они — священники, и смотрели на меня как на представителя того епископата, который некогда их утеснял, и иногда давали мне это почувствовать. Это было мне неприятно, и я не только отходил от них, но и при первой же возможности занял место вещкаптера на участке Овсянка, чтобы не быть с духовенством вместе. Ввиду всех вышеизложенных причин, приходя из Овсянки в хозбюро Савватьево, я весьма редко и мало разговаривал со священниками и даже чай пить или вообще подкрепиться пищей ходил к сотрудникам хозбюро, а не к духовенству. Если же со священниками и говорил, то из приличия, чтобы не быть грубым и не казаться злым на них.

Епископ Аркадий Остальский. 1931 г. 18 мая».

К этому времени относится описание внешности епископа Аркадия, занесенное в «особые приметы»: «Рост 165. Волосы и брови черные, с проседью. Глаза карие, нос обыкновенный. Особых примет нет».

По своей трудоспособности отнесен к «категории 2-я общая». По прибытии в лагерь на каждого заводился некий формуляр, в котором в точности фиксировалось место работ и отношение к труду. Такой формуляр сохранился, и мы можем проследить динамику «трудовых успехов» епископа.

12.VIII. 1928 г. — общие работы.

10.IX. 1928 г. — сторож.

16.IX. 1928 г. — поведение хорошее. Отношение к труду и дисциплинированность соответствуют требованиям служебных обязанностей.

11.VI. 1929 г. — ничем себя не проявил.

VI СЛОН

Голгофа 12.VII. 29 — взысканиям не подвергался, поведение и отношение к труду удовлетворительное. Религиозного убеждения.

Февраль. 30 г. — служ.культа (епископ).

Троицкая — порядкам не подчиняется по религиозным убеждениям, работу выполняет, поскольку находится в условиях лагеря.

6. VII. Троицкая — епископ лаграспорядку не подчиняется. Настроен антисоветски, группировал вокруг себя служителей культа, ведя среди них агитацию против обновленческого направления православной церкви. Требует строгой изоляции и неуклонного наблюдения.

4. X. 30 г. — (епископ). Поведение хорошее, работу выполняет, т.к. находится в лагере, дисциплинарным взысканиям не подвергался, среди служителей культа имеет большое влияние религиозного убеждения. Аттестацию не проходил.

Грота Савватьево сторож — дисциплинарным взысканиям не подвергался, среди служителей культа имеет большое влияние религиозного убеждения. Аттестацию не проходил.

29.VII.31 г. — (епископ). Дисциплинирован. К труду относится неудовлетворительно, работу выполняет по-казенному, хитрый, осторожный, среди за-

ключенных явно показывает себя, выражая недовольство новым проведенным мероприятием культурных перевоспитаний и лагерной жизнью вообще.

И т.д.

Некий заключенный 4-го отделения поселка Савватьева Погорелов Роман Петрович написал донос о том, что группа заключенных священников, таких, как Константин Иванович Бессонов, Александр Иванович Феолентов, Михаил Данилович Савченко, Александр Васильевич Вознесенский и другие (всего 15 человек), возглавляемые епископом Аркадием Остальским, проводят под видом религиозных бесед агитацию, направленную на дискредитацию советской власти. Началось внутрилагерное дело № 58/2280. «...Произведенным расследованием установлено: заключенный Остальский, собрав группу заключенных священников и рядовых верующих, после совершения с присутствующими религиозных обрядов — исповеди и причастия, произнес проповедь, в которой указал, что верующая масса и духовенство в данное время подвергаются гонениям так же, как и христианство подвергалось гонениям в первые века. Аналогичную по содержанию беседу Остальский провел и в праздник Крещения в 1931 году.

Заключенный Остальский с целью создания себе авторитета среди окружающих его заключенных, помимо исполнения обрядов с антисоветским оттенком, занимался награждением заключенного духовенства и призывами организации материальной поддержки нуждающихся заключенных верующих деньгами, продуктами и одеждой.

Так, Остальский торжественно в присутствии вышеуказанного духовенства и рядовых верующих наградил заключенного Савченко Михаила палицей, причем во время выдачи награды последнему произнес следующую речь: «Приходит конец мира. Настала власть сатаны; духовенству нужно объединиться, поддерживать

друг друга материально, для чего надо производить сбор денег, продуктов и одежды, привлекая к этому и рядовых верующих».

Заключенное духовенство, находившееся под влиянием Остальского, в свою очередь, распространяло антисоветские слухи, в общем сводившиеся к тому, что советская власть своей политикой разорила крестьянские хозяйства и что при создавшемся тяжелом положении в стране должна быть перемена власти.

Подобные антисоветского характера разговоры, дискредитирующие советскую власть, группа проводила при всяком удобном случае, как-то: во время чток в бараках газет, докладов и бесед воспитательного характера»...

И далее идет персональное перечисление проступков лагерного священства. Например: «Заключенный священник Вознесенский Александр Васильевич в присутствии заключенных говорил, что за границей о положении в советской стране знают все; для советской власти, вероятно, наступит такой момент, какой потерпел царь Николай. Во время сбора средств на дирижабль заключенный Вознесенский со злобой сказал: «Скоро ли большевики заткнут свое горло, все берут, берут и никак не удовлетворятся». В одном из разговоров о народном образовании Вознесенский высказал, что раньше духовенство массе давало лучшее образование, чем дает в настоящее время советская власть.

Заключенный священник Изгородин Василий Павлович в разговоре с группой заключенных обновленческой ориентации духовенства доказывал последним, что при старом правительстве было намного лучше, чем в данное время. Кроме того, при проведении лекции среди заключенных на тему «Чистота — залог здоровья» Изгородин, выступив по существу лекции, высказал с иронией: «Какая бы чистота ни была у свиней, но если их не кормить, пользы не будет, и лучше бы было, если бы нам, заключенным, давали бы больше хлеба, чем кормили подобными лекциями».

Заклученный священник Ильин Василий Степанович 23 января 1931 года в присутствии заклученных высказал: «В данное время советская власть дает по 10 лет только с той целью, что ей нужен бесплатный труд для выполнения пятилетки». И тому подобная мозаика из критических высказываний священников, окружавших епископа Аркадия, о положении вещей.

В «Заклучительном постановлении» записано: «Поведение остальных участников группы Остальского — закл. Травина, Коновалова-Ларского, Сахарова, Гундяева, Седова, Телухина, Осгостурова и Александрова выразилось: первых двух, т.е. Травина и Коновалова-Ларского совместно с епископом Остальским в совершении религиозных обрядов, а со стороны остальных — посещений нелегальных собраний».

Большинство обвиненных священников виновными себя не признали. Несмотря на это, все были заклучены в штрафизолятор на шесть месяцев. Те, кто никак не высказывался, был тихим и лояльным, но поддерживал отношения с епископом Аркадием, получили по три месяца штрафизолятора.

Владыку Аркадия обвинили в том, что он «1) Сгруппировал вокруг себя заклученных из духовенства и религиозно настроенных мирян с целью подрыва авторитета советской власти, а также и лагерной администрации, систематически проводил под видом исполнения религиозных обрядов антисоветскую агитацию. 2) С целью создания себе авторитета среди заклученных организовал сборы через заклученное духовенство пожертвований для якобы нуждающихся заклученных. Кроме того, торжественно в присутствии многих заклученных награждал палицей заклученного Савченко... т.е. в преступлениях, предусмотренных статьей 58/10 ч. 2 УК».

Дело владыки было направлено в Тройку ОГПУ в ЛВО на внесудебное рассмотрение. А до решения Тройки Остальский был переведен в следственный изолятор поселка Кремль и содержался там с 7 апреля по 7 мая 1931 года. Внутрелагерный суд, осуществляемый Трой-

кой ОГПУ на основании доноса, определил владыке быть в лагере еще пять лет.

Отбыв срок сполна, епископ Аркадий Остальский в феврале 1937 года стал ожидать от митрополита Сергия (Страгородского) назначения на кафедру. Средств к существованию практически не было. Вот свидетельство самого владыки: «Жил я на деньги, вырученные от продажи художественной литературы — русских классиков, за которые я выручил около 2 тысяч рублей. Более четырех месяцев я жил в Касимове (у священника Николая Правдолюбова и его матушки Пелагеи Ивановны. Сам о. Николай и его брат Сергей были на Соловках, где и подружился с владыкой). Общался со священниками Михаилом и Федором Дмитриевыми, они очень интересовались своими племянниками, находящимися на Соловках. Две недели жил в Калуге, раза три за это время жил в Москве по три-четыре дня, иногда у двоюродной сестры Наталии Константиновны Асетницкой — одинокой вдовы, работающей машинисткой. Заходил, но очень редко, к Надежде Алексеевне Гринвальд, а также бывал у Веры Алексеевны Костомаровой. Все они являются моими близкими знакомыми по церкви еще с 1926 года».

Еще до последнего ареста и высылки на Соловки владыка бывал и служил в Пименовской церкви и поддерживал отношения с ее настоятелем о. Николаем Баженовым. Останавливался неподалеку, в Пименовском переулке № 3, у благочестивых старушек Марии Николаевны и Ольги Николаевны Цветковых. Но сейчас, наученный горьким опытом и достоверно зная, что любой его визит и тем более остановка по любому адресу непременно обернется большими неприятностями для хозяев, старался осторожней посещать старых знакомых. Побывав у о. Николая Баженова в 1937 году, епископ Аркадий рассказал о своих злостраданиях. Отец Николай спросил, чем он собирается заниматься. Владыка сказал: «Я много выстрадал за время пребывания в лагере, но я снова горю желанием работать над укреплением Православной Церкви, разъяснять верующим смысл происходящих событий в жизни русского народа,

укреплять веру в народе, хотя бы мне и снова пришлось пострадать за это. Я готов на все...»

Изливая свою душу и заветные мысли, владыка продолжал: «Я как христианин не могу спокойно смотреть на происходящий разгром Православной Церкви и физическое уничтожение веры в народе. Церковь отдана на растерзание антихристианской власти, и стоящие во главе Церкви некоторые епископы и духовенство помогают в этом. Верующих надо объединить вокруг Церкви! Епископы и священники должны первые подать свой голос в защиту Церкви, тогда и народ пойдет за нами. Я много страдал за свои убеждения, и сейчас готов принять любое наказание, я этого не боюсь и буду снова работать над укреплением Церкви».

В другом частном разговоре епископ Аркадий, говоря о нестроениях, расколах, обновленчестве, смятении внутри самих православных, пытался найти иную, не внешнюю, а внутреннюю духовную альтернативу: «В порядке обычных разговоров со своими знакомыми кто-то из них задал мне вопрос: что необходимо сделать для укрепления Церкви? Я ответил, что Церковь расшатывается вследствие нашего нравственного падения. Следовательно, для того, чтобы укрепить Церковь, необходимо в основу положить наше нравственное усовершенствование. Последнее является средством борьбы с неверием и его наступлением на Церковь. О том, что нравственное усовершенствование является единственным средством укрепления Церкви и что другими средствами мы не можем располагать, я пришел к убеждению в 1935 году, когда на Соловки прибыл епископ Петр Руднев, который много рассказывал мне о нравственных проступках епископата и духовенства и полной разрозненности среди последнего. Уже в это время я пришел к выводу, что после освобождения я буду стремиться не к тому, чтобы управлять епархией, а чтобы иметь возможность совершать богослужение в храме, а если это не удастся, то быть хотя бы сторожем любого храма, скрыв от верующих свое епископское звание, с тем, чтобы своим высоким нравственным

совершенствованием дать образец того, кто и какие люди могут украсить Церковь в современных условиях. О борьбе с советской властью какими-то физическими или иными средствами я давно перестал и думать, вследствие того переворота, который я лично пережил. И сама Церковь в современном состоянии не способна к какой-либо подобной борьбе. Только нравственное усовершенствование служителей Церкви и верующих свяжет их между собой и сделает гибкой Церковь для сопротивления наступающему неверию... Нравственное усовершенствование служителей церкви и верующих ничуть не противоречит смыслу Конституции. Свобода исполнения религиозных обрядов предполагает нравственное усовершенствование верующих и укрепление самой церкви. В этом смысле мы можем использовать легальные возможности, предоставляемые нам Конституцией».

Но не только нравственное совершенствование заботило владыку. Он неустанно посещал своих духовных чад в Москве и других городах. Его преданность Церкви и решимость пострадать за Христа передавалась его пастве. Одно его присутствие трезвило и давало духовную надежду и радость. Всем своим существом владыка протестовал, не мог и не хотел согласиться с разгромом Православной Церкви безбожными властями. Как-то в 1937 году возле Пименовской церкви епископ Аркадий встретил священника Степана Маркова и в беседе с ним сказал: «Приехал в Москву навестить своих духовных чад. К управлению церковному меня не допускают, боятся, что я снова буду возбуждать народ и оживлять православную церковь. В этом не раскаиваюсь, если придется пострадать за Христа, я готов к этому. Правительство взяло курс на уничтожение последних оставшихся православных храмов, повсюду видишь запустение внешнее, но вера в Бога у народа велика. Это я говорю по опыту. Стоит только епископу появиться в деревне или в городе, моментально вокруг тебя собирается народ. И как на молитве себя держат верующие, это тоже характерно — тишина, торжественное благоговение,

порядок». И действительно, где бы ни появлялся епископ Аркадий, тут же вокруг него образовывался определенный круг ревнителей Церкви и ищущих духовного окормления в столь непростое и трудное не только для православных время. Духовный опыт, смиренномудреное терпение, приобретенные во многих гонениях и ссылках, решимость отдать всего себя на служение церкви притягивали к нему людей. Он говорил: «Я не верю в то, чтобы русская нация совершенно сошла со сцены. Нет, национальный дух живет в русском народе, и придет время, он себя покажет». «Меня хотят насильно оторвать от Церкви. Умышленно не дают место, но я все равно буду работать над укреплением Церкви и веры в народе».

Во время безбожной пятилетки такой светильник веры и благочестия не мог долго оставаться на свободе. Владыка находился в Калуге, когда местный архиерей Августин был арестован. Епископ Аркадий отправился в Москву к Местоблюстителю Митрополиту Сергию (Страгородскому) с просьбой назначить его на эту овдовевшую кафедру, но доехать так и не смог. 22 сентября 1937 года по дороге из Калуги в Москву, прямо в поезде, его арестовали. Это был последний арест в его многострадальной жизни. Оставалось одно — взойдя на Голгофу, претерпеть страдания и смерть за Христа.

17 октября 1937 года офицер УНКВД Леон В.М. начал допросы. Претензии следствия хотя и были несерьезными, но их опасность для жизни архиерея не вызвала сомнений. Решительность, с которой взялись власти за «окончательную подчистку религиозных атавизмов», не оставляла надежд на относительно благоприятный исход.

На допросе следователь поставил вопрос-обвинение: «Вы, являясь последователем ИПЦ, по существу стали в ряды самой реакционной части духовенства, ведущей борьбу против Соввласти и не признающей таковую. Дайте показания по существу». На что владыка ответил: «Я являюсь последователем Православной Церкви по своим религиозным убеждениям, политическая же моя

программа и отношение к соввласти основаны на предсмертном завещании Патриарха Тихона от 1925 года и на декларации митрополита Сергия от 1927 года и его интервью от 1930 года». И дальше, желая объяснить свою позицию, епископ Аркадий сказал: «Я горю желанием служить Церкви, то есть совершать богослужения... я готов быть на должности любого рядового московского священника. Мне как последователю Православной Церкви необходимо быть в Церкви и служить Богу». Епископ Аркадий пытался всячески объяснить свою невраждебность к советской власти и подчеркнуть только заветное (конституционное) желание «всего себя отдать служению Православной Церкви и религии». На вопрос следователя: «Ваше отношение к религии?» — он ответил открыто и мужественно: «После 15 лет, проведенных в ссылках, на сегодняшний день остаюсь не согласным с соввластью по вопросу религии и закрытия церквей... и только в этом вопросе имеется та идейная борьба, о которой я говорил выше».

Но для хозяев жизни, временно облеченных властью принимать решение: жить или умереть, — оставаться православным архиереем, болеть всем сердцем за Христову Церковь и было наихудшим политическим преступлением, не предполагавшим снисхождения. Помимо различных его высказываний о несправедливостях власти по отношению к Православной Церкви, ему вменяют в вину полученную от незнакомца молитву Кирику и Иулите, напечатанную через копирку, «которую можно истолковать в контрреволюционном духе». Как следователь ни старался, но на все его попытки заставить признаться в антисоветской деятельности епископ Аркадий отвечал однозначно: «Свою контрреволюционную деятельность категорически отрицаю». Но это не помешало майору Якубовичу в начале декабря утвердить обвинительное заключение по делу № 3393 по обвинению Остальского Аркадия Иосифовича по статье 58-10 УК РСФСР.

В 4-й отдел УГБ УНКВД Московской области поступили сведения о том, что «возвратившийся из

концлагерей епископ Остальский Аркадий Иосифович продолжает вести контрреволюционную, погромно-повстанческую агитацию, восхваляет фашистский строй и распространяет разного рода ложные контрреволюционные провокационные слухи о войне и якобы скорой гибели советской власти, о тяжелом материальном положении трудящихся в СССР, о якобы существующем в СССР гонении на религию и духовенство...»

Дело епископа Аркадия Остальского было направлено в Москву на рассмотрение судебной Тройки. Вещественных доказательств по «делу» не оказалось. Владыка Аркадий содержался в Бутырской тюрьме.

7 декабря 1937 года владыка Аркадий Остальский был приговорен к расстрелу.

Большую часть послереволюционной жизни (15 лет из 20) владыка провел в тюрьмах и лагерях. Как искусный шлифовальщик, вытачивая новые грани, заставляет алмаз сиять еще ярче, так и Промысел Божий, ставя своего избранника перед лицом непрекращающихся ударов, наносимых ему со всею беспощадностью, делает его еще более прозрачным Свету Христову. Претерпев мученическую кончину за Христа и Его Церковь, епископ Аркадий стал диамантом Небесного Царства, украсившим православное небо России.

Прот. Н. ДОНЕНКО

ИСПОВЕДНИК О. МИТРОФАН ВОЗДВИЖЕНСКИЙ

Родился Митрофан Константинович Воздвиженский 1 июня 1886 года в селе Великом бывшего Волочанского уезда Харьковской губернии в семье псаломщика. Отрок жил и рос в страхе Божьем, наставляемый благочестивыми родителями. Константин Воздвиженский имел участок земли. Сам трудился и привлекал в сезон наемных работников до 20 человек. Постоянно же в найме было только трое.

В 1904 году Митрофан Константинович поступает в Таврическую семинарию. Учится прилежно, старательно. Но революционная волна, захлестнувшая Россию, вторгается в тихую семинарскую жизнь и овладевает умами многих семинаристов. Из-за революционного и нецерковного настроения большей части воспитанников 30 января 1906 года Таврический архиепископ Дмитрий (Абашидзе) на основании Постановления Святейшего Синода от 21 июня 1899 года закрывает семинарию с увольнением всех ее воспитанников. Основания были вполне весомые. В официальном документе от 11.01.1907 года мы читаем: «В прошедшем и настоящем учебных годах в Таврической семинарии замечалось много обнаружений, свидетельствовавших о безрелигиозном, нецерковном, антидисциплинарном и даже противоправительственном настроении и направлении некоторых из учащихся. Так, наблюдались неисправное посещение церковных богослужений, общих, домашних молитв, участие воспитанников в местном атеистическом издании (журнал учащихся «Луч»); участие их в организациях для противодействия мероприятиям семинарского Правления (существование «Комитета», отбирание оппозиционного характера подписок и т.п.), открытое участие одного из воспитанников в каникулярное время в противоправительственной агитации (за что и уволенного); бойкот в отношении некоторых из товарищей...»

Резко и грубо выражавшаяся непочтительность в отношении к лицам начальствующим, лицам инспекторского надзора и преподавателям...»

Таково было брожение в семинарии. Скоро, совсем скоро ее воспитанникам придется определяться. Многие из них станут мучениками и исповедниками, а некоторые пополнят собою ряды революционеров, смело шагавших навстречу гибели Отечества и гибели собственных душ, худшей из возможных.

Всем семинаристам, желающим быть принятыми обратно, было предложено подписать вышеприведенный документ и «дать письменное обязательство отнюдь не допускать впредь ничего из выше прописанного и вообще исполнять все правила семинарской дисциплины, подвергаясь при несоблюдении последних немедленному увольнению из семинарии...» Хотя Воздвиженский и не отличался плохим поведением и не имел революционных соблазнов, ему также пришлось подписать подобное обязательство.

По окончании семинарии Митрофан Константинович женился на девице Татьяне Онуфриевне Гловой. Одна за другой рождаются дочери: Ольга, Мария, Надежда, Нина. В 1909 году Митрофан Воздвиженский был рукоположен в сан дьякона и служил в Трехсвятительской церкви при Таврической Духовной семинарии в Симферополе. В 1918 году, 32 лет от роду, был рукоположен в священник сан арх. Таврическим Димитрием (Абашидзе) и определен на священническое место в тот же храм. Но послужить спокойно о. Митрофану не удалось. Революция, гражданская война смешали все, что можно было смешать, и перевернули прежнюю жизнь. Священник Митрофан Воздвиженский оказался политически чувствительным человеком. Большевицкая пропаганда и политические лозунги не коснулись его воцерковленного сознания. Он сумел трезвенно, незамутненным сердцем воспринять происходящее. В годы гражданской войны о. Митрофан помогал Белой армии, встречал генерала Тилло с хлебом и солью. Впрочем, во всем оставаясь верным священнической присяге, он умел

рассмотреть реального, живого человека, как образ и подобие Божие, с обеих сторон баррикад, поверх любых барьеров, невзирая на трудности, о. Митрофан умел жить и чувствовать по-христиански и оставаться любящим и ревностным пастырем во всех обстоятельствах.

После гражданской войны о. Митрофан перебирается с семьей в с. Ново-Даниловку Акимовского района Запорожской области. Служит в Никольском храме. На новом месте священник не перестает ревновать о правде и пастырском долге. Во время коллективизации, совместно с сознательным, не потерявшим веру в Бога и не утратившим совесть крестьянством, сопротивляется и протестует против беззаконий как может. Объясняет и убеждает, что «это дело неправое и от его реализации потеряют не только крестьяне, но само государство, ставшее на путь саморазрушения». Проповеди о. Митрофана не только привлекают все больше и больше людей, но многих и убеждают — нельзя соглашаться с чужой злой волей, какой бы сильной и навязчивой она ни была.

В ноябре 1931 года Акимовское ГПУ арестовало неугомонного священника за контрреволюционную агитацию, но время праведника еще не пришло, и он был отпущен. Священник не испугался и не успокоился. Так же, как и до ареста, он проповедовал, ходил по домам и увещевал крестьян, духовно ослабевших и растерявшихся от государственного террора и безбожного давления. Безбоязненно говорил проповеди в церкви и не умолкал за ее оградой. Не только призывал к молитвам и всеобщему покаянию, единственно могущему изменить жизнь народа, но обличал неправды общественные. Во время подписки на государственный заем он не оставался в стороне молчаливым наблюдателем, а высказывал свое мнение открыто, говоря, что это не что иное, как грабеж уже ограбленного народа. И деньги пойдут на войну в Испании, и никакой пользы крестьянам от этого не будет. И хуже того, нелюбезно высказывался о Сталине и всем ЦК ВКП(б). А во время переписи населения в январе 1937 г. неустанно ходил с

молитвой по домам и убеждал всех православных и сомневающихся записываться верующими. Ни под каким давлением, ни ради страха, выгод или ради других причин не отказываться от Бога и Церкви. На одной из проповедей о. Митрофан говорил: «Закабаленный народ русский коммунистическим строем, жестокой эксплуатацией и чрезмерными налогами, опять надевает на себя новую петлю. Народ православный не знает, что этим займом он готовит сам себе истребление, он не знает, что эти деньги еще идут на компенсацию военных расходов в Испании, все эти статьи в газетах с требованиями рабочих о скорейшем выпуске займа обороны, это ересь, это воля кучки коммунистических лидеров, они ведут Россию к гибели. Также как Сталин, Ворошилов в погоне за славой подставляют миллионы человеческих жизней под смертельный удар, они готовят гибель, надо опомниться и знать, что заем — это братоубийство...»

На дому у о. Митрофана собираются единомышленники — Ржанской, Кочетков и др. Молятся, беседуют, как выжить в этом бесправии, как отстоять храм и свои души от воинствующих атеистов, от все большей нетерпимости и злобы ко всякому проявлению веры и церковности. Вскоре Ржанской и Кочетков были арестованы и репрессированы. Такая же участь ожидала и о. Митрофана Воздвиженского. И неудивительно. Все время он без страха и сомнения посещает тех, кто уже боится бывать в церкви, и призывает крестьян не работать по воскресным дням и большим праздникам. Советует не продавать хлеб и пророчески замечает: «Будет война и хлеб понадобится самим».

Как-то раз, в частной беседе с коммунистом Власенко Дмитрием Степановичем, о. Митрофан недоумевал относительно новой Конституции: «Теперь, согласно Конституции и новому избирательному праву, я тоже могу быть избранным. Конституция вышла под давлением мирового общественного мнения, но я тебе скажу, что голосовать за вас, коммунистов, не буду. Хоть ты и коммунист, я тебя не боюсь... А русский народ дождетя все

же освобождения от коммунистов. Большевики во главе со Сталиным завели Россию в тупик».

Крестить детей у родителей, переставших ходить в церковь, батюшка не соглашался. Дома у крестьянина Василия Ивановича Скрябина только после того, как убедил его жену отказаться от всех заблуждений, приступил к Таинству и покрестил всех ее детей от грудного до 13-летнего.

Но дни, доживаемые на свободе, у о. Митрофана были сочтены. На одной из последних проповедей он сказал: «...люди гибнут от эксплуатации и террора как мухи, фактически Россией руководит кучка коммунистов-каннибалов...» В 1937 году этого было достаточно, чтобы распрощаться со свободой.

6 августа 1937 года священник Митрофан Константинович Воздвиженский был арестован. Обвиняли его за нелегальные собрания на дому, за контрреволюционные высказывания и агитацию не отказываться от веры во время переписи и т.д. Отцу Митрофану было 73 года. После осмотра врач выдал справку — здоров.

Но какое бы ни было здоровье, костоломная машина конца 30-х годов не оставляла надежд на выживание.

Начались допросы.

— Какой контрреволюционной деятельностью вы занимались? — был задан традиционный вопрос.

Отец Митрофан ответил:

— Никакой.

Следователь настаивал, на что священник твердо сказал:

— Я еще раз заявляю, что говорю правду и никакой контрреволюционной деятельности не проводил.

Следователь:

— Вы, ходя по домам с молитвой, говорили, что Советская власть будет накладывать на лбу печать Антихриста у всех отступников. Так ли это?

Отец Митрофан:

— Я действительно ходил с молитвой, но такого не говорил. Ссылаясь на осведомителей, следователь утверждает:

— Вы говорили, шестая заповедь говорит «не убий», но если бы кто Сталина убил, то Бог не накажет, так человечество освободилось бы от такого кровопийцы. Вообще, не было бы греха, если бы перестреляли весь ЦК.

Но священник все категорически отрицает и никакой вины перед законом и Отечеством не признает.

Следствие ищет и находит «нужных» свидетелей. Гвозденко Анна Григорьевна 10 сентября 1937 года дает такие показания: «...о. Митрофан забрел к нам и начал было какую-то молитву. Я ему сказала, что нам эта штука не нужна. Поп Воздвиженский с хитрой обидой начал говорить: “Вы такая молодая и совсем уже заблудились. Вы разве не знаете, что Советской власти конец, и скоро конец... Церковь ничего предсудительного не проповедует, она внушала людям скромность, культуру. Люди были воздержаны и послушны, а сейчас что делается... Вы такая молодая и вот, прогоняете меня из квартиры... По сути, если посмотреть, русский народ обманут, лучшие умы изгнаны за правду. Голосовать за коммунистов нельзя, горе будет тому, кто за коммунистов будет голосовать. Коммунистическая пропаганда несет людям смерть, нищету и разорение...”»

Следователь вызывает еще двух свидетелей, явно предвзятых, желающих просто угодить начальству. Их показания сводятся к тому же: «Этот поп социально вредный для общества».

Священника допросили только один раз. Он все категорически отрицал, не шел на поводу у следователя даже в самом незначительном и третьестепенном. Вероятно, следователь понял бесполезность новых допросов и решил удовлетвориться только свидетельскими показаниями. Именно на них выстроилось обвинение.

Все это время о. Митрофан содержался в Акимовском РО НКВД. 1 октября 1937 года тройка НКВД, обвинив священника в том, что он «будучи враждебно настроенным, проводил контрреволюционную агитацию, восхваляя фашизм, и высказывал террористические намерения

над руководителями партии и правительства», осудила отца Митрофана Воздвиженского на 10 лет лагерей.

Апостол Петр говорит: «Христос пострадал за нас, оставив нам пример, дабы мы шли по следам Его» (I Пет. 2.21). И священник Митрофан Воздвиженский последовал за Спасителем всей своей многотрудной жизнью. «Многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие» (Деян. 14, 22). Без ропота и смущения он принял свой нелегкий крест, как бы из рук Самого Христа. Смирненно воспринял гонения, напрасные обвинения и ссылку в Локчемлаг в Коми АССР.

На 74-м году жизни священник оказался в бездне человеческих мучений и неправд. Маловероятным представлялось отбыть срок и вернуться. Оставалось только страдать и терпеть... Через 15 месяцев после ареста отца Митрофана не стало. Он умер в лагере и был похоронен в одной из братских могил.

Христиане суть члены единого тела Христова и потому спасительное страдание христианина и его радование о Христе в этом страдании должны стать всецерковным состраданием с Ним.

СВЯЩЕННИК АЛЕКСЕЙ УСЕНКО

Жизнь и судьба священника Алексея Дмитриевича Усенко характерна для своей эпохи — времени великих потрясений, не всегда нужного героизма, сомнительного и зачастую бесполезного энтузиазма. Соблазны эпохи трудно рассмотреть изнутри тем более, если живешь вдали от столбовых дорог истории и единственным источником информации остается изолгавшаяся пресса и горе-пропагандисты, раздавленные бронированной поступью идеологии. Но как бы ни было трудно и смутительно, подлинный христианин всегда находит и держится несомненного и единственно спасительного — Святой Православной Церкви. Так жил и за это был репрессирован священник Алексей Усенко.

Родился он в семье псаломщика села Большой Токмак 15 марта 1873 г. Окончив семинарию, женился на девице Александре. В 1913 г. родилась дочь Людмила, а в 1915 г. — Елена. Был рукоположен и служил в одной из деревень нынешней Запорожской области. Так и прошла бы в трудах и молитвах незаметно для многих жизнь православного священника, если бы не революция и последовавшие за ней радикальные перемены. Гонения 20-х и начала 30-х годов прошли сравнительно безболезненно для о. Алексея. Его только дважды арестовывали — первый раз в 1921 году и в 1931 — за неуплату общинных налогов. Но священник не заплатил скорее по бедности, чем по злему умыслу. Смиранный батюшка был отпущен. Но до времени.

В 1936 г. в деревне Тимошевка Калининского сельсовета Михайловского района, где жил священник с семьей, местная власть закрыла храм и превратила его в склад. Ниже среднего роста, бодрый, подвижный о. Алексей был еще полон сил, несмотря на свои 64 года. Он не остался сидеть дома и пошел работать в колхоз. Проповедовал Слово Божие везде, где были люди, готовые его

слушать. Всякий разговор с односельчанами он превращал в проповедь. Заработать, разумеется, удавалось редко, и реально священник жил на доход, получаемый от пяти ульев.

Отец Алексей жил в Тимошевке с 1930 года и, конечно же, знал всех односельчан. Кто чем живет и чем дышит. Главной его целью было убедить верующих собрать подписи и ходатайствовать перед властями об открытии храма. Ободрял, увещевал, обнадеживал. Так что православные односельчане стали вправду верить, что по молитвам и благословию своего пастыря они смогут добиться открытия любимого храма и благодать церковной молитвы снова освятит их души.

За активную проповедь о. Алексея уже высылали из Тимошевки. Вернувшись, он не оскудел в дерзновении. И вот, когда вообще закрыли храм, он все свои силы отдал проповеди, обличая и увещевая колеблющихся и усомнившихся.

В мае 1936 года, зарабатывая трудодни, крестьяне услышали от о. Алексея: «...смотрите, как плохо стало жить людям с тех пор, как народ отказался от Святой Церкви. Раньше народ имел землю, а когда стал не верить Господу Богу, то Господь направил на народ наказание. И вот вы видите, в 1933 году множество голодом наказанных вымерло, а после этого Господь Бог послал хороший урожай за покаяние, но коммунисты этот хлеб всяким путем отняли от людей. Нужно молиться Господу Богу, и тогда Господь Бог помилует нас, грешных, и пошлет нам спасение от этих извергов коммунистов». Отец Алексей нередко заходил в бывшую церковь, переделанную безбожниками в амбар, поговорить с односельчанами. В июле 1937 года, когда крестьяне работали на сортировке зерна, которое было там ссыпано, священник подошел поздороваться со всеми и потом начал говорить: «Этот святой дом эти окаянные коммунисты превратили в амбар. Господь Бог это видит и пошлет за это наказание. И вы, честные и праведные люди, видите, что это работа нелюдов-коммунистов, и бойтесь обществом потребовать от коммунистов возврата

священного дома мирному люду. Если вы боитесь, я помогу вам это сделать. Мы будем требовать, чтобы нам вернули этот святой дом таким, каким он был». Мужество священника и позиция о храме Божиим находили живой отклик и сочувствие в душах крестьян. В сентябре того же года о. Алексей, придя в поруганный храм, стал говорить: «Нам, детям Господним, нужно отказаться от неправедных Господу Богу людей, от их дел, и Господь Бог нам в этом поможет... Мы жили хорошо, имели свою землю и не знали никаких налогов и заемов. Вы подписываетесь на заем... это делают изверги-коммунисты, чтобы укрепиться. Но как бы они ни укреплялись, все равно придет тот час, когда все это кончится».

Мы стали свидетелями справедливости слов исповедника, таких не похожих на правду в те годы. Власть имущие, в то время, впрочем, как и в любое другое, не любили всяких предсказаний об их конце и всемерно старались призвать к ответу несанкционированных проповедников.

30 октября 1937 года лейтенант Михайловского РО НКВД Окентюк выписал ордер на арест: «Есть основания полагать, что он скроется от суда и следствия...» Священника арестовали и отправили в Мелитопольскую тюрьму.

В тот же день дома у священника уполномоченным розыска Михайловского райкома милиции сержантом Донцом в присутствии понятых Федота Еремина и Николая Онуфриевича Молчанова был произведен обыск. Но ничего толком так и не нашли.

1 ноября 1937 года тюремный врач осмотрел заключенного и поставил диагноз: «хронический миокардит, годен к физическому труду средней тяжести». Любопытно, что медицинская комиссия еще до вынесения приговора определяет степень возможной эксплуатации заключенного на невольничьих объектах необъятной Родины.

7 ноября 1937 года следователь Яремчук производит допрос.

Следователь:

— Проживая в с. Тимошевке, вы занимались контрреволюционной агитацией.

Отец Алексей:

— Виновным себя не признаю, потому что я нигде не агитировал.

Следователь:

— Следствие располагает данными, что в июле 1936 года вы агитировали колхозников на восстановление закрытой церкви и обещали им в этом помочь... а в сентябре 1936 года агитировали колхозников на свержение коммунистов, а также вы агитировали на убийство т. Сталина и восхваляли Гитлера...

Отец Алексей Усенко твердо отвечает:

— Виновным себя не признаю.

Следователь продолжает:

— В августе 1937 года вы в церкви агитировали на срыв займа обороны?

Отец Алексей:

— Не признаю.

Следователь:

— Вы не хотите дополнить свои показания?

Отец Алексей:

— Я дал искренние показания, что агитацией я никогда не занимался, больше добавить ничего не могу.

Следователь прибегает к помощи «сознательных товарищей». Свидетельница Гостышева Дарья Григорьевна с низшим образованием (но с хорошим классовым чутьем) рассказывает, как поп Усенко «проводил агитационную работу среди колхозников за восстановление религии», за что даже «высылался из Тимошевки в 1931 году, но вернувшись, снова принялся за свое».

Свидетели Молчанов Н.А. и Переверзев Г.А. также говорят о контрреволюционной деятельности священника — проповедует, агитирует, призывает молиться и не соглашаться с постановлениями властей: «из церкви сделали амбар, это работа коммунистов, нам нужно требовать возврата церкви и восстановить богослужение, а я вам в этом помогу».

Следователь Яремчук устроил очную ставку священнику Алексею Усенко с Гостышевой Д.Г., добиться желаемого результата так и не смог. Отец Алексей выслушивает спокойно обвинения своей односельчанки. Не возражает, не спорит, но виновным себя, вопреки всем стараниям следователя, не признает.

— ...Вы уклоняетесь от ответа, обвиняемый Усенко, следствие требует от вас правдивых показаний.

Но «правда» гонителя веры слишком далека от Правды, которую исповедует о. Алексей.

Яремчук проводит очную ставку и с Молчановым Н.А., но и здесь не достигает желаемого. Священник не признает себя виновным ни в чем.

Но это не явилось препятствием к вынесению приговора. 14 ноября 1937 года священника осуждают по ст. 54-10 на 10 лет исправительно-трудовых лагерей и отправляют на Бамлаг как «бывшего кулака, сына раскулаченного», обвиненного в том, что «до ареста занимался активной контрреволюционной агитацией...»

Погруженный злой волей во мрак лагерной жизни далекого и страшного Бамлага, безропотно претерпевая скорби и лишения, с легким сердцем человека, предавшегося на волю Божию, священник Алексей Дмитриевич Усенко остался до конца своих дней верным служителем Христа и Его Святой Церкви.

К сожалению, день смерти исповедника установить не удалось. Он умер в Бамлаге и похоронен в одной из многих лагерных могил.

МАТЬ МАРИЯ В ОЦЕНКЕ ПРОТ. В. АСМУСА

Статья матери Марии («Вестник РХД» № 176) задела прот. Валентина Асмуса за живое. В своем ответе он поначалу спорит с теми или иными, иногда резкими, высказываниями матери Марии, что вполне закономерно и даже желательно. Всякая истина, особенно относительная, рождается только в порядке дискуссии. Но постепенно о. Асмус соскальзывает с обсуждения на опорочивание матери Марии совершенно голословными домыслами, а то и просто клеветанием ярлыков (в духе той низкопробной газеты, в которой он считает возможным печататься).*

В общей оценке статьи матери Марии прот. В. Асмус крайне сбивчив: вначале он называет ее «яркой», «интереснейшей», даже местами «вдохновенной», а в конце он ее определяет как «скандальную» и недостойную быть напечатанной.

Прот. В. Асмус считает себя всезнающей: так, принимая публикаторов статьи за выдумщиков, он не верит в то, что статья, после десятилетий неизвестности, была два года назад обнаружена Е.Д. Клепининой в случайно найденном чемодане, затерявшемся в подвале бердяевского дома в Кламаре. Плохо себе представляя условия эмигрантского быта (что естественно, но зачем тогда судить и рядить?), он считает, что статья матери Марии легко могла быть в свое время (1937-38 год) напечатана в «каком-нибудь издательстве, хоть христианском, хоть социалистическом». О каком социалистическом издательстве тут идет речь, непонятно. В далеко не социалистических «Современных записках» статьи на церковные темы вообще не принимались, из-за чего Фондаминский вышел из состава редакции и создал с Г. Федотовым другой журнал, «Новый Град», который выходил лишь раз в год, хотя и считался ежеквартальным. Всезнающий о. Асмус полагает, что мать матери Марии,

* Текст прот. В. Асмуса распространялся сначала в копиях, а затем был напечатан в газете «Радонеж».

С.Б. Пиленко, могла без труда напечатать статью дочери после войны. Где? В каком журнале? На какие деньги? О. Асмусу в голову не приходит, в какой нищете жила русская эмиграция как до войны, так и после, когда уже вообще ни журналов, ни книг почти не выходило. Асмусу все ясно: «Дело конечно в том, что в прежние десятилетия такая скандальная, скажем прямо, публикация была невозможна. Даже в самой евлогийской группировке самые почтенные деятели откликнулись бы на эту провокацию массивным ударом, и статья была бы морально разгромлена». Тут диву даешься, что за советская фразеология: *провокация, массивный удар, моральный разгром* — совсем в стиле Жданова или Семичастного... Неужели почтенный протоиерей видит в деятелях Парижского Богословского Института потенциальных громил? Ведь он же должен знать, что во главе с ректором, митрополитом Евлогием, все профессора Института защищали о.Сергия Булгакова от разгрома, учиненного невольником ГПУ, митроп. Сергием, вкупе с невежественным «карловацким» архиеп. Серафимом, и, в первую очередь, ради свободы богословских мнений и творчества.

Но перейдя на тон советской агитки, о. Асмус уже не унимается и начинает разить направо и налево всех, с кем он не согласен. Оказывается, по словам Асмуса, теперь уже желанный «моральный разгром такой статьи невозможен: инстинкт истины остался только у немотствующих масс, не могущих ее членораздельно защитить, или в обособленных группах, которые стараются маргинализировать или не замечать». Разве Свято-Тихоновский богословский институт, в котором о. Асмус профессорствует, столь уж маргинален? Насколько известно, он имеет статус высшей школы, располагается в здании московского университета, пользуется доверием и прямой поддержкой патриарха Алексия (чего нельзя сказать о Свято-Филаретовской школе о. Георгия Кочеткова, ютящейся в скромном здании, и у которой Патриарх под давлением тех же Асмусов отнял свое благословение...)

Но вот доверием у о. Асмуса «церковные верхи», т.е. Патриарх и Синод, не пользуются. Мы узнаем, что «в

наше время есть реальный шанс сделать модернизм (что под этим ярлыком имеет в виду о. Асмус, он не говорит) официальной церковной идеологией, которую не посмеют не принять церковные верхи, погрязшие в экуменизме и всяческом политиканстве...»

На самом деле вся беда в том, что о. Асмус, как заправский фундаменталист, мыслит христианство «идеологизированно». В статье матери Марии он видит не бьющуюся, трепещущую, живую мысль (к тому же подкрепленную подвигом и жертвой), а идеологию, некий свод идей и правил. Ему не понять (или слишком боязно принять), что в вопросах отношения Церкви к государству, в вопросах обряда и календаря, аскетике и морального кодекса, да и во многих богословских вопросах, во всем, что не касается сердцевины Откровения, нет и не может быть общеобязательной истины в конечной инстанции...

Потому дискуссионный спор фундаменталисту недостаточен: ему нужно скомпрометировать оппонента «окольными» путями, весьма распространенным в советское сверхидеологизированное время приемом очернения одних через других, смешением разных пластов времени, если не реальностей.

Чем в итоге плоха мать Мария? Оказывается, она «уклонилась в евлогийский раскол» (sic!) и тем самым «связала свою судьбу с церковью, которая тогда общалась с нашими обновленцами, а ныне усердно сотрудничает с всемирными ревнителями демократии и прогресса». Вот до какого бреда доводит почтенного протоиерея идеологизация. Быть под Константинополем — значит быть не только в расколе, но еще и в грехе, потому что Константинополь в середине 20-х годов не разобрался в запутанных российских церковных делах и кратковременно вступил в общение с живогерковниками. И не стыдно ли говорить о мученической судьбе матери Марии в таком мелком ракурсе? На эту ахинею не стоило бы отвечать, если бы ее автор не был доцентом богословия, а Институт, в котором он один из ведущих профессоров, не вступил бы в особо тесное

сотрудничество с «раскольничьим» Свято-Сергиевским Институтом в Париже (тут какая-то неувязка). Ведь о. Асмус должен был бы знать, во-первых, что митрополит Евлогий только тогда ушел из-под подчинения Москве, когда ему в 1931 году, по велению ГПУ, через митрополита Сергия, было запрещено публично молиться за преследуемых в России православных братьев. Во-вторых, что в том же году Константинополь уже давно никаких сношений с живоцерковниками не имел. А если уже считать, что временное общение с живоцерковниками накладывает какую-то вечную одиозность, то неплохо бы вспомнить, что будущий патриарх Сергей временно уклонялся в живоцерковный раскол, а будущий патриарх Алексей I снял с возглавителя живцов тяготевшее над ним прещение. Да и что общего у митр. Евлогия и у матери Марии с живоцерковниками, притянутыми тут за хвост, лишь бы путем смешения опорочить «парижских раскольников». О. Асмус, как видно из его слов, еще и противник демократии и прогресса, это его личное дело и вкус, но навязывать Церкви свою политическую идеологию он не вправе. Христианское благовестие действительно и действительно при любом государственном строе.

И последнее: откуда наш сердцеведец знает, что мне «дорог не столько жизненный подвиг м. Марии и ее страдальческая кончина, сколько ее специфически бердяево-эсеровская идеология»? Разуверять о. Асмуса не стану, он все равно не внемлет. Но когда он пишет, что, выражая пожелание, чтобы канонизация матери Марии исходила одновременно из Константинополя и Москвы, я якобы «хочу провозгласить эту идеологию (какую, спрашивается? – Н.С.) во всеправославном масштабе», то я считаю своим долгом засвидетельствовать: просто хотелось бы, чтобы прославление русско-западной новомученицы, добровольно избравшей свой крест, погибшей в газовой камере, было еще и знаком единства православных церквей.

Пора бы понять прот. Асмусу, что в христианстве нет идеологии, а есть живая вера, свободные личности и реальные мученики — свидетели Христа.

Никита Струве

ИМКА-Пресс в Архангельске

Дарение книг, изданных за 70 лет ИМКА-Пресс, в Архангельске состоялось в конце сентября по совместному приглашению Областной библиотеки и молодого священника о. Иоанна Привалова, с благословения местного епископа, Владыки Тихона, закончившего свое богословское образование в Свято-Владимирской семинарии в Нью-Йорке. 27-летний отец Иоанн — настоятель церкви в Заостровье, в 15 километрах от Архангельска. Величественное каменное здание начала XIX века возвышается над голой местностью, если не считать рядом с ним стоящего деревянного храма XVII века, уже давно не действующего. А особенность каменного храма еще и в том, что он один из редких (их насчитывалось по всему СССР в 1940 г. немногим больше сотни), который никогда не закрывался, благодаря стойкости своих прихожан...

Храм в Заостровье

За четыре года настоятельства о. Иоанном создана прекрасная, сплоченная община как из местных жителей, так и из приезжающих из города и соседних предметий... Субботняя литургия перед Воздвижением (при общем пении всей службы) закончилась крестным ходом к недавно восстановленному поклонному кресту, на протяжении двух километров, с пением крестовоздвиженских и воскресных тропарей и кондаков... В тот же день перед вечерней состоялась в притворе храма лекция Н.А. Струве о «религиозном опыте русской эмиграции». В день Воздвижения после литургии в Архангельском соборе, он дал интервью местному телевидению (бывшему неотступно при гостях все четыре дня их пребывания) и был приглашен разделить трапезу епископом Тихоном. Вечером того же дня в сельском клубе Заостровья Н.А. Струве прочел лекцию о Солженицыне. В понедельник, в областной библиотеке состоялось торжественное открытие выставки книг ИМКА-Пресс (оплаченных французским министерством Иностранных дел) в присутствии епископа Тихона, обратившегося к гостям с очень теплым приветствием. Приехавший из Москвы директор «Русского Пути» В.А. Москвин был рад передать от социально-общественного Фонда Солженицына немалое количество книг как для областной библиотеки, так и для распределения по городским библиотекам области. Вечером, по приглашению директора, гости отправились в Северодвинск, где на следующий день, после осмотра города, состоялась беседа с сотрудниками предприятия... Вернувшись в Архангельск, гости посетили четыре из пяти действующих храмов города, где были встречены настоятелями. В последний день состоялся осмотр замечательного заповедника деревянного искусства «Малые Карелы», встреча с общественностью города и прощальный обед у Преосвященного Тихона, который поблагодарил гостей за их визит, тем более ценный, сказал он, что таких визитов в Архангельске бывает немного. В рамках двухмесячной религиозной передачи «Вера» по областному телевидению был впоследствии показан прекрасно составленный получасовой фильм о

пребывании парижских и московских гостей на архангельской земле.

В ЧУВАШИИ... (3–6 ноября)

Через полтора месяца после Архангельска, В.А. Москвин, Н.А. Струве, в сопровождении заместителей по делам культуры при правительстве Москвы, О.В. Беликова и В. Ивановского, отправились в автономную республику Чувашии. Инициатором приезда с даром Имковских книг был отец Василий Паскье, француз, уроженец Вандеи, обратившийся в свою бытность на Святой Земле в Православие. По приглашению игумена Иеронима, он стал в 1996 году его ближайшим помощником по восстановлению и устройению Свято-Троицкого мужского монастыря в горое Алатырь... На предложение о. Василия с большой радостью откликнулись как республиканская библиотека в Чебоксарах, так и городская в Алатыре, где и состоялись соответствующие открытия с чтением лекций и многочисленными интервью. К собранию ИМКА-Пресс были прибавлены Фондом Солженицына многие книги, недавно изданные в России, а также на этот раз к дарению книг присоединилось, по инициативе Ю. Лужкова, и правительство города Москвы. Общий книжный дар достиг чуть ли не 5 000 экземпляров. Гости посетили различные достопримечательности города, музеи, пивной завод, один из самых крупных в Российской Федерации, были более чем радушно приняты президентом Чувашской республики Федоровым и местным епископом, Преосвященным Варнавой. В Алатыре, наиболее русском городе в Чувашии, приехавших поразило, из каких руин и как добротнo за два года удалось восстановить основной корпус монастыря и его просторную церковь. В советские времена тут были производственные склады и цехи, а в 30-е годы монастырь служил еще и местом массовых расстрелов: в подвале полуразрушенного Богоявленского храма до сих пор лежат останки жертв с простреленными черепами... В восстановленном монастыре

подвизаются сорок монахов и послушников, а на ниве школьного образования жертвенно трудится православная англичанка...

Прием у Владыки Варнавы

...И В КИЕВЕ (26-30 ноября)

В 1991 году, после Москвы и Петербурга, ИМКА-Пресс передала фонд своих книг в Киевскую национальную библиотеку. В этом году было предложено открыть особую читальню ИМКА-Пресс в одном из киевских учебных или музейных учреждений. При посредничестве К. Сигова, директора центра европейских исследований в Киево-Могилянской Академии, выбор пал, с благословения блаженнейшего Владимира, предстоятеля Украинской автономной Церкви, на Духовную Семинарию и Академию в Киево-Печерской Лавре, особо ну-

ждающиеся в книгах, хотя бы потому, что на разных отделениях в них учатся около двух тысяч студентов... Читальне было присвоено имя Надежды Яковлевны Мандельштам, киевлянки, замечательной свидетельницы своего времени, крещенной в детстве, но в последние 20 лет своей жизни ставшей, при духовном окормлении о. Сергия Желудкова (в Пскове), а затем о. Александра Меня (в Москве) истой церковницей. Большую помощь по перевозке книг и общую поддержку оказал культурный советник французского посольства Ани Добантон. В вечер своего прилета Н. Струве прочел во французском культурном центре на французском языке лекцию о философе-киевлянине Льве Шестове. Торжественное открытие читальни имело место на следующий день в просторном актовом зале Академии. Блаженнейший митрополит Владимир произнес вступительную речь.

Блаженнейший митр. Владимир на открытии читальни ИМКА-Пресс в актовом зале Киевской Духовной Академии

Непосредственно после открытия состоялась лекция Н. Струве о другом знаменитом киевлянине, о Василии Зеньковском. Докладчик подчеркнул многогранность личности Зеньковского, на 7/8 украинца и украинофила, но целиком погруженного в русскую культуру, крупного ученого, но в первую очередь неутомимого церковно-общественного деятеля, человека очень принципиального, но склонного, ради мира, к компромиссам и т.д. Основную задачу Зеньковского докладчик определил как призыв к построению православной культуры и выразил пожелание, чтобы в Академии был открыт курс, посвященный изучению творчества Зеньковского. После доклада состоялся оживленный обмен мнениями как со студентами и профессорами, так и с киевской интеллигенцией, многие из которых впервые переступили порог Духовной Академии. Среди них были организаторы и хранители замечательного Булгаковского музея на Андреевском спуске, который не перестает расширяться, в частности, экспонатами, связанными с православными мыслителями, близкими к семье М. Булгакова. Вечером того же дня посол Франции на Украине устроил в честь приехавшего гостя обед. На следующий день Н. Струве выступил с лекцией об Осипе Мандельштаме в Славянской Академии при переполненном студентами зале, а после всенощной разделил трапезу с проректором Академии. В воскресный день было организовано посещение новообразованного прихода в Дарнице, где живет едва ли не треть всего киевского населения и где воздвигается большой собор (пока открыты лишь подвальная церковь, часовня-крестильня и часовня, посвященная памяти черныбыльских жертв), недавно восстановленный Ионинский монастырь, пользующийся большим успехом у киевской верующей интеллигенции. В понедельник, Н. Струве перед отлетом имел в Покровском монастыре, оказавшем ему гостеприимство, теплую беседу с ректором Киевской Духовной Академии, прот. Николаем Забугой, приехавшим накануне из Одессы, встретился с вице-председателем Академии наук, историком Толочко, и дал

пространное интервью украинскому республиканскому телевидению...

А.

Интервью Н.А. Струве К.Б. Сигову *

— *Киевляне вдвойне благодарны вам, Никита Алексеевич: во-первых, за книги, а во-вторых, за открытие библиотеки-читальни имени Надежды Мандельштам. Расскажите, пожалуйста, об истоках этой идеи.*

— Общение с Надеждой Яковлевной Мандельштам у меня шло «воздушными путями». В СССР я не ездил, а она так и не осуществила свою мечту побывать на Западе. Она была рада, что обе ее книги выходят в издательстве ИМКА-Пресс, которым я руководил. Мое видение Мандельштама она знала по моей статье во втором томе «Собрания сочинений» поэта, и ей оно было близко. Мне даже удалось переслать ей машинопись докторской диссертации, которую она прочла уже незадолго перед кончиной и одобрила. Перед смертью она завещала мне небольшую сумму денег, имеющуюся у нее на Западе, с наказом употребить их не на «литературу» (то есть на издание очередной книги), а на покупку красивого платья жене... Платье мы так и не купили, но рады, что можем почтить память Надежды Яковлевны открытием читальни ее имени в родном для нее городе.

— *В «Третьей книге» Надежды Мандельштам среди писем к вам есть строки: «Милый Никита, (...). Я не боюсь смерти (...). Мой священник мне говорит, что нужно нести свой крест до конца...»; много и других моментов, разрушающих стереотипные представления о «богемной еврейской интеллигенции»... Не могли бы вы рассказать о духовной стороне жизни Мандельштамов?*

— Я считаю, что Мандельштам осуществил своей судьбой максимальное уподобление Христу. Как извест-

* Напечатано в киевской газете «Столичные Новости» от 2 декабря 1998.

но, он уже в советское время заявил, что всякий «культурный человек отныне христианин», и определил искусство как богоподобную игру... Но этого было мало. Среди русских писателей он единственный сознательно пошел на «вольную смерть» ради правды, сочинив в 1933 году обличительный стишок на Сталина и прочтя его десяти верным друзьям... Подобно Пушкинскому каменноостровскому циклу, Мандельштам — 100 лет спустя — перед вторым арестом и гибелью в лагере написал свой евангельский триптих: Тайную Вечерю («Небо вечера в стену влюбилось»), Голгофу («Как светотени мученик Рембрандт») и Воскресение («К сырой земле неволью припадая»).

Иудей, крестившийся ради поступления в университет, Мандельштам так и не стал православным: его подвиг носит сверхконфессиональный характер. Но его верная сподвижница своей судьбой восполнила то, чего не хватало мужу: она уже на склоне лет, если не ошибаюсь, в 60-е годы, когда жила в Псковской области, стала истой православной. Насколько мне известно, одним из ее первых духовных руководителей был отец Сергей Желудков (позже она о нем, тяжело болевшем, трогательно заботилась). В Москве Надежду Яковлевну окормлял отец Александр Мень. А когда сама она стала немощной, то за ней ухаживала молодежь из соседнего с ее домом прихода.

— Помещение для читальни ИМКА-Пресс имени Надежды Яковлевны Мандельштам предоставила Духовная Академия в Лавре. Как бы вы определили основную тематику собрания книг, переданных вами в дар киевлянам?

— Совокупность книг издательства ИМКА-Пресс, к которым прибавлены некоторые сохранившиеся книги, изданные американским издательством имени Чехова, представляет собой целый пласт русской духовной культуры, развившейся в эмиграции... В трудное во всех отношениях постсоветское время эти книги особенно нужны. Многие из них уже переизданы в странах СНГ, но в библиотеках они редко бывают собраны воедино.

— Какие встречи с деятелями французской культуры были для вас важны и памяты?

— Контакт с французскими интеллектуалами у меня было меньше, чем с русскими; отчасти потому, что в 60-е и 70-е годы, вплоть до появления «Архипелага Гулаг», парижская интеллигенция была в значительной степени «левая» и с ней при случае приходилось сражаться. Наиболее памятно общение с Франсуа Мориаком, который с большой готовностью возглавил «Комитет помощи христианам в СССР», образовавшийся в Париже во время хрущевских гонений на Церковь. Мы с ним сразу нашли общий язык. Это был, по крайней мере в старости, очень светлый, тонкий и щедрый человек, зоркий и остроумный. А писатель он — первоклассный: его музыкально-отточенный язык непревзойден. Часто я общался с поэтом Пьером Эмманюэлем, протестантом, льнувшим к православию и воевавшим с левацкими тенденциями интеллигенции, и с Жан-Мари Доменакком, редактором журнала «Эспри».

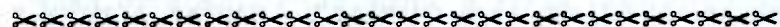
— Вы переписывались с Дмитрием Ивановичем Чижевским, знакомы и с его работами по истории культуры и литературы. Что вы думаете сегодня о его «Трудах и днях»?

— Я очень жалею, что лично не знал Чижевского, после войны жившего сначала в Америке, а затем в Германии, это был человек независимого характера, крупнейший ученый. На предложение сотрудничать в редактируемом мною «Вестнике Русского Христианского Движения» он немедленно ответил положительно, написал небольшую статью на историко-литургическую тему. Собирался писать о Тютчеве, но намерения своего не исполнил. Что касается «Трудов и дней» — не знаю... У ученого обыкновенно труды съедают дни, но собрать воедино все им написанное, конечно, необходимо.

— «Вестник» — влиятельнейший журнал парижской эмиграции. Он играл важную роль в сопротивлении коммунистической идеологии, и это сближает его, например, с польской «Культурой», дни которой недавно прошли в Киеве. В чем на ваш взгляд проявляется сходство и различие этих изданий?

— С польской парижской «Культурой» нас, разумеется, связывала общая задача: противостоять коммунизму не столько политическими средствами (которых у нас и не было), сколько словом. С Чапским я был в близких отношениях. Разница, пожалуй, была в том, что в «Культуре», соответственно названию, преобладала культура, а в «Вестнике» — богословие и религия. Богословские статьи в «Культуре» как-то трудно себе представить.

Я не был вполне уверен, что «Вестник РХД» будет еще нужен после падения коммунизма. Но сейчас православному сознанию, особенно в России, грозит горделивая самоизоляция, провинциализация, пагубный отрыв от культуры и современности, смещение относительного с абсолютным (обрядоверие)... В этом отношении пророчески звучат замечательные, огненные страницы матери Марии Скобцовой, напечатанные в 176 номере «Вестника». Но, естественно, они очень не по вкусу закостенелым ортодоксам, которые считают себя и свои узкие воззрения единственно истинными. Мы же пытаемся быть продолжателями о. Василия Зеньковского, считавшего самым неотложным делом «построение православной культуры».

Желающих поддержать материально программу распространения книг ИМКА-Пресс и коллекции «Вестника Русского Христианского Движения» просим направлять пожертвования в общество друзей ИМКА-Пресс: Amis d'YMCA-Press, 11 rue de la Montagne Ste-Geneviève. 75005 PARIS.

СОДЕРЖАНИЕ

От Редакции. К 80-летию А.И. Солженицына -
Никита Струве 3

БОГОСЛОВИЕ, ФИЛОСОФИЯ

Лествица как полифоничный символ духовной аскетической жизни - *Валерий Лепахин* 5
 Откровение Нового Завета и богослужбное пение - *В.И. Мартынов (Москва)* 29
 Жатва духа. (Новонайденные жития) - *мать Мария (Скобцова)* 51

■ Христианство на Западе. К 50-летию со дня кончины Жоржа Бернаноса

14 писем к Аморозо Лима - *Перевод, вступит. заметка и примеч. Никиты Струве* 66

■ К 75-летию основания Русского Студенческого Христианского Движения

I съезд РСХД во Франции. Доклад о. Сергия Булгакова и прения по нему. 90
 Два письма матери Марии отцу Сергию Булгакову - *Публикация Т. Емельяновой.* 100
 Мое участие в РСХД - *Прот. Василий Зеньковский* 109
 Из воспоминаний о жизни русских в Эстонии - *Мария Плюханова* 140

■ К 15-летию со дня кончины о. Александра Шмемана. Запись из дневника 158

Похищение генерала Е.К. Миллера - *Б. Краевский* 159

ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ

Стихи - *Сергей Вакуленко* 183

■ **К 200-летию со дня рождения Пушкина**

Восприятие Пушкина во Франции - *Никита Струве* 200

Из книги воспоминаний Н.С. Шелеповой (прапра-
внучки Пушкина) 204

Акакий Гоголя и Аким Толстого - *Юрий Иваск* 216

СУДЬБЫ ЦЕРКВИ

Священномученик Аркадий (Остальский), епископ
Лубненский - *Прот. Николай Доненко (Ялта)* 223

Исповедник о. Митрофан Воздвиженский -
Прот. Николай Доненко 251

Священник Алексей Усенко - *Прот. Николай
Доненко* 258

■ **Вопросы Церкви**

Мать Мария в оценке прот. В. Асмуса -
Никита Струве 263

■ **Хроника**

ИМКА-Пресс в Архангельске, Чувашии, Киеве 267

SOMMAIRE

A nos lecteurs:

Pour le 80e anniversaire d'Alexandre Soljénitsyne —
N. Struve 3

THÉOLOGIE, PHILOSOPHIE

L'échelle - symbole polyphonique de la vie ascétique —
V. Lepakhine (Hongrie) 5

Le Nouveau Testament et le chant liturgique —
V. Martynov (Moscou) 29

La moisson de l'Esprit - nouveaux textes inédits de
mère Marie Skobtsov 51

■ **Le christianisme en Occident**

Georges Bernanos (pour le 50e anniversaire de sa mort) —
Lettres à Amoroso Lima (*traduction, introduction et
notes de N. Struve*) 66

■ **Pour le 75e anniversaire de la fondation de l'Action
Chrétienne des Etudiants Russes**

Le 1er Congrès de l'ACER en France. Conférence du P. Serge
Boulgakov, suivie de discussions 90

Deux lettres inédites de mère Marie (Skobtsov) au P. Serge
Boulgakov (*publication et commentaire de T. Emilianova*) 100

Ma contribution à l'ACER (suite) — *P. Basile Zenkovski* 109

Un congrès de l'ACER en Estonie — *M. Plioukhanova* (Riga) 140

P. Alexandre Schmemmann — Une page de son journal intime
(à l'occasion du 15e anniversaire de sa mort) 158

L'enlèvement du général E. Miller — *B. Kraevski* 159

LITTÉRATURE ET VIE

Poésies — *Serge Vakoulenko* 183

■ Pour le bicentenaire de la naissance de Pouchkine

La réception de Pouchkine en France — *N. Struve* 200

Souvenirs de l'arrière-petite fille de Pouchkine —
N. Chelepova (Moscou) 204

Acace de Gogol et Akim de Tolstoï — *Iouri Ivask* (☞) 216

LES DESTINÉES DE L'ÉGLISE

Le saint martyr Arcade (Ostalski), évêque de Loubna —
P. N. Donenko (Ialta) 223

Père Mitrophan Vozdvijenski - confesseur de la foi —
P. N. Donenko 251

Le Père Alexis Ousenko — *P. N. Donenko* 258

■ Les problèmes de l'Église

Mère Marie Skobtsov jugée par le p. Valentin Asmous —
N. Struve 263

■ Chronique

YMCA-Press à Arkhangelsk, en Tchouvachie, à Kiev 267

ВНИМАНИЕ !

в России :

Представитель «ВЕСТНИКА»

«Русский путь». Ул. Нижняя Радищевская, 2
109004 Москва
тел. 915.10.47

В Москве, в частности, «Вестник» продается:

Крутицкое Патриаршее Подворье. Ул. Крутицкая, 13
109044 Москва

Литературный клуб «Графоман». Ул. Бахрушина, 28
113054 Москва
тел. 959.21.03

Представители «ВЕСТНИКА» на Западе

в Соединенных Штатах Америки :

Mrs T. Ertl, 6691 Lakeview drive, Boulder, Colorado 80303.

в Канаде :

«Parish News», 1175 A rue de Champlain, Montreal, P.Q.H2L 2R7

Русское Студенческое Христианское Движение за рубежом имеет своей основной целью объединение верующей молодежи для служения Православной Церкви и привлечение к вере во Христа равнодушных к вере и неверующих. Оно стремится помочь своим членам выработать христианское мировоззрение и ставит своей задачей подготовить защитников Церкви и веры, способных вести борьбу с современным атеизмом и материализмом.

Р.С.Х.Д. утверждает свою неразрывную связь с Россией. Наша принадлежность к русскому народу и к русской православной Церкви налагает на нас духовные обязательства, независимо от того, мыслим ли мы себя временными изгнанниками-эмигрантами или решили связать свою жизнь с другой страной. Подлинная русская культура неотделима от Православия: поэтому в хранении и продолжении ее мы видим наш долг. Мы видим наш долг также в свидетельстве перед миром о подлинном лике России, в напоминании о страданиях русского народа.

(Из Устава Р.С.Х.Д. 1959 г.)